

STRELKA PRESS

FLORIAN URBAN TOWER AND SLAB

Histories of Global Mass Housing

ФЛОРИАН УРБАН БАШНЯ И КОРОБКА

Краткая история массового жилья

Перевод с английского
Петр Фаворов

Москва 2019

УДК 332.821
ББК 85.118
У69

Перевод с английского Петр Фаворов
Редактор Наталья Стефанович
Дизайн Анна Кулачёк, Анастасия Вишнякова

Урбан Ф.
У69 Башня и коробка: Краткая история
массового жилья / Пер. с англ.
М.: Strelka Press, 2019. — 296 с.

ISBN 978-5-906264-92-3

Идеи государства всеобщего благосостояния, бурная урбанизация и новые промышленные технологии стали фундаментом для самой масштабной постройки в истории человечества: меньше чем за столетие массовое типовое жилье изменило ландшафт всей планеты и образ жизни большинства ее населения. Краткая история массового жилья, его архитектуры и идеологии — в книге профессора Школы искусств Глазго Флориана Урбана «Башня и коробка».

ISBN 978-5-906264-92-3

УДК 332.821
ББК 85.118

Authorised translation from the English language edition
published by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group
© Florian Urban, 2011
© Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

7	Предисловие к русскому изданию
11	Благодарности
13	Введение
20	Глава 1. Социальные преобразования, государственный контроль и происхождение массового жилья
38	Глава 2. Массовое жилье в Чикаго
68	Глава 3. Бетонная стена вокруг Парижа
102	Глава 4. Западный и Восточный Берлин: панель vs доходные дома
130	Глава 5. Бразилиа, столица жилых коробок
160	Глава 6. Мумбаи: массовое жилье для высшего общества
195	Глава 7. Панельная Москва
219	Глава 8. Высотный Шанхай
255	Глава 9. Глобальная архитектура в местных условиях
267	Список собеседников
269	Примечания
287	Иллюстрации
290	Указатель имен

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Очень может быть, что из всех стран, описанных в этой книге, Россию чаще других вспоминают, когда заходит речь о многоквартирных коробках и башнях. Стандартизированное, сооруженное промышленным методом панельное жилье хрущевской и брежневской эпох — ключевой образ и самого социалистического государства, и его попыток радикально переизобрести опыт городского существования. Кроме того, в этом жилье воплощены реальные достижения советского режима в области повышения качества жизни. Любой, кому в 50-х или 60-х годах XX века довелось перебраться из перенаселенной коммуналки в только что построенное панельное здание, наверняка помнит пьянящее ощущение огромного шага вперед, связанное с обладанием собственной отдельной квартирой с центральным отоплением и горячим водоснабжением — какой бы тесной она ни была и каким бы низким ни оказалось впоследствии качество строительных работ. Еще важнее то, что панельные здания оказались символом советской повседневности. Именно в этом качестве они обрели бессмертие в бесчисленных шутках и анекдотах и именно так они воспринимались в 2007 году, когда я начал собирать материал для своей книги.

Когда я писал, что московские панельные дома «дают убежище множеству бедняков, которые по крайней мере владеют своими квартирами и потому не подвергаются риску стать бездомными», я и представить себе не мог масштабов программы реновации, которую запустят городские власти в 2017 году. Британская газета *The Guardian* даже предположила, что планируемое уничтожение 7800 хрущевок, где проживает 1500000 человек (что соответствует 10% всего жилого фонда Москвы), «станет самым масштабным сносом в истории человечества».

А когда я отмечал, что ответственность города по отношению к своим жителям «непрерывно ослабевает», я даже не предполагал, к каким тяжелым последствиям приведет этот процесс. Хотя причиной проведения программы реновации стал высокий уровень износа жилья, и было принято решение о переселении обитателей пятиэтажек в новые квартиры более высокого качества, критики проекта считают, что плохое состояние хрущевок — это не более чем предлог, что за реновацией в первую очередь стоит влиятельное строительное лобби, заинтересованное в извлечении сверхдоходов из удобно расположенных участков, и что наиболее вероятным ее итогом станет рост социального расслоения, насильственное переселение жителей и агрессивное выдавливание более бедных слоев из центра города.

Разумеется, построенные на скорую руку здания хрущевского и брежневского периодов не нужно идеализировать, как и не нужно оправдывать создавший их деспотический режим. Тем не менее не стоит забывать, что кое в чем советские многоквартирные дома превосходили не только свои постсоветские аналоги, но и вообще любое жилье, сооружаемое в условиях рыночной экономики. В их основе лежало восприятие жилья не как товара, но как реализации одного из прав человека, а также понимание, что обеспечить населению нормальные жилищные условия — обязанность государственных властей, фундамент социальной политики. Эти дома оказались воплощением идей справедливости и перераспределения национального богатства, они ярко контрастируют с рыночной вседозволенностью, которая стала причиной столь глубокой пропасти между богатыми и бедными в современной России.

Снижение ответственности государства за обеспечение граждан жильем и постоянно растущее неравенство в этой области отнюдь не какие-то специфически российские явления — наоборот, их можно наблюдать во множестве других стран. Очень часто эти тенденции непосредственно связаны с коробками и башнями. Критика массовой жилой застройки становилась оправданием для снижения уровня государственного вмешательства, отказа от перераспределительных механизмов, таких как жилищные субсидии или контроль за уровнем арендной платы, и все большей ориентированности на

рынок при решении жилищной проблемы. Последствия этого заметнее всего в крупных городах. Дефицит жилых площадей испытывают на себе представители всех слоев общества за исключением самых богатых, арендная плата растет невиданными темпами, а на улицах появляется все больше бездомных. Самые бедные члены общества оказываются вытеснены из наиболее привлекательных районов, да и представителю среднего класса становится все сложнее найти достойную крышу над головой.

На этом фоне модернистские коробки и башни остаются напоминанием о том времени, когда на борьбу с неравенством и маргинализацией бросались огромные силы, а общество оптимистично оценивало свои шансы победить в этой схватке. Все это вовсе не означает, что парижские пригороды, берлинские кварталы, чикагские комплексы муниципального жилья или московские хрущевки надо воспринимать как архитектурные образцы для подражания. Однако о них следует помнить как о неоднозначном наследии, которое важно не только осуждать за монотонность архитектуры и авторитарные методы принятия решений, но и уважать за новаторский подход к решению острейших социальных проблем и четкое понимание того, что по-настоящему слаженные усилия могут привести к полному преобразению городской ткани.

Если попробовать охватить взглядом сразу весь земной шар, станет совершенно понятно, что не архитекторы виноваты в той дурной репутации, которой коробки и башни пользуются в некоторых развитых обществах. В Западной Европе и Северной Америке типовая жилая застройка быстро оказалась объектом ожесточенной критики, но можно назвать не меньше стран — не только большинство азиатских, но и, например, Испанию и Италию, — в которых модернистские многоквартирные здания так и не стали синонимом градостроительной ошибки. То же самое можно сказать и о государствах постсоветского пространства: предметом недовольства в них является вовсе не архитектура модернизма или функционалистский подход к городскому планированию, а такие чисто практические аспекты, как низкое качество строительства и бездарное управление многоквартирными зданиями. В таком контексте не сложно прийти к выводу, что идущие на Западе

дискуссии сильно выиграли бы в осмысленности, если бы в них было побольше прагматизма и поменьше эмоций.

Одно можно утверждать с полной уверенностью: в обозримом будущем высотное жилье никуда от нас не денется. За время, прошедшее с момента первой публикации этой книги, нагрузки на городское пространство еще более возросли, а нужда в экологически сбалансированных формах застройки стала еще более насущной. В современном мире с его постоянно увеличивающимся населением и растущими мегаполисами модель урбанизации, основанная на строительстве домов на одну семью, кажется не чем иным, как вопиющим анахронизмом. В этом отношении Россия, Китай или Индия имеют преимущество перед Великобританией или США, поскольку многоэтажное жилье как таковое не отмечено в них социальной стигмой, а проживание в отдельно стоящих частных домах не стало безоговорочным признаком высокого статуса, общественного успеха и счастливой семейной жизни. Мы пока еще не знаем, какая форма застройки окажется господствующей парадигмой жилья в ближайшие годы: будет ли это башня, отдельно стоящий многоквартирный дом средней этажности или традиционный городской квартал. Но понимание механизмов, которые превратили модернистские коробки и башни прошлого в символы жизненного успеха или неудачи, может помочь нам в разговоре о том, как проектировать высотное жилье будущего.

Глазго, февраль 2019 года

БЛАГОДАРНОСТИ

Прежде всего я хочу поблагодарить жителей, архитекторов, специалистов по городскому планированию и ученых семи разных мегаполисов — всех тех, кто не пожалел времени, чтобы поделиться со мной своим опытом и мнениями, и тем самым показал мне такие непохожие примеры среды обитания, которые формирует в их родных городах массовая жилая застройка. Эта помощь неоценима.

Настоящая книга зародилась в 2003 году как побочный проект диссертации, которую я писал на отделении истории, теории и критики архитектуры Массачусетского технологического института. Хотя от первоначального текста уже давно ничего не осталось, связанные с ним идеи по-прежнему важны для меня. Я искренне благодарен руководителям моей диссертации Марку Яржомбеку и Ларри Вэйлу за их советы и поддержку.

С 2005 по 2008 год я преподавал в Центре городских исследований Берлинского технического университета, и именно там эта работа подошла к завершению, чему в значительной мере способствовала атмосфера дружбы и профессионального сотрудничества. Огромное спасибо Хайнцу Райфу, Кате Зюсснер, Дагмар Торау, Доротее Брантц, Сюзанне Штемлер и Оливеру Шмидту. Щедрая финансовая поддержка моих исследований фондом Фрица Тиссена сделала возможными все необходимые путешествия.

Из моего кабинета в Школе архитектуры Макинтоша Школы искусств Глазго открывался прекрасный вид: перед глазами был городской ландшафт, появившийся в результате одной из самых масштабных в Европе программ массовой жилой застройки. Огромная благодарность моим тамошним коллегам

и студентам, которые вдохновили меня на окончательное формулирование многих идей.

Я хотел бы также поблагодарить за советы и помощь многочисленных специалистов, которые занимаются смежными вопросами и помогли упорядочить мои собственные мысли, — особенно Ричарда Уильямса, Эрве Вьейр-Барона, Софию Швайри, Франка Вассенберга, Майлса Глендиннинга, Ричарда Денниса, Розмари Уэйкман, Нихил Рао и Жан-Луи Коэна.

Я очень благодарен своим аспирантам, которые обеспечили меня информацией, переводами, фотографиями и penetrating комментариями. Огромное спасибо Ангелике Сви-дерской, Ану Е, Карстену Шмидту, Лорану Яхетте и Ди Вану.

Свой вклад в развитие этого проекта внесло множество друзей и коллег, которые помогали мне своими меткими замечаниями, откровенными отзывами и просто морально поддерживали. Благодаря им я четче формулировал мысли, совершенствовал литературные навыки и разрешал множество сомнений по поводу тех мест, которые они знают лучше, чем я. Спасибо Майклу Осману, Лиз Могел, Каролине Лабуш, Силке Моргенрот, Кирстен Кофаль, Александре Рот-Белковой, Джеральду Роту, Кирстен Вайс, Цай Линю, Ину Чжоу, Гузель Сабировой, Алле Вронской, Наталье Белковой, Приянке Басу, Мартину Швегеманну, Стиву Роуэллу, Хадидже Кэрролл, Алексу Шведереру и Аугусту Ареалу. Последними — по порядку, но не по степени значимости — я упомяну моего отца и Марсела, которых никогда не смогу в достаточной мере поблагодарить за их любовь и бесконечную поддержку.

ВВЕДЕНИЕ

Честь и бесчестие типового жилищного строительства

Модернистская массовая жилая застройка — одно из самых распространенных архитектурных явлений XX века. В центральных кварталах Бразилиа и в муниципальных комплексах в Чикаго, в парижских пригородах и в московских окраинных микрорайонах миллионы горожан называют своим домом жилье в стандартизированных многоквартирных зданиях. Они распространены повсеместно, и при этом ни одна форма городской ткани в истории не вызывала таких острых разногласий. С тех пор как в 1930-е годы было построено первое модульное жилье, коробки и башни то превозносили как спасение человечества, то проклинали как источник бедствий. Осенью 2005 года беспорядки во французских пригородах послужили сигналом для новой дискуссии об ответственности архитектора за рост преступности и насилия. Ранее схожие споры привели к широкомасштабному сносу крупных массивов социального жилья в Соединенных Штатах — и тем не менее такое жилье по-прежнему остается желанным для беднейших слоев американского населения. Сносят типовые многоэтажки и в Восточной Германии, но в основном потому, что население сокращается и они пустуют. Зато во многих других случаях массовая жилая застройка по-прежнему вне всякой критики. В переживающих экономический подъем Шанхае и Мумбаи все новые башни строятся для зажиточного среднего класса, а в Москве типовые дома хрущевской и брежневской эпох стали пристанищем для тех, кому не досталось плодов нового экономического благосостояния.

В этой книге прослеживается изменчивая судьба массового жилья в Чикаго, Париже, Берлине, Бразилиа, Мумбаи, Мос-

кве и Шанхае, анализируется взаимосвязь градостроительства и социальной истории. Мы видим, как мечта модернистов о типовом жилье для масс успешно воплощалась в одних местах и оставалась иллюзией в других. Мерой успеха или провала служит здесь не только достижение первоначальных целей — решить проблему нехватки жилья, вызванной демографическим ростом и миграцией из деревень в города, и обеспечить современные условия жизни для всех слоев населения. Не менее важно значение, которое придают многоквартирной застройке в обществе той или иной страны, и ее восприятие архитекторами, политиками и самими жителями.

Все эти различия показывают, что неоднозначная репутация массового жилья не может объясняться недостатками архитектуры. Вовсе не сами здания породили те социальные обстоятельства, символами которых невольно стали. Скорее, архитектура была лишь вместилищем: она не формировала общественные отношения, но задавала некоторые их особенности, не создавала напряжение, но направляла его в определенное русло. Сравнение схожих на первый взгляд проектов в семи разных городах заставляет предположить, что триумф или крах зависит не от какого-то одного фактора, а скорее от сложной их комбинации. Свою роль играли и внешняя форма и функциональное наполнение зданий, но также и состав населения, и расположение внутри города, и качество последующего обслуживания, и еще множество культурных, общественных и политических особенностей. Достаточно было ошибиться в одном из параметров — и под угрозой оказывалась вся конструкция: символу комфорта и высокого качества жизни ничего не стоило превратиться в средоточие горестей и нищеты.

Так называемый интернациональный стиль в области типового жилья никогда не был особенно интернациональным. Контраст между уже снесенными жилыми домами Роберт Тейлор Хоумз в Чикаго, кварталами бразильской столицы, Сите де Катр-Миль под Парижем и шанхайским комплексом Жэньхэн-Бинцзяньюань демонстрирует, насколько разнообразной стала многоквартирная жилая застройка с той поры, как теоретики впервые предложили ее как универсальное решение демографических проблем современности. Яркие локаль-

ные особенности дополнительно описывают явление, которое сформировалось по всему миру в непрерывном конфликте между глобальным дискурсом и местными традициями; его называют модерностью, но правильнее было бы говорить о модерностях. История массовой жилой архитектуры — это еще и история глобализации. Подобно любым другим новшествам, коробки и башни не могли, оказавшись в тех или иных национальных границах, не претерпеть изменений. Огороженные заборами жилые комплексы в Китае и французские города-спутники — это лишь два примера того, как различаются форма, функциональное наполнение и смысл одинаковых на первый взгляд многоквартирных высоток в зависимости от конкретных общественных и политических условий. Очерки истории массового жилья в семи разных странах проливают свет на это повседневное волшебство архитектурной метаморфозы: бетонные коробки становились дворцами или хижинами, аренами боевых действий или тихими гаванями — но прежде всего зеркалами, в которых отражались самые сокровенные желания и самые потаенные страхи всего общества.

Неизменные принципы: патернализм и стандартизация	Если смотреть на массовую жилую застройку поверх культурных и политических границ, то что же оказывается неизменным? Две фундаментальные идеи сформировались еще в конце XIX века и вскоре оказались неразрывно связаны с риторикой модернистской архитектуры и градостроительства. Во-первых, это стандартизированный дизайн и индустриальные методы строительства жилья, а во-вторых — вера в равные условия жизни как цель всего общества и в патерналистское государство как наиболее эффективное средство ее достижения. Убеждение, что власти должны взять на себя ответственность за благополучие граждан и противодействовать социальному расслоению, дало начало различным типам государственного патернализма, которые в самой полной своей форме реализовались в первые десятилетия после Второй мировой войны. Так было в Скандинавии, так было в странах социализма — с той существенной разницей, что при социализме зазор между теорией и практикой оставал-
---	---

ся шире вследствие ограниченности ресурсов. В богатых странах Западной Европы и Восточной Азии выстраивание государства всеобщего благосостояния сочеталось с высоким уровнем регулирования рынка и формированием эгалитарного общества с широчайшим средним классом. Во всех этих случаях субсидируемое государством массовое жилое строительство входило в программу формирования социальных гарантий материального благополучия для всех граждан, включая непривилегированные слои. В США, Бразилии, Индии, Иране или Южной Корее, где система всеобщего благосостояния так и не была полностью сформирована, строительство массового жилья также опиралось на государство. Здесь, однако, его влияние выражалось не в том, что государству принадлежали строительные компании, а в разнообразии форм кооперативного и муниципального жилья, в законодательном регулировании социального найма и прав собственности на недвижимость, в налоговой системе и контроле за землепользованием.

Массовая жилищная застройка свидетельствует о противоречивой природе государственного патернализма: при всех положительных сторонах он несет в себе потенциал угнетения, поскольку помощь обездоленным ведет к ограничению свободы личности. Это противоречие по-разному проявлялось в разных концах света, так что в целом очень похожие начинания где-то привели к успеху, а где-то закончились провалом.

Примерами тут служат США, Франция, Германия и Россия, с одной стороны, и Бразилия, Индия или КНР — с другой. Во всех этих странах строили очень похожие ансамбли из коробок и башен, но их судьба складывалась совсем по-разному. В Чикаго, Париже и Берлине массовая жилищная застройка приобрела настолько дурную репутацию, что начиная с 1980-х годов местные власти ориентированы на ее снос или реконструкцию. Напротив, в Москве, Бразилиа, Мумбаи и Шанхае типовые многоквартирные дома по-прежнему считаются вполне удовлетворительным жильем — в центральной части Бразилиа им даже присваивают статус исторических памятников. Во всех семи городах программы массовой жилой застройки были прекращены примерно между 1975 и 1995 годами, уступив место рыночным механизмам. Однако если в Чикаго, Париже, Берлине или Москве городские власти все меньше вмешиваются

в функционирование рынка жилья, то в Шанхае и Мумбаи степень контроля за ним по-прежнему высока.

Во всех этих городах возведение типовых многоквартирных зданий было одной из стратегий модернизации. Модульная застройка не просто превратилась в знак прогресса и процветания, но и действительно способствовала возникновению условий современной городской жизни в противовес укладу обществ, не достигших модерна. Это не только определенные санитарные и гигиенические стандарты, но и культурные модели: совместное проживание нуклеарной семьи с одним или двумя детьми, высокая степень анонимности в отношениях между соседями, географическое отделение работы от дома. Когда высотные жилые здания только появились, такой образ жизни резко контрастировал с привычками большинства населения, так что возникшее в результате напряжение привело впоследствии ко множеству конфликтов. Во всех рассматриваемых случаях архаичные уклады в итоге исчезли или существенно преобразились, но, вопреки надеждам адептов массовой жилой застройки, сама она так и не смогла породить глобальную современную культуру более высокого качества. Современное жилище оказалось атрибутом ограниченных социальных групп, и отношение к этим группам в обществе влияло на восприятие массовой застройки в целом.

Семь
исторических
очерков

Разнообразие массовой жилой застройки влечет за собой еще и методологическую проблему. Помимо стандартизации и государственного участия нет других черт, общих для всего массового жилья (а различия будут типологические, технологические, экономические и социальные). В каждой стране своя категория, характеризующая типовые многоэтажки, находится в центре их обсуждения. Во Франции ключевую роль и в научных публикациях, и в общественной дискуссии играет градостроительный термин *grand ensemble* (жилой массив). В бывших социалистических странах Восточной Европы на первом месте строительные технологии, так что понятие «бетонная панель» определяет название всего здания: «панельный дом» в России, *panelák* (панелька) в Чехии, *wielka płyta* (крупная панель) в Поль-

ше, *Platte* (панель) в Восточной Германии — эти термины используют и специалисты, и широкая публика. В Западной Германии понятие *Neubauten* (новостройка) отделяет послевоенные кварталы от довоенных зданий, но со временем оно стало включать в себя разные формы финансирования и собственности. Наконец, в Соединенных Штатах в центре дебатов оказалось противопоставление муниципального жилья (*public housing*) строительству на частные средства, а прочая типовая архитектура осталась в стороне. В Индии, Китае и Бразилии не появилось никаких широко распространенных терминов, обозначающих сооружаемую на государственные деньги массовую жилую застройку 1960-х и 1970-х годов, но зато сформировалась сложная система обозначений многоквартирных домов в зависимости от их архитектуры, уровня комфорта, размера и времени постройки. Из-за невозможности провести сравнительный анализ с единой точки обзора всемирная история массовой жилой застройки может быть только собранием очерков. Каждое отдельное сооружение приходится одновременно воспринимать и как произведение архитектуры, возникшее в своем контексте, и как явление, порожденное единым модернистским дискурсом. Упрощения и лакуны, неизбежные при попытке разом описать ситуацию во всем мире, отражают, таким образом, противоречия между глобальной эволюцией модерности и местным контекстом, задающим для нее конкретные рамки.

История многоквартирной застройки в выбранных мною городах была бы неполной без упоминания трущоб — той разновидности массового жилья, которую часто воспринимают как жуткого двойника коробок и башен. Перенаселенные доходные дома, неприглядные лачуги и построенные из подручных средств хибары дали импульс для зарождения идеи типовой застройки, а их продолжающееся расползание по миру нередко приводится как доказательство неудачи модернистского жилищного проекта. В Индии и Бразилии большинство рабочих на стройплощадках — это жители трущоб, которые, однако, редко могут позволить себе вселиться в построенные ими здания. В Мумбаи и Бразилиа кварталы многоквартирного жилья расположены вплотную к районам трущоб. Схожую ситуацию в 1950-х годах можно было наблюдать на окраинах Парижа,

где стремление избавиться от барачных городков стало одним из основных факторов при запуске программы массового многоэтажного строительства. Таким образом, трущобы — не только фон, на котором первоначально воспринимались коробки и башни, они и указание на несовершенства модернизма.

Противоречия, вызванные массовой жилой застройкой, разнообразны настолько, насколько коробки и башни просты в производстве. Чтобы не заблудиться в лабиринте зданий, образов и идей, я цитирую в книге газетные статьи и научные исследования, а также беседы с жильцами, архитекторами и представителями городских властей. Множественность точек зрения показывает, как мнение заказчиков, планировщиков и обитателей типовых домов сильно менялось со временем и от проекта к проекту. Тем не менее объяснительную силу источников невозможно оценивать вне контекста. В авторитарных Китае или Советском Союзе письменные свидетельства скорее отражают не индивидуальное восприятие, а санкционированную властями точку зрения, хотя зачастую все равно содержат ценную информацию о государственной политике и о тех моментах, когда она резко менялась. В странах, где принято уважать свободу мнений, газетные новости и комментарии, напротив, часто отражают позицию меньшинства и иногда прямо противоречат взглядам специалистов или других жителей. Все главы в книге опираются на широкий спектр визуальных, устных и письменных свидетельств; семь параллельных сюжетов прослеживают зарождение, осуществление и восприятие идеи массовой жилой застройки в семи локальных контекстах. Эти исторические очерки показывают двойственную роль государственного патернализма (расширение возможностей и навязывание контроля), а также взаимозависимость между архитектурой и условиями жизни. Так становится хорошо виден извилистый путь, пройденный архитектурной концепцией, которая во многих странах и сегодня остается предметом споров и непрерывного переосмысления.

ГЛАВА 1.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАССОВОГО ЖИЛЬЯ

Жилье
и социальный
вопрос

Социальный вопрос, остро стоявший перед всеми индустриализирующимися странами начиная с середины XIX века, был ключевым для программ строительства массового жилья.

В пеструю группу сторонников общественных преобразований входили радикальные аристократы, буржуазные филантропы и активисты рабочего движения — все они осознавали, в каких чудовищных условиях живут две трети населения промышленных городов, и считали своим моральным долгом изменить эту ситуацию. Представители высшего и среднего классов декларировали приверженность этой высокой цели, которая, впрочем, сочеталась в них со стремлением защитить собственные интересы, сохранить социальную стабильность и предотвратить волнения рабочих. С самого начала в реформаторах боролись милосердие и высокомерие. Обеспечение нуждающихся жильем и пропитанием сопровождалось более или менее насильственными методами учета, регулирования и дисциплинирования масс с целью навязать им нормы морали и социальной гигиены. Подобно любым видам вспомоществования, социальное обеспечение помогало непривилегированным слоям, но одновременно ограничивало свободу действий тех, кто его получал, и укрепляло власть господствующих групп.

В европейских странах финансируемые государством или работодателями программы помощи нуждающимся начали вводить на рубеже XIX–XX веков, так что к концу Второй мировой войны там сложилась всеобъемлющая система социального обеспечения, частью которой суждено было стать и массовому жилью. В Германии основанный в 1873 году Союз социальной политики объединил видных сторонников государственно-

го вмешательства в экономические и общественные вопросы, которые отвергали социалистические идеи. Во Франции важнейшим объединением, отстаивающим схожие взгляды, стал Социальный музей, учрежденный в 1894 году. Всеобщее медицинское страхование немецких рабочих было введено в 1883-м, и в том же году социал-демократическая партия Германии оказалась под официальным запретом. Во Франции некоторые формы врачебной помощи стали предоставляться бесплатно начиная с 1893 года, в Британии — с 1911-го. Французское общество градостроителей было основано в 1911 году, Британский королевский институт городского планирования — в 1914-м; улучшение жилищных условий стало в итоге основой муниципальной политики. В США так называемая «эра прогрессивизма» 1890-х и начала 1900-х годов породила законодательство о территориальном зонировании, строительных нормах и условиях труда, закрепив за государством приоритет в регулировании самых разных аспектов городской жизни. Наряду с подъемом в социальных науках во многих странах возрастало значение всестороннего планирования и государственного регулирования. Чтобы определить нужды населения и гарантировать эффективность вмешательства, власти главным образом опирались на количественный анализ и научно обоснованные методы оценки. Их целью стало обеспечить достойные условия жизни для всех общественных классов — идеал, казавшийся недостижимым с тех пор, как на Земле появились первые города.

В архитектурных дискуссиях эта цель фигурирует с начала XX века. Риторика модернистов Франции, Германии, Британии, России и Соединенных Штатов довольно быстро включила обеспечение нуждающихся жильем в представления об архитектуре и градостроительстве новой эпохи. Во Франции Тони Гарнье разработал концепцию индустриального города, согласно которой члены индустриализованного социалистического общества должны обитать в модульных бетонных домах. Идеи Гарнье, впервые высказанные около 1900 года, предвосхищали типовую застройку, позднее осуществленную во многих странах мира¹. В первые годы после Октябрьской революции советские теоретики Леонид Сабсович, Михаил Охитович и Николай Милютин мечтали о полностью переустроенном городе, подходящем для социалистического общества всеобщего равенства. В Германии

архитекторы Бруно Таут, Рихард Римершмид, Герман Мутезиус, Ханнес Мейер, Петер Беренс и другие воспринимали массовую застройку как единственный способ ослабить дефицит жилья и улучшить качество жизни неимущих слоев. В этом они опирались на идеи таких реформаторов жилищного строительства, как Отто Шиллинг и Рудольф Эберштадт. Вероятно, наиболее важным результатом этих усилий стал рост числа новых районов муниципального жилья начиная с 1920-х годов. Все перечисленные деятели верили в сильное и великодушное государство, которое должно обеспечивать законодательную базу для работы архитектора, следить за соблюдением минимальных стандартов и сглаживать наиболее пагубные побочные эффекты свободного рынка жилья². Эти условия могли быть созданы очень разными режимами — от монархического до социалистического, — так что политические воззрения сторонников жилищных реформ отличались большим разнообразием.

Истоки индустриаль- ного строи- тельства	Индустриальное строительство в том виде, в котором оно сложилось в первые десятилетия XX века, стало технологической основой для массовой жилой застройки в большинстве стран мира и одновременно — стилистическим принципом современного городского планирования. Даже там, где индустриализация не доминировала, — как, например, в Бразилии или Индии, — ее базовые принципы отразились в циклическом, конвейерном характере строительства и определили новую архитектурную эстетику. Здания, построенные промышленным методом, имеют два коренных отличия от традиционного нетипового дома. Во-первых, они собираются из заранее произведенных частей, а во-вторых, их строят не по одному, а целыми партиями по тщательно продуманной методике. В этом смысле индустриальное строительство можно описать как автоматизацию, которая увеличивает производительность за счет серийности и стандартизации. Это относится не только к многоэтажным зданиям, но и к сборным домам или трейлерам. В любом случае эта форма организации строительства не просто способствует резкому росту производства, но и делает его необходимым: высокая стоимость разработки
---	--

рационализированных методов может быть скомпенсирована только значительными объемами строительства, которые делают весь процесс максимально рентабельным³. Индустриальное строительство не всегда легко отличить от традиционного, между ними нет четкой границы, скорее плавный переход. Почти любое спроектированное для конкретного участка нетиповое здание включает множество готовых частей. Окна и двери производятся большими партиями, размеры балок и колонн стандартизированы, а кирпичи можно воспринимать как разновидность заранее произведенной детали. Так же и традиционное разделение труда — например, между каменщиками и кровельщиками — уже представляет собой форму рационализации производственного процесса. Тем не менее индустриальное строительство в том виде, в котором его практиковали архитекторы-модернисты в первые десятилетия XX века, подразумевало рационализацию и предварительную сборку в невиданных прежде масштабах и связывало их с мечтой о новом обществе, основанном на принципах социальной справедливости. Именно поэтому термин «индустриальное строительство» часто ассоциируется не с собственно технологией, а с определенными принципами проектирования и соответственно с модернистской архитектурой как таковой.

Некоторые формы предварительной сборки известны еще со времен Античности. Археологические исследования затонувших древнеримских кораблей показывают, что целые части зданий предварительно компоновались в каменоломнях, а потом перевозились на строительную площадку⁴. Рост колониальных империй в XIX веке сыграл важную роль в развитии приемов предварительной сборки, поскольку появилась необходимость быстро обеспечить крышей над головой большое число людей в далеких уголках мира⁵. Военно-инженерные разработки также дали основу для использования материалов промышленного производства в гражданском строительстве.

Знакомые нам теперь формы индустриализации строительства сложились гораздо позже, чем промышленное производство материалов. В конце XIX века инженер Фредерик Уинслоу Тейлор (1856–1915) предложил научную организацию труда, рационализирующую каждый отдельный этап производства. Генри Форд (1863–1947) на своих предприятиях внедрил идеи Тей-

лора на практике. В 1913 году его завод в Детройте начал сборку автомобилей на конвейерной линии. В последующие десятилетия фордистское производство служило образцом для индустриализации строительной отрасли⁶. Методики работы совершенствовались в соответствии с научными принципами, число одинаковых зданий росло. Французское выражение *grands ensembles*, обозначающее жилые массивы, как и его немецкий аналог *Großsiedlungen*, отражает приоритет крупного масштаба; он — смысловой стержень этих достижений строительной отрасли.

Возникшие в конце XIX века материалы и технологии позволили индустриализации строительства продвинуться далеко вперед. Особенно важны здесь стальные каркасы и железобетон. Хотя бетон использовали еще древние римляне, в последующие столетия он оказался практически забыт. Ключевое значение для строительства бетонных домов имели эксперименты французского инженера Франсуа Эннебика. В своей работе он опирался на опыт садовника Жозефа Монье, который придумал укреплять бетонные кадки каркасом из железной проволоки⁷. Полученный Эннебиком в 1892 году патент на железобетон дал возможность использовать этот материал в индустриальном строительстве больших зданий. Другими первопроходцами бетонного строительства стали архитектор Огюст Перре, который в 1903 году построил на рю Франклин в Париже первый полностью бетонный многоквартирный дом, и инженер-строитель из Ливерпуля Джон Александр Броди, под чьим руководством в 1905 году на Элдон-стрит выросли жилые дома из готовых бетонных плит⁸. Как и сооружению зданий из готовых деревянных деталей, сборному строительству из бетона способствовала колониальная экспансия. Работавшая в Батиньоле под Парижем французская компания Lippmann, Schneckenburger & Cie, первой освоившая строительство из полых бетонных плит, начиная с 1860 года ориентировалась прежде всего на рынок французских колоний в Карибском бассейне⁹. В 1893 году ее патенты перешли к амстердамской фирме Wittenburg, которая также поставляла свою продукцию в заморские владения европейских держав.

В начале XX века технологии строительства с использованием бетонных плит одновременно совершенствовались в Англии, Германии, Франции и США. Изобретатель электрической лампочки Томас Эдисон искал новые способы приме-

нения литого бетона. В 1909 году по его методике была построена партия двухэтажных домов на одну семью в Филипсбурге, штат Нью-Йорк. Нью-йоркский инженер Гровенор Аттербери в 1908 году разработал систему строительства из панелей высотой в этаж, которые оставляли полыми для лучшей теплоизоляции. Самыми знаменитыми его проектами стали Форест-Хилл в Квинсе¹⁰, район псевдотюдоровских особняков из готовых бетонных плит, и вариант двухэтажного дома на одну семью, разработанный в 1918 году для Лонг-Айленда¹¹. Традиционалистское архитектурное решение, предложенное Паулем Шмиттнером для города-сада Штаакен (1914–1917) под Берлином, в соответствии с новейшими веяниями стандартизации сводилось всего к пяти типам домов¹².

К 1920 году итог конкуренции между стальным каркасом и железобетоном был уже очевиден. По мнению большинства застройщиков, преимущества бетона — дешевизна, устойчивость к огню и коррозии, а также исключительная долговечность — искупали недостатки в виде огромного веса и сложности в транспортировке. Многие исследователи подчеркивают политический аспект такого развития событий: военно-промышленный комплекс нуждался в стали, во время Первой мировой войны она стала дефицитом во многих странах¹³. Дорога к господству железобетона как материала для строительства многоэтажных зданий оказалась открытой. Начиналась эра бетона.

Модернизм
в межвоен-
ный период:
первые про-
екты массо-
вой жилой
застройки
в Германии,
Франции
и Англии

В последнее десятилетие перед Первой мировой войной, когда серийно произведенные лампы, ручки, пишущие машинки и автомобили постепенно заполняли французские, британские и американские города, здания в них по-прежнему сооружались так же, как и тысячу лет назад: одно за другим и каждое своим застройщиком. Единственной уступкой промышленной эпохе было использование повторяющихся планировок, а также фасадных решений, которые были схожи, но не идентичны (они до сих пор остаются главной отличительной особенностью тщательно оберегаемых в наши дни кварталов конца

XIX века в Нью-Йорке, Париже, Берлине и других городах). Этот очевидный анахронизм не ускользнул от внимания современников. В Германии и Франции архитекторы Вальтер Гропиус (1883–1969), Людвиг Мис ван дер Роэ (1886–1969) и Ле Корбюзье (1887–1965) осознавали, что традиционное строительство не способно достичь той производительности, которая необходима при гигантской миграции из деревень в города, — и потому ожесточенно критиковали устаревшие методы. Индустриализация представлялась им требованием времени. Подкрепляя свои слова заманчивыми картинками, они превозносили стандартизированное строительство не просто как более совершенную технологию, но и как отличительный знак современной жизни.

В Германии, где споры о стандартизации, кипевшие в Веркбунде, достигли апогея накануне Первой мировой войны, промышленные методы строительства стали все шире осуществлять на практике начиная с первых же мирных лет. Традиционалисты, такие как проектировщик города-сада Штаакен Пауль Шмиттенер (1884–1972), сыграли в этом не менее заметную роль, чем модернисты, сгруппировавшиеся вокруг Баухауса. Вальтер Гропиус и многие его коллеги взяли на вооружение эстетику изделий машинного производства. Они не только пропагандировали стандартизацию как необходимое условие эффективной работы фабрик, но и ввели особый формальный язык, выражавший сам дух индустриализации: необработанные материалы, геометричные очертания и полное отсутствие орнамента. Ставший преемником Гропиуса на посту директора Баухауса швейцарский архитектор Ханнес Мейер (1889–1954), один из наиболее радикальных представителей этой школы, придавал таким дизайнерским решениям характер строгих правил. Он называл типизацию и стандартизацию «альфой и омегой социалистической архитектуры» и считал, что они лучше всего подходят для бесклассового общества¹⁴. Мейер полагал, что все представители пролетариата желают одного и того же, а значит, нужны унифицированные здания, архитектура которых определяется исключительно их функцией. Любой дом был для него не «красивым или уродливым, но всего лишь правильным или неправильным»¹⁵.

Новая архитектура должна была производиться на заводах поточным методом. В 1926 году в статье «Большой строитель-

ный конструктор» Вальтер Гропиус обратился со знаменитым призывом к тотальной индустриализации строительства¹⁶. Вместе с Конрадом Вахсманом (1901–1980) он разработал множество систем готовых строительных конструкций¹⁷. Для Людвиг Миса ван дер Роэ индустриализация была «вопросом не столько рационализации существующих методов работы, сколько фундаментального преобразования всего строительного ремесла»¹⁸. Он призывал «разрушить строительную отрасль в существующей на сегодняшний день форме», чтобы адаптировать ее к материалам, производимым промышленными методами¹⁹. Другие преподаватели Баухауса выступали со схожими идеями. Людвиг Хильберзаймер (1885–1967), работавший в Баухаусе с 1929 года, мечтал о новых модульных городах²⁰. Множество дизайнерских решений для модульного жилья разработал Марсель Брейер (1901–1981). Для каждого из них многоэтажное строительство представлялось требованием времени и результатом точного научного анализа²¹.

Новые технологии уже применялись и в общегородском масштабе. В 1924 году в Берлине Мартин Вагнер (1885–1957) построил первый в истории жилой комплекс из готовых крупнопанельных элементов. Затем в Германии появляются другие ансамбли стандартизированных жилых зданий: Гропиус строит в Дессау образцовый район Тертен (1926–1928), а сам Вагнер в соавторстве с Бруно Таутом — Хуфайзен (1925–1931) в Берлине. В этих проектах чувствовалось огромное влияние британской концепции города-сада, приверженцы которой с конца XIX века популяризировали представление о сохранении связи с природой в современных промышленных городах. Самыми успешными типовыми проектами 1920-х были, вероятно, жилые комплексы архитектора Эрнста Мая. Возглавляя с 1925 по 1930 год муниципальный отдел по строительству жилья во Франкфурте-на-Майне, Май построил в пригородах поселки серийных домов Праунхейм, Вестхаузен, Борнхейм, Ремерштадт и другие. Эти пригороды-спутники были первыми примерами жилой застройки целых районов на городской периферии; кроме того, их отличало новаторское применение готовых бетонных деталей²².

Архитекторы в Советском Союзе, как и их немецкие коллеги, считали, что рационализация и стандартизация помогут

преодолеть дефицит жилья и позволят осуществить социалистический лозунг о равных жилищных условиях для всех членов общества. С огромным энтузиазмом они воспевали индустриализацию, а промышленная эстетика занимала видное место во всех их проектах. В 1928 году Моисей Гинзбург возглавил секцию типизации Стройкома РСФСР, где разрабатывались модульные жилые дома из стройматериалов промышленного производства. Построенные Гинзбургом в Москве жилые дома для сотрудников Госстраха (1926–1927) и Наркомфина (1928–1930) стали воплощением его идей о преобразовании общества посредством типовой архитектуры²³. Андрей Буров и Борис Блохин совершенствовали технологию строительства из готовых блоков, а Николай Ладовский предлагал строить здания, используя произведенные на заводах цельные жилые ячейки²⁴. Рационализация строительства шла в СССР параллельно со спорами о жилищных условиях не только беднейших слоев, но и всего общества; это послужило толчком к исследованиям квартирных планировок, кухонного дизайна и размеров отдельных комнат. Эксперименты в области индустриализации строительства не совсем прекратились даже в 1930-е годы, когда Сталин покончил с архитектурным авангардом. В Московском архитектурном институте Буров продолжал изучать крупнопанельное строительство, в итоге заложив технологический фундамент для архитектуры послевоенного периода. В период правления Хрущева методы индустриального строительства насаждались насильственно, так что типовые здания стали в Советском Союзе преобладающей архитектурной формой²⁵.

Во Франции Ле Корбюзье экспериментировал с модульными домами различного типа еще с конца Первой мировой войны. Самыми значительными результатами этой работы стали типовые проект двухэтажного здания Мезон Ситроен (1920–1922) и знаменитый План Вуазен (1925) — предложение снести значительную часть Парижа и разбить на ее месте парк с разбросанными по нему модульными многоэтажками²⁶. В опубликованном в 1925 году трактате «К архитектуре» Ле Корбюзье отстаивал идею дома как «машины для жилья», которую можно делать на конвейере подобно автомобилю или кораблю²⁷. Ле Корбюзье выступал за полную реструктуризацию

городов и считал высоту, свет и геометрический порядок спасением от грязи и хаоса существующих агломераций. Его город стоящих среди зелени модульных башен стал символическим образцом для целого поколения архитекторов, тогда как более поздним критикам вроде историка градостроительства Питера Холла этот проект представлялся чистоплюйской фантазией, свидетельствующей о дотошности, унаследованной архитектором от профессиональной династии швейцарских часовщиков, к которой он принадлежал²⁸. В 1933 году Ле Корбюзье подготовил Афинскую хартию: этот документ отстаивал идею массовой застройки, основанной на рациональных принципах и планируемой из единого центра, и отражал воззрения многих участников Международного конгресса современной архитектуры. В начале 1930-х появились первые вдохновленные этими идеями крупные жилые массивы вокруг Парижа: Плесси-Робинсон (1924–1939), построенный по проекту Мориса Пейре-Дорта, Жана Демэ и Жана Фестока, и Ла Мюетт (1931–1934) Марселя Лодса и Эжена Бодуана.

Первые примеры массовой жилой застройки в Британии относятся к 1930-м годам. Чуть ли не раньше всех появился многоэтажный жилой дом Хайпойнт Уан (1933–1935) в Лондоне. Его архитектор Бертольд Любеткин был эмигрантом из России и в 1920-е годы учился в Москве в знаменитом ВХУТЕМАСе. Среди других сооружений этого периода можно назвать построенный Уэллсом Коутсом Айзокон (1934–1935) в том же лондонском районе Хэмпстед, ансамбль из шести жилых домов Пуллман Корт в южном Лондоне (1936) архитектора Фредерика Гибберда и расположенный в Лидсе комплекс муниципального жилья Куорри Хилл (1938, снесен в 1978-м) работы Ричарда Ливетта²⁹. По стандартам следующих десятилетий они не очень высоки: в Хайпойнт Уан восемь этажей, Айзокон и Пуллман Корт и вовсе пятиэтажные.

В США история массовой жилой застройки тоже начинается в 1930-е годы, когда «новый курс» президента Рузвельта резко усиливает роль правительства в обеспечении американцев жильем. Первые финансируемые государством проекты появляются в Нью-Йорке: похожее на прежние доходные дома парное здание Ферст Хауиз (1934) в Нижнем Ист-сайде и Харлем Ривер Хауиз (1936), спланированные как изолированные

от улицы отдельные комплексы. Типовые многоквартирные дома строили также частные компании и предназначали их для среднего класса — например, район Стайвесант Таун — Питер Купер Виллидж (1943–1946) в том же Нижнем Ист-сайте, градостроительное решение которого напоминает идеи Ле Корбюзье о крестообразных в плане зданиях посреди парка.

И считанные немецкие жилые комплексы межвоенного периода, и первые французские, и жилые здания эпохи советского авангарда, и ранние образцы многоквартирных типовых домов в Британии и Америке были лишь незначительным вкладом в дело разрешения жилищного кризиса. Но именно они были знаком того, как менялось отношение к проблеме. И в США, и в Европе большинство населения соглашалось теперь с необходимостью регулирования рынка жилья. Когда дефицит жилых площадей усугубился после Второй мировой войны, общественное мнение единодушно признало финансируемую государством массовую застройку самым эффективным ответом на вызовы времени; она стала синонимом модернизации.

Послевоенная эпоха:
массовое
жилье шагает
по планете

В послевоенные десятилетия объемы массового жилого строительства достигли максимума. Серьезно улучшились технические характеристики железобетона: теплоизолирующая способность, прочность и долговечность. Возводимые индустриальным способом здания были теперь немыслимой прежде высоты³⁰. Никакие другие архитектурные сооружения не могли сравниться по распространенности с типовыми многоквартирными домами. Если бы мы попросили первого попавшегося шведского, французского или советского школьника 1960-х годов нарисовать новый дом, то почти наверняка увидели бы прямоугольник с рядами одинаковых окон, а не двускатную черепичную крышу и дым из трубы. В Южной Корее, Китае или Сингапуре стандартизированные коробки и башни обеспечивали жильем огромную часть городского населения. Эти перемены, вызванные к жизни амбициозными программами бюджетного финансирования, должны были улучшать жилищные условия обычных людей, которые почти всюду продолжали страдать от нищеты и скученности,

и в то же время зримо выражать преданность данного конкретного правительства идеям модернизации и прогресса.

Поставленное на поток производство многоквартирных домов не ведало границ между культурами и климатическими зонами; право на достойное жилье распространялось по миру куда успешнее, чем демократия, свобода слова или расовое равноправие. Идеи сильного государства и стремления к равенству — две фундаментальные предпосылки массового жилья — поддерживали разные политические силы, от коммунистов и националистов до католических реформаторов: социал-демократическое правительство Швеции было привержено им не меньше, чем национал-консерваторы у власти во Франции. Хотя в большинстве стран обещанных властями современных кухонь, центрального отопления и водопровода дождалась лишь определенная часть населения, подобные программы существенно изменили городской образ жизни и материальную ткань крупных городов по всему миру.

Коробки и башни выросли на всех пяти континентах. В Европе довоенная традиция социального жилья лишь ненадолго прервалась на время Второй мировой и возобновилась сразу после нее. Бетонные плиты помогли отстроить немало разрушенных городов: использование готовых конструкций оказалось самым эффективным способом восстановить лежащий в руинах континент. В Англии муниципальное жилье для бедных слоев населения характеризовалось теперь куда большей плотностью и этажностью: отметка в десять этажей была достигнута уже к 1948 году³¹. Среди самых знаменитых примеров — лондонский комплекс Черчилль Гарденз (1946) Филипа Пауэлла и Идальго Мойи и первая в Британии настоящая многоквартирная башня, построенное Фредериком Гиббердом здание Лон (1950) в Харлоу³². Гамбург, один из самых пострадавших в войне городов Германии, оплатил сооружение шестнадцатиэтажных домов Вонхоххойзер ам Гриндельберг (1946, Бернард Хермкес и другие) — первых высотных жилых зданий в стране³³. Другие немецкие проекты осуществлялись в 1950-х годах на городских окраинах, например город Зеннштадт (1956) Ганса Бернахарда Райхова под Билефельдом или Нойэ Фар (1957) Эрнста Мая в Бремене. Все они прямо или косвенно оплачивались из бюджетов органов власти. Франция начала осуществлять про-

грамму массовой жилой застройки на государственные средства в 1951 году, учредив «зоны приоритетной урбанизации», где должны были возводиться модульные высотные здания. Известные примеры здесь — Сите де Катр-Миль (1956) в Курневе под Парижем и комплекс Мингет (1967) на окраине Лиона. В некоторых европейских странах культура строительства радикально изменилась за поразительно короткий промежуток времени. Новый пригород Веллингбю на окраине Стокгольма был заложен в 1954 году. С 1965 по 1974 год Швеция реализовала грандиозную «Программу миллион», задуманную правящей Социал-демократической партией как путь к государству всеобщего благоденствия; в стране с менее чем девятью миллионами жителей появилось более миллиона новых жилищ³⁴. В Голландии за счет бюджета тоже строилось множество новых жилых районов, в первую очередь Бейльмермеер (начат в 1966 году) — в нем одном в построенных по единому градостроительному плану домах должна была разместиться восьмая часть всего населения Амстердама³⁵. Индустриальное строительство получило особенно широкое распространение в Советском Союзе и его восточноевропейских сателлитах. Уже вскоре после того, как в 1953 году Хрущев объявил о начале перевода советской строительной отрасли на индустриальные рельсы, массовая жилая застройка стала гораздо более однотипной, чем в капиталистических странах. Социалистическая плановая экономика обеспечивала идеальные условия для стандартизации и огромных объемов производства. Это относилось не только к Советскому Союзу, но и к Венгрии, Польше или Восточной Германии. Во всех этих странах дома собирались из производимых на заводах бетонных плит, изготовленных по максимально упрощенным проектам и соединявших в себе несущие конструкции, теплоизоляцию и отделку. На протяжении 1960-х и 1970-х годов немногочисленные элементы каждой конкретной серии, такие как WBS70 в ГДР или знаменитая К-7 в СССР, использовались по всей стране без малейших модификаций.

Железный занавес не мог полностью исключить взаимодействие между Востоком и Западом. В 1954 году делегация французских архитекторов посетила ГДР, после чего десять восточногерманских архитекторов отправились в ознакомительный тур по Франции, где посетили управляемые коммунистами

«красные пригороды» под Парижем, осмотрели Жилую единицу Ле Корбюзье в Марселе и познакомились с ходом реконструкции разбомбленного Гавра³⁶. В конце 1950-х годов индустриализации советской строительной отрасли помогла покупка у французской компании Samus двух линий по производству бетонных панелей³⁷. Нарастал и обмен идеями между Европой и другими континентами. Еще в 1952 году советские инженеры были приглашены в Китай, чтобы провести первые эксперименты по заводскому изготовлению строительных деталей³⁸. Первопроходец модульного строительства в Японии Кисё Курокава много путешествовал по Советскому Союзу в начале 1950-х³⁹. Британские специалисты работали в Сингапуре и Гонконге, а архитекторы из Азии, Африки и Латинской Америки учились в Англии и Франции. Их проекты, однако, едва ли можно воспринимать как продолжение европейской градостроительной традиции — скорее, это был результат сложного процесса усвоения идей, которые к 1960 году обсуждались по всему миру.

Программы индустриального строительства запускались в большинстве стран не только потому, что надо было быстро обеспечить жильем растущее население, но и потому, что влияние государства было относительно сильным. В Соединенных Штатах характерными примерами массовой застройки стали финансируемые государством жилые комплексы, которые вскоре превратились в убежища для бедноты. Многие из них состояли из повторяющихся высотных домов — например, Пруитт-Айгоу Хоумз (1951–1956) в Сент-Луисе и Роберт Тейлор Хоумз (1959–1962) в Чикаго.

Модульные здания, однако, не везде предназначались для рабочего класса. В 1964 году в шахском Иране был принят закон, призванный способствовать частным инвестициям в жилищное строительство. Крупные застройщики получали серьезные налоговые льготы, если сооружали многоквартирные башни высотой более 10 этажей⁴⁰. Ансамбли высоток, построенные в Тегеране благодаря этому закону, — к примеру, Бехджат-Абад (1965–1968) или Шахрак-е Экбатан (1970-е) — оказались роскошным жильем для привилегированных слоев населения. Качество строительных материалов в этих домах было сравнительно высоким, и для иранской буржуазии они были идеалом современности и западного образа жизни. В то

же время здания Шахрак-е Экбатана учитывали культурные и климатические особенности страны: из дома напротив нельзя увидеть, что происходит в квартирах, в которых к тому же разделены пространства для приема гостей и для будничной жизни семьи⁴¹; окна выходят в основном на юг (солнце с этой стороны обычно стоит так высоко, что не может светить прямо в них); площадки вокруг зданий задуманы как пространство общения между соседями. После революции 1979 года исламские власти поощряли и строительство жилых башен для низшего класса, но, поскольку спрос резко превышал предложение, квартиры в многоэтажках так и остались предметом роскоши⁴².

В Индии склонное к левизне правительство Джавахарлала Неру поощряло субсидируемую из бюджета массовую застройку как способ борьбы с дефицитом жилья, от которого еще с колониальных времен страдал городской рабочий класс. В отличие от аналогичных проектов в других странах, индийские многоквартирные здания продолжали строиться прямо на месте по традиционным технологиям: использование готовых конструкций не сулило никакой экономии при дешевой рабочей силе и неразвитой транспортной инфраструктуре. Волна государственных программ жилого строительства в Дели, Бомбее (Мумбаи) и Калькутте (Колкате) не спадала и при преемниках Неру в 1960-х и 1970-х годах.

Коммунистические власти Китайской Народной Республики поддерживали проекты стандартизированной застройки еще с 1950-х годов. Индустриализация строительной отрасли по советскому образцу началась примерно тогда же, но до окончания культурной революции в 1970-е особых успехов на этом пути достигнуто не было. В последующие десятилетия Китай все больше поощрял индустриальное домостроение, и к 1990-м годам оно стало наиболее заметным аспектом государственной градостроительной политики.

Другие азиатские страны быстрее осваивали новые типы жилищного строительства. Сингапурский Совет по развитию и жилью запустил широкомасштабную программу жилых комплексов уже в 1960 году, то есть спустя всего год после обретения страной независимости от Великобритании. Новая политика сочеталась с грандиозным планом сноса трущоб. С 1960 по 1965 год было построено около 118000 новых жилищ, в ос-

новном квартир в типовых высотных зданиях. Сорок лет спустя около 85% населения Сингапура (а это 4,5 миллиона человек) живут в высотных многоквартирных домах, построенных Советом по развитию и жилью⁴³.

Очень похож и пример Гонконга, где была реализована «крупнейшая государственная программа массовой жилой застройки в некоммунистическом мире»⁴⁴. Жилищное управление Гонконга начало строительство муниципального жилья для неимущих горожан в 1953 году. Одним из первых проектов стал комплекс Шек Кип Мэй, появившийся в 1954 году на месте сгоревшего квартала лачуг. В последующие десятилетия Управление ввело в эксплуатацию сотни тысяч квартир в многоэтажных домах, сделав Гонконг одной из самых плотно застроенных территорий на планете.

Южная Корея в 1970-е годы вложила так много средств в типовое многоэтажное домостроение, что квартиры в таких зданиях (так называемых «таньжи») стали практически нормой городского жилья. В 1970-м они составляли лишь 4% всех жилых площадей страны, а к концу столетия — уже около половины. За тот же период доля индивидуальных домов уменьшилась с 90 до 25%⁴⁵. В самом крупном из подобных комплексов живут 200 000 человек. У южнокорейской программы немало сходств с западноевропейскими аналогами: государственная борьба с дефицитом жилья, вызванным демографическим ростом и миграцией из деревень в города, крупные массивы одинаковых зданий и идеология модернизации. Однако эволюция жилых высоток в Южной Корее имеет свою специфику. Их строили во всех частях крупных городов, а не только на периферии. Они были предназначены не для бедноты, а в основном для среднего класса. Наконец, их жители с самого начала являлись не арендаторами, а собственниками. Строительство пришлось на период быстрой урбанизации, так что обычно таньжи возникали не на месте снесенных зданий предыдущей эпохи, а на вновь освоенных территориях, вроде болотистых берегов реки Ханган в Сеуле. Несмотря на то что первые таньжи возводили ненавистные японские колонизаторы, со временем этот тип жилья приобрел широкую популярность⁴⁶. Власти усиленно насаждали представление о многоквартирном доме как о символе модернизации и прогресса. Многие корейцы счита-

ют так до сих пор, хотя начиная с 1980-х годов государство все меньше вмешивается в эту сферу, так что жилищная проблема здесь сейчас куда острее чем, например, в Сингапуре⁴⁷.

Многие страны Южной Америки также экспериментировали с модернистским массовым жильем. В Бразилии первые типовые многоквартирные дома появились в период консервативно-авторитарного правления Жетулиу Варгаса в конце 1930-х. Крупнейшим проектом, включавшим массовую жилую застройку, стало начавшееся в 1956 году по инициативе президента Жуселину Кубичека сооружение нового города Бразилиа, который был объявлен столицей страны в 1960-м.

Венесуэла, благодаря экспорту нефти бывшая в середине XX века одной из богатейших стран Южной Америки, осуществляла крупномасштабные модернизационные программы. В 1940-х и 1950-х годах в Каракасе было построено много высотного жилья, например район восьмиэтажных домов Силенсио (1941–1945), занимающий семь кварталов, или комплекс Урбанисасьон Вейнтитрес-де-Энеро (1954–1957) — и тот и другой проектировал архитектор Карлос Рауль Вильянуэва⁴⁸.

Совсем иной тип эгалитаризма сложился в Южной Африке времен апартеида (1948–1994). Правительство застраивало огромные территории дешевыми одноэтажными бараками для черного пролетариата⁴⁹. Построенные на государственные деньги черные пригороды показывают безжалостную способность модернизма упорядочивать город за счет наиболее угнетенных групп. Эти проекты обеспечивали определенный минимум качества жизни, но одновременно обрекали своих обитателей на существование в удаленных районах, где они были надежно изолированы от белого населения. Комплексное планирование и прогресс в области санитарии оказывались инструментами в руках расистского режима, который жестоко подавлял угнетенное черное большинство.

К 1970 году модульные жилые дома распространились по всему миру. Они строились везде, где были в наличии песок и цемент: в Сахаре и в Сибири, в центральных районах Чикаго и на берегах Желтого моря, рядом с Булонским лесом и в бразильской саванне. Типовое многоквартирное здание повсеместно воспринималось как зримый знак прогресса, надежды на лучшее и при этом не такое уж отдаленное будущее. В своем

объединяющем могуществе оно отрицало и дихотомию холодной войны, и постоянно усиливающуюся поляризацию между богатым Севером и «недоразвитым» Югом.

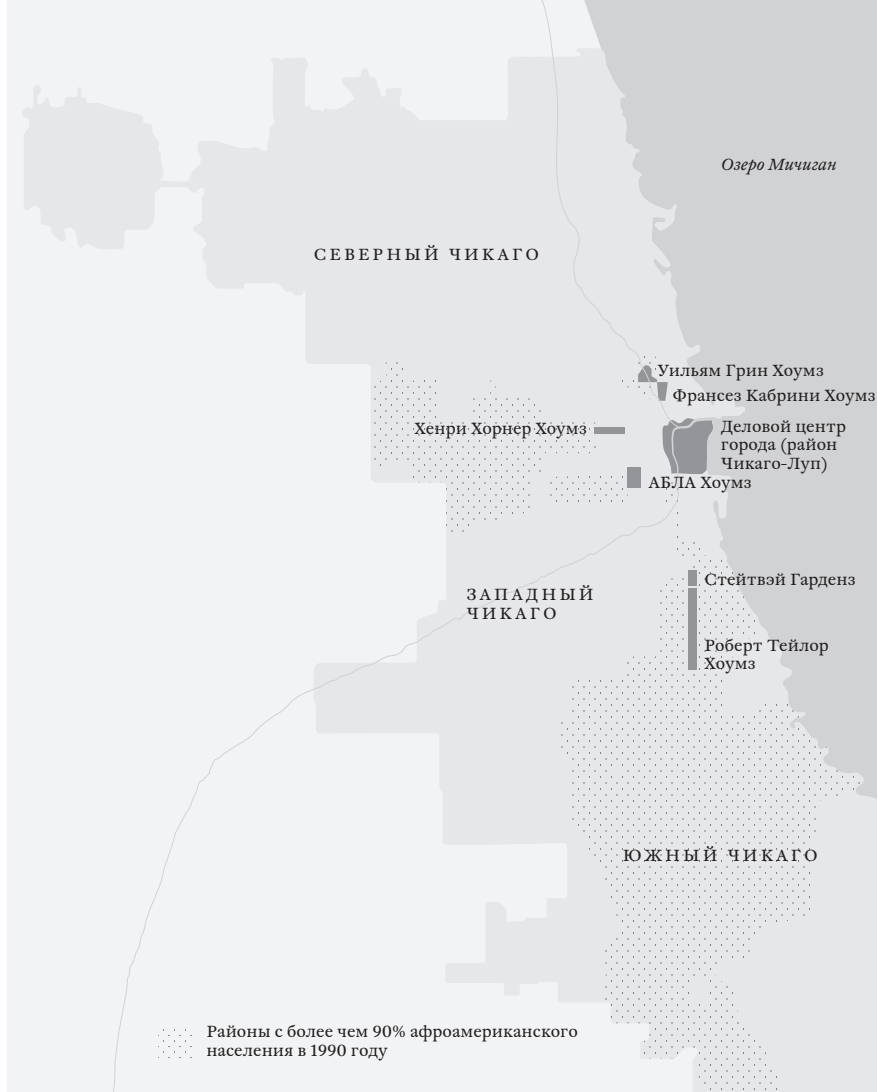
Ожидания, связываемые с этим типом застройки, были огромны, но и постигшее многие страны разочарование оказалось не меньшим. Башни и коробки превращались в кошмар модернизма, в зоны насилия и преступности, где в заточении проживало бедное население. Некоторые из тех самых проектов, зарождению которых сопутствовала неслыханная прежде риторика надежды, стали в итоге примерами осуществившейся социальной антиутопии. В США символом провала идеи массовой жилой застройки стал снос спроектированного Минору Ямасаки комплекса Пруитт-Айгоу Хоумз на 2800 квартир. В 1972 году телесети транслировали этот взрыв как событие национального масштаба; позднее историк архитектуры Чарльз Дженкс обессмертил его как «день, когда умерла архитектура модернизма»⁵⁰. За следующие два десятилетия спонсируемые государством программы массовой застройки были закрыты практически во всем мире. Во Франции и Соединенных Штатах соответствующие законы были приняты в 1973-м, в год нефтяного кризиса. Другие капиталистические страны последовали их примеру в конце 1970-х. В Восточной Европе государственная поддержка слабела по мере углубления кризиса социалистических режимов и полностью прекратилась с их падением. Одновременно со снижением уровня государственного вмешательства многие страны вместо отношений долгосрочной аренды заложили в основу управления уже построенными зданиями право частной собственности на отдельные квартиры. Несмотря на все эти перемены, модульные дома продолжали строиться во многих уголках мира, ничуть не подверженные влиянию дурной репутации и ожесточенных споров. В противоположность тому, на что рассчитывали прогрессивные архитекторы и политики, массовая жилая застройка оказалась совсем не однотипной⁵¹. Архитектурное качество зданий, социальный статус их обитателей, а также восприятие в обществе разнились от страны к стране и менялись по совершенно непохожим траекториям в зависимости от контекста.

ГЛАВА 2. МАССОВОЕ ЖИЛЬЕ В ЧИКАГО

Америка
не любит
высотки

«Америка никогда не любила высотки»¹ — так живущая в Чикаго историк градостроительства Роберта Фельдман подвела итог вековой истории массовой модернистской застройки

в стране, которая, как это ни парадоксально, знаменита на весь мир своими небоскребами. Бывший министр жилищного строительства и городского развития США Генри Сиснерос, один из лидеров развернувшегося в конце XX века движения против высотного жилого строительства, выражает свою позицию не менее категорично: «Высотки просто не функциональны, нам нужно от них избавляться»². Это мнение в Америке первых лет XXI века разделяет большинство населения. За исключением Манхэттена и нескольких небольших участков у береговой линии Чикаго, люди готовы видеть высотными только отели и офисные здания в центральных деловых районах. Во всех остальных контекстах высотки вызывают подозрение. В сознании большинства американцев это не роскошные башни Луиса Салливана или Людвиг Миса ван дер Роэ, которые так восхищают историков архитектуры, а прежде всего депрессивные, снесенные через несколько десятилетий после постройки комплексы муниципального жилья типа Пруитт-Айгоу в Сент-Луисе или Роберт Тейлор Хоумз в Чикаго. Начиная с 1970-х годов их практически повсеместно воспринимали как хрестоматийные примеры неудачи в архитектуре. Разбитые окна, изукрашенные граффити лестничные пролеты и не улыбчивые, по большей части чернокожие детские лица — такие мрачные образы вызывает в сознании почти любого непрофессионала упоминание этих зданий. Они — символ всех мыслимых проблем государственной социальной политики и финансируемого из

бюджета строительства. Существование в современной типовой архитектуре резко контрастирует с жизнью в пригородном районе, для которого характерны дома на одну семью, находящиеся в собственности у жильцов. Американское муниципальное жилье — чаще всего это легко узнаваемые облицованные кирпичом здания высотой от четырех до двадцати этажей, крестообразные или прямоугольные в плане, — стало идеальным экраном, на который общество проецирует свои страхи перед насилием и преступностью. На этом фоне потерялись все остальные типы массовой жилой застройки. Дорогой кондоминиум, удачливый брат-близнец муниципальной жилой высотки, встречается в американских мегаполисах куда реже, чем в других крупных городах планеты, и популярен

только в узком кругу хорошо образованных и зажиточных любителей архитектуры. Модернистский многоквартирный дом до сих пор ассоциируется не с Сенчури-билдинг в стиле ар-деко (1931) у Центрального парка в Нью-Йорке и не с Лейк-Шор-Драйв Апартаментс Миса ван дер Роэ (1948) в Чикаго, а с ожесточенными спорами о муниципальном жилье. Муниципальные башни повсеместны — кондоминиумы редки, и это несмотря на то что жилые небоскребы, какой бы экзотикой они ни были в Америке, прекрасно известны по всему миру и некоторые, как Лейк-Шор-Драйв Апартаментс, по праву считаются шедеврами архитектуры.

В этой главе я собираюсь описать историю массовой жилой застройки в Чикаго, где представления о роли государства и равенстве жилищных условий столкнулись с глубоко укорененным индивидуализмом и традиционно сильной опорой на рыночные механизмы³. Сначала мы увидим, как модернистские многоквартирные дома — и конкретно муниципальные жилые комплексы — оказались дискредитированы в США куда глубже, чем в любой другой из описываемых мною стран, а затем рассмотрим единственное американское исключение из этого правила — Нью-Йорк. Изобретение финансируемого государством массового жилья в середине XX века, его широкое распространение в послевоенный период и исчезновение в 1990-е годы следует воспринимать как непрерывный процесс, обусловленный единым комплексом идей, которые лишь незначительно менялись на протяжении столетия.

Одной из отличительных особенностей недорогого массового жилья в Соединенных Штатах является его неразрывная связь с болезненной историей межрасовых отношений. Сегрегация, которая навязывалась здесь и законодательством, и повседневными практиками расизма, на протяжении всего XX века играла ключевую роль в том, как строились, управлялись и воспринимались типовые многоквартирные здания. Ни в одной другой стране коробки и башни не символизировали в такой степени изоляцию и угнетение черного населения и вообще этнических меньшинств. На момент сооружения в 1950-х годах эти здания должны были соответствовать многочисленным законам, которые лишали цветных равных возможностей и свободы выбора места жительства. Даже после того

2.2 Многоквар-
тирный дом на
Лейк-Шор-Драйв

как дискриминационные законы были отменены в 1960-е годы, эта связь между массовым жильем и маргинализацией афроамериканцев оставалась на удивление прочной. Ставшие с тех пор привычными материалы СМИ о роли черного населения в упадке центральных районов крупных американских городов

только усиливали эту ассоциацию. Таким образом, наиболее важной задачей массовых сносов рубежа XX–XXI веков было, вероятно, покончить с тяжелым наследием сегрегации и сделать возможным новое восприятие дискредитированной архитектурной формы.

Жилые
башни
в Черном
поясе

Лучше всего эта история прослеживается в Чикаго, который, как и другие города северной части США, был изначально выстроен вдоль линии, разделяющей черных и белых. Кроме того, «город ветров» оказался и колыбелью, и местом последнего упокоения американского высотного жилья. Здесь был изобретен небоскреб, а в 1880-х и 1890-х годах появились первые в стране офисные башни. Полвека спустя крупнейшие в США комплексы муниципальных жилых высоток были построены в так называемом Черном поясе — полукруге чикагских районов, лежащих к югу, западу и северу от делового центра города (района Чикаго-Луп) и отделяющих его от состоятельных пригородов. С первых лет XX века именно в этих районах была сосредоточена основная масса черного населения. Здесь же возникла и вся муниципальная жилая застройка 1950-х и 1960-х годов — комплексы типа Кабрини-Грин, Роберт Тейлор Хоумз и Хенри Хорнер Хоумз.

В отличие от большинства других американских мегаполисов, Чикаго оказался свидетелем и раннего энтузиазма по поводу массового жилья, и последующего в нем разочарования. Как и в остальные города северной части США, в Чикаго направлялись потоки афроамериканцев, которые бежали от действовавших в южных штатах дискриминационных законов. Между 1940 и 1960 годами черное население города практически утроилось: с 278 000 до 813 000 человек⁴. Большая часть этих новых мигрантов селилась в бедных кварталах центральной части города, где вскоре образовался дефицит жилья. В тот же самый период город в целом практически не рос, поскольку белый средний класс все чаще переселялся в пригороды⁵. Для чикагской демографии этих десятилетий характерны две противоположные тенденции: во-первых, рас-
средоточение населения, уменьшение его в самом городе и уве-

личение в пригородной зоне, а во-вторых, быстрый рост числа жителей Черного пояса.

Смесь высокомерной заботы и расизма — так можно определить действия городских властей. Белые чиновники были полны энтузиазма развивать черные районы и улучшать жизнь бедных мигрантов, но при этом стремились сохранить сегрегацию, не позволяя афроамериканцам переезжать в белые пригороды. Выбор площадок для нового муниципально-го жилья только усугублял разделение районов по расовому признаку. Чаще всего афроамериканцев просто не допускали в комплексы для белых, а в зданиях, предназначенных для обеих рас, им доставалось совсем немного квартир. Связь между градостроительными решениями и сегрегацией могла быть и менее прямолинейной, но не менее эффективной. Один из многих примеров — комплексная реконструкция квартала Хайд-Парк-Кенвуд, расположенного на окраине Черного пояса в Южном Чикаго, в 1950-е годы. Реализованный в сотрудничестве с Чикагским университетом, важнейшим учреждением в этой части мегаполиса, это был один из самых масштабных градостроительных проектов своего времени. Результатом реконструкции стало оздоровление экономической ситуации в районе и одновременно — исход значительной части афроамериканского населения⁶. Городские власти особенно напировали на необходимость превращения трущоб в образцовое современное жилье. Им казалось само собой разумеющимся, что огромные части города невозможно спасти, а можно только снести и отстроить заново. По оценке 1949 года, которую власти называли осторожной, вместо трущоб необходимо было построить 105 000 квартир. На деле в следующие двадцать лет появилось 20 000 квартир, из них 15 000 — на месте снесенных трущобных кварталов⁷.

Политику расчистки трущоб проводила Чикагская жилищная администрация, и в ее модернизационных решениях совмещались деятельная филантропия и глубоко укорененный расизм. Элизабет Вуд, с 1948 года — глава администрации, была одним из главных сторонников прогрессивных жилищных реформ в городе. Отстаивая идеи расовой интеграции, Вуд конфликтовала и с реакционными городскими чиновниками, и с консерваторами в самой администрации, так что в 1954 году

ей пришлось уйти в отставку⁸. Многие печально известные крупномасштабные проекты — к примеру, Роберт Тейлор Хоумз и Уильям Грин Хоумз — были задуманы и осуществлены в первые годы после ухода Вуд. Почти все они возникали на месте двухэтажных деревянных домов, признанных трущобами.

Первая массовая жилая застройка в Чикаго была малоэтажной. Переход к высоткам произошел здесь вскоре после Второй мировой войны, когда Элизабет Вуд и ее коллеги посетили Нью-Йорк и осмотрели жилой комплекс Ист Ривер Хаузиз (1938)⁹. В последующие годы 90% жилья для бедных слоев населения строилось в виде многоквартирных башен¹⁰. Первым стал Дирборн Хоумз, 800-квартирный комплекс в районе Саут-сайд, начатый в 1947 году¹¹. Его 16 корпусов должны были быть шестиэтажными, но число этажей было увеличено до девяти: так достигалось лучшее соотношение между числом квартир и площадью окружающего комплекса парка¹². В следующие три года было начато строительство еще пяти высотных жилых комплексов: Лумис Кортс, Огден Кортс, Харрисон Кортс, Мейплвуд Кортс и Арчер Кортс. Расположенные с отступом от красной линии группы одинаковых зданий, прямоугольных или крестообразных в плане, с кирпичными фасадами без балконов и каких-либо украшений — впоследствии это станет шаблоном американского муниципального жилья.

В отличие от Франции или Советского Союза, в США типовые высотки чаще всего строили из кирпича с использованием стального каркаса, а не из готовых бетонных плит. Тем не менее в стране шли дискуссии о необходимости внедрять промышленные методы. В 1970 году, например, инженеры из Беркли Тун Ен Линь и Сидни Стотсбери выступили с пламенным призывом индустриализировать жилое домостроение — только так, по их мнению, можно было справиться с грядущим ростом населения. В качестве образца для подражания они приводили государственную политику во многих европейских странах, включая Советский Союз¹³. В пользу массовой жилой застройки индустриальными методами говорил и выполненный по заказу правительства отчет комиссии под руководством Эдгара Кайзера, опубликованный в 1968 году¹⁴. Мы можем только предполагать, почему строительство из готовых деталей так и осталось в США исключением из правила. Одним из возмож-

ных объяснений служит доступность стали и дешевой рабочей силы. Другим — нежелание местных застройщиков, которые осуществляли все проекты в отсутствие крупных предприятий, финансируемых из бюджета, инвестировать в технологии изготовления бетонных панелей.

Итак, если отрицательное отношение к высотному жилому строительству с самого начала было укоренено в Америке, то что же привело в итоге к появлению многоквартирных башен? Во-первых, можно предположить, что к 1950-м годам всемирная популярность выдвинутой Ле Корбюзье модели «башен в парке» докатилась и до США и высотки стали воспринимать как истинное выражение современности и прогресса. А во-вторых, в стране, где частная собственность на землю была нерушима, многоэтажные дома оказались самым дешевым средством решить жилищную проблему. В отличие от многих других стран, где массовая застройка либо велась на принадлежащих государству участках, либо вводилось специальное законодательство, позволяющее органам власти выкупать их по льготным ценам, в Америке земля обращалась на свободном рынке. Такое положение дел было достаточным стимулом снижать стоимость проектов за счет увеличения плотности застройки и выбора непрестижных, а потому дешевых районов¹⁵. Уже в градостроительных планах 1940-х годов снос трущоб не подразумевал снижения общей плотности населения: в новых зданиях должно было разместиться столько же людей, сколько жило в перенаселенных лачугах¹⁶. Высокая этажность и повторяющаяся архитектура зданий казались в связи с этим наиболее экономичным решением. Кроме того, нет почти никаких оснований полагать, что первые жители этих комплексов имели какие-либо предубеждения против их высоты. А даже если такие предубеждения и были, их явно затмевала радость от новых жилищных условий, которые почти всегда оказывались несравнимо лучше прежних. Первый опыт жизни с текущей из крана горячей водой и центральным отоплением просто не оставлял людям времени на переживания по поводу возможных поломок лифта¹⁷.

В любом случае мнение жителей в то время никого особенно не волновало, так что комплексы 1950-х и 1960-х годов стали классическими примерами высотного жилого строительства.

Самым заметным из них был построенный в 1959–1962 годах Роберт Тейлор Хоумз в Саут-сайте, названный в честь Роберта Тейлора (1903–1959), первого афроамериканца, возглавившего Чикагскую жилищную администрацию¹⁸. В 4300 квартирах там обитало приблизительно 27 000 человек, так что на тот момент это был один из крупнейших жилых комплексов в стране. Гнетущая суровость его архитектурного решения стала притчей во языцех. Он состоял из 28 одинаковых 16-этажных домов, в основном организованных в группы по три, и находился на значительном расстоянии от всех заметных культурных и коммерческих учреждений города. Изолированность комплекса от окружающих его рабочих кварталов была преднамеренной: по словам Элизабет Вуд, здания Роберт Тейлор Хоумз задумывались как «острова в океане трущоб»¹⁹. Вскоре последовали и другие, неизменно в пределах Черного пояса: Кабри-ни-Грин Хоумз (1942–1962, 3600 квартир) на севере, Стейтвэй Гарденз (1955–1958, 1600 квартир) и Икес Хоумз (1955, 800 квартир) на юге, а также Роквелл Гарденз (1961, 600 квартир), Хенри Хорнер Хоумз (1957–1961, 900 квартир) и АБЛА (1937–1962) на западе.

Равные
жилищные
условия при
рыночной
экономике

Большинство историков не склонны верить в гуманизм, который приписывали себе авторы американских программ массового жилищного строительства²⁰. По мнению многих современных исследователей, если кто-то и ставил целью более справедливое распределение общественных богатств, то не пытался ее достичь. Наоборот, финансируемое из государственного бюджета строительство жилых домов с самого начала было направлено не на поощрение равенства, а на изоляцию угнетенных слоев населения. Можно сказать, что эти начинания наследовали давней традиции работных домов и глубоко укорененного расизма. Вместо того чтобы облегчать участь бедноты, федеральные программы массовой застройки уничтожали больше доступных по цене жилых помещений, чем создавали, и субсидировали жилье для тех, кто меньше всего в этом нуждался²¹. Кроме того, они лишали афроамериканцев возможности участвовать

в экономической деятельности и общественной жизни. Изоляция бедноты в превращенных в гетто районах центральной части города не была непредвиденным последствием благородных, но ошибочных планов; напротив, именно в этом и заключалась первоначальная цель таких программ.

По мнению критиков, чикагские комплексы муниципального жилья демонстрируют, что, несмотря на неподдельный идеализм многих социальных реформаторов, на протяжении почти всего XX века в основе массовой застройки лежали два главных принципа: расовая сегрегация и вера в частное предпринимательство как источник общественного блага²². В итоге границы между белыми и черными районами так никогда и не были

2.3 Вторая очередь комплекса муниципального жилья Фрэнсис Кабрини Хоумз

размыты, и к 2001 году Чикаго оставался вторым по степени сегрегации городом США после Гэри в штате Индиана²³. А кроме того, в Америке, в отличие от Европы, правительственные усилия по разрешению жилищного кризиса среди бедных слоев оказались подчинены коммерческой логике, так что реформаторские порывы в этой области претворялись в жизнь, только если сулили высокую доходность. Идею обеспечиваемых государством равных жилищных стандартов оказалось особенно сложно осуществить на практике, поскольку она входила в прямое противоречие с одним из самых чтимых аспектов национального мифа: верой в то, что именно индивидуальные усилия открывают перед человеком безграничные возможности. Отвергнув косную классовую систему Старого Света, многие американцы уверовали в способность отдельной личности определять свою жизнь и приучились воспринимать бедность как следствие собственных решений бедняка, а то и заслуженное им наказание. Характерный для христианства внутренний конфликт между традициями милосердия и смиренного приятия общественных обстоятельств так и остался неразрешенным в большинстве стран Запада, но именно в США богатые и успешные получили в результате самую большую фору. Американские представления о безграничных возможностях, свободе личности и силе положительного примера оказалось особенно сложно примирить с прогрессивным стремлением изжить общественное неравенство благодаря вмешательству государства.

Когда обсуждение социальных преобразований стало важнейшим вопросом международной повестки, американцы скорее были готовы воспринимать аргументы в пользу исправления материальных, а не общественных недостатков. Ярким примером тут может служить подход журналиста Якоба Рииса (1849–1914), который в 1890-х годах обличал чудовищные условия жизни американской бедноты²⁴. Его репортажи выглядели особенно убедительными для современников, поскольку Риис отлично разбирался в том, о чем писал. Выходец из рабочей семьи родом из Дании, он на протяжении многих лет испытывал на себе, что значит быть голодным, безработным и бездомным в крупнейших городах США. Тем не менее тяжелый жизненный опыт не мешал ему поддерживать крайне недальновидные решения. Он с энтузиазмом одобрял операции по расчистке

2.4 Комплекс
Харольд Икес Хоумз,
построенный
в 1955 году

трущоб — например, снос в 1895 году квартала Малберри-Бенд в Нижнем Манхэттене, но на вопрос, как быть с его обитателями, не отвечал. Именно благодаря Риису политика сноса трущоб завоевала широчайшее одобрение среди прогрессивно настроенных общественных деятелей²⁵. Подобно большинству реформаторов своего времени он верил, что общественное поведение определяется материальными условиями жизни и, следовательно, разрушения самых убогих жилищ достаточно для того, чтобы построить более совершенное общество.

Наследие такого материального детерминизма оказало сильнейшее влияние на более поздних борцов за равные жилищные стандарты. Оно было заметно даже в предложениях тех реформаторов, которые, ориентируясь на ранний британский и немецкий опыт, выступали за государственное финансирование программ строительства жилья для бедных слоев. Такую позицию занимали лоббистка в области жилищной политики, а позже правительственный эксперт Эдит Элмер Вуд (1871–1945) и секретарь Нью-Йоркской комиссии по доходным домам Лоуренс Вейлер (1872–1959)²⁶. Благодаря Вейлеру городские власти приняли в 1901 году новые нормы, запретившие строительство доходных домов с комнатами без окон. Другими знаменитыми сторонниками государственного вмешательства были Кэтрин Бауэр (1905–1964), Мэри Кингсбери Симхович (1867–1951), Кларенс Стайн (1882–1975) и Льюис Мамфорд (1895–1990).

Американские реформаторы особенно подчеркивали материальную сторону катастрофических условий жизни про-

летариата, потому что мрачные закоулки и перенаселенные трущобы вписывались в традиционную для Америки картину большого города как воплощения телесного и морального недуга. В конце XIX века эта антиурбанистическая позиция нашла свое выражение во множестве романов-бестселлеров, среди которых «Наша страна» (1885) Джосайи Стронга, «Разрушение Готэма» (1886) Хоакина Миллера и «Взгляд назад» (1886) Эдварда Беллами. В следующем столетии подход к жилищным реформам как к улучшению материальных условий определил характеристики массового жилья задолго до того, как были построены первые многоквартирные башни.

К концу XIX века бедное городское население оказалось в крайне тяжелом положении, а сторонники жилищной реформы без устали указывали на это; тем удивительнее, как мало конкретных действий предпринималось в этой связи. Теоретические выкладки реформаторов начали играть существенную роль в определении государственной политики только после того, как грандиозная катастрофа Великой депрессии привела к обнищанию многих тысяч семей из среднего класса. Создается впечатление, что лишь временные трудности, испытываемые бывшими представителями среднего класса, могли — в отличие от нескончаемых горестей пролетариата — вызвать в зажиточных согражданах чувство солидарности с неимущими. Именно в этот момент богатые почувствовали себя как никогда близкими к бедным, чьи незаслуженные страдания казались им теперь результатом непреодолимых обстоятельств, а не личных недостатков. «Новый курс» Франклина Делано Рузвельта стал первым в истории американского правительства примером того, что историк Питер Холл назвал «маловероятным союзом между консервативными и прогрессивными силами»: власть осознала свою ответственность за материальное благополучие неимущих слоев и поставила перед собой цель его добиваться²⁷. Тем не менее такая политика вызывала в Америке куда больше споров, чем в Европе, и в итоге привела к тому, что сторонник прогрессивных мер Чарльз Эбрамс описал как «социализм для богатых и свобода предпринимательства для бедных», то есть к направлению большинства государственных субсидий на нужды среднего, а не рабочего класса²⁸.

В 1930-е годы были запущены наследующие традициям эры прогрессивизма федеральные программы жилой застройки; они расширялись до тех пор, пока в 1950-е акцент не сместился на улучшение материальных условий. Огромная роль отводилась расчистке трущоб. Законом о жилье 1934 года было учреждено Федеральное жилищное управление — важнейшее ведомство, осуществляющее государственную политику в этой области; череда последующих реорганизаций привела в 1965 году к созданию на его базе существующего по сей день Министерства жилищного строительства и городского развития США. Появление в центральной части городов массовой жилой застройки для бедных слоев было связано и с формированием пригородного образа жизни, характерного для среднего класса: наряду с учреждением Федерального жилищного управления закон 1934 года (в который в последующие годы вносилось множество поправок) вводил и систему федерального страхования долгосрочной ипотеки. Таким образом, впервые в истории владение собственным домом стало доступно для огромного сегмента населения и были созданы условия для превращения пригородного дома на одну семью в типичное жилье американского среднего класса²⁹.

Еще одной важной законодательной инициативой стал Закон о жилье 1937 года, также известный как Акт Вагнера–Стиголла, который провозгласил предоставление гражданам качественного жилья одной из обязанностей правительства. Он предусматривал значительное финансовое стимулирование для тех городов, где проводились программы расчистки трущоб: федеральные власти брали на себя 90% расходов, которые включали стоимость не только сноса старых домов, но и проектирования и возведения новых. Остальные 10% города могли заработать сами с помощью налоговых льгот³⁰. С другой стороны, федеральные субсидии шли лишь на оплату стоимости земли и строительства, а не на финансирование последующей эксплуатации зданий. Таким образом, закон ничего не давал наиболее бедным гражданам, которым было не по карману содержать свои новые дома. Это четко определяло целевую аудиторию первых проектов массовой застройки: никаких чернокожих, никаких новых иммигрантов — только представители белого среднего класса, пострадавшего от Великой депрессии.

Муниципальное жилье воспринималось как форма временной поддержки этих «достойных сочувствия бедняков». Только после того как первоначальные адресаты оправились от экономического шока, к жилищным программам начали допускать этнические и социальные меньшинства.

Финансируемые из бюджета жилищные программы в куда большей степени, чем в Европе, следовали логике свободного предпринимательства и потому не так значительно ограничивали рынок жилья. Частные застройщики сохранили огромное влияние на ход процесса, и любые политические решения принимались с учетом их интересов. К примеру, в 1935 году федеральный судья Доусон признал неконституционным принудительное изъятие частных земельных участков для массовой жилой застройки. Из-за этого решения правительству приходилось платить за землю, предназначенную для муниципального жилья, что естественным образом ограничило количество финансируемых из бюджета квартир. Огромное влияние строительного лобби отражалось в конкретных особенностях жилищных программ. Комплексы проектировались с расчетом на максимальную прибыль для частного застройщика, а не на максимальную пользу для будущих жильцов³¹. Предвзятость в пользу частного бизнеса росла по мере того, как формировалась законодательная база для всеобъемлющей реконструкции городских районов. Еще два закона о жилье были приняты в 1949 и 1954 годах³². Первый из них провозгласил «обеспечение достойного дома и подходящей жилой среды для каждой американской семьи», а со вторым в обиход вошло знаменитое клише: целью государственной политики отныне объявлялась не «расчистка трущоб и застройка освобожденных территорий», а «обновление городской ткани». Снос и строительство в центральной части городов должны были теперь не столько улучшать условия жизни бедных обитателей этих районов, сколько соответствовать интересам предпринимателей, страдавших от переезда своей клиентуры в пригороды. В нескольких случаях коммерческие застройщики добились сноса трущоб в центре города, но не построили обещанного муниципального жилья для неимущих слоев³³. К самым заметным примерам центральных районов, джентрифицированных вследствие ликвидации трущоб, мож-

но отнести Золотой треугольник в Питтсбурге (1946), Банкер-Хилл в Лос-Анджелесе (1955), окрестности Вашингтон-сквер в Нью-Йорке (1957) и Вест-Энд в Бостоне (1959). Обитавшие в этих кварталах представители рабочего класса — далеко не самые бедные жители своих городов — под внешним давлением уступили место более богатым группам населения. В Чикаго программы городского обновления в районах Черного пояса также отвечали интересам бизнеса, но механизм был совсем иным: они удерживали состоящую в основном из афроамериканцев массу городской бедноты вдали от белых пригородов и вне центрального делового района.

2.5 Комплекс Хенри Хорнер Хоумз, построенный в 1957–1961 годах

«Жестокое
дома»

У строившихся в Чикаго муниципальных жилых домов был тот же принципиальный недостаток, что и у многих других оплаченных из бюджета проектов массовой жилой застройки, описанных в этой книге: создатели с самого начала недооценивали расхо-

ды на их эксплуатацию. Как и в Париже, Москве или Мумбаи, финансирование от государства было заведомо недостаточным, чтобы гарантировать качественное обслуживание возведенных экономичными методами многоквартирных высоток. Эти здания начинали приходить в упадок практически сразу после завершения строительных работ. В них текли крыши, прорывало трубы, не хватало стекол в окнах и горела электропроводка. Хрестоматийный пример разбазаривания ресурсов из-за некачественной эксплуатации приведен в известном отчете о состоянии жилого комплекса Хенри Хорнер Хоумз: сантехники на протяжении нескольких лет не могли починить кран горячей воды в квартире матери-одиночки с восемью детьми, так что вся семья страдала бессонницей из-за шума, с которым кипяток непрерывно обрушивался в ванну³⁴.

В то же время быстро менялся социальный состав обитателей муниципального жилья. На ранних этапах там сохранялся определенный процент представителей рабочего и среднего классов, но вскоре оттуда уехали все, кто мог себе это позволить. Кроме всего прочего, с 1969 года федеральное законодательство предписывало рассчитывать уровень арендной платы за субсидированные бюджетом квартиры на основании дохода жильца, что делало муниципальные комплексы все менее привлекательным вариантом для тех, у кого была работа. Начиная с 1970-х годов почти все жители Роберт Тейлор Хоумз были чернокожими, безработными и крайне бедными. К концу 1990-х население там сократилось почти на две трети — до 11 000 человек. Этот комплекс превратился в «смертоносную пустошь жестоких домов и разрушенных жизней», воплощение худших качеств муниципального жилья³⁵.

Для представителей белого среднего класса массовое жилье стало воплощением американского городского кошмара. Первые разоблачения чудовищных условий жизни в Роберт Тейлор Хоумз потрясли страну в 1965-м, всего три года спустя после завершения строительства. Чикагская газета Daily News живописала такую картину: отвратительное техническое обслуживание, непомерный вандализм и непрекращающееся насилие³⁶. В следующие десятилетия рассказы очевидцев о жуткой жизни в муниципальных жилых комплексах неизменно пользовались большим успехом. Однако по большей части повествователя-

ми были внешние наблюдатели, а не сами обитатели этих зданий. История взросления чернокожих братьев в, как выразился автор, «другой Америке» быстро стала бестселлером³⁷. Белый журналист Алекс Котловиц описал жизнь двух парней, воспитанных матерью-одиночкой среди наркоманов и перестрелок конкурирующих банд. Действие происходит в построенной позже других части комплекса Хенри Хорнер Хоумз, состоящей из семи жилых высоток. Котловица интересуется все стороны ежедневного существования его юных героев. В его изложении неприветливая архитектура многоэтажек сродни темной силе в судьбе братьев. Особое внимание он уделяет драматическим событиям вроде гибели нескольких приятелей героев в бандитских разборках. В тонкой репортерской манере Котловиц показывает и радости, и трудности повседневной жизни в муниципальном жилье. Бум подобных сочинений способствовал тому, что в глазах белого большинства жилые высотки в центральной части города и их чернокожие обитатели, живущие на социальные пособия, вскоре слились в пугающий иррациональный образ «другого».

Общественное мнение по большей мере видело основную причину провала программы муниципального жилищного строительства в плохом качестве обслуживания зданий. Разбитые окна и замусоренные подъезды стали означать, что государство не способно как следует заботиться о своих квартиросъемщиках. Такое предположение всех устраивало, поскольку соответствовало глубоко укорененному в душах американцев недоверию к государственному вмешательству — убеждению, что человек, полагающийся на помощь правительства, в итоге делает только хуже себе. Но не только широкая публика сосредоточилась на обсуждении именно материальных условий жизни в муниципальных зданиях. Так, архитектор-градостроитель Оскар Ньюман, анализируя роль архитектуры в снижении преступности, видел причины высокого уровня насилия в районах муниципальной застройки в неверных дизайнерских решениях³⁸. Схожая логика лежала в основе так называемой «теории разбитых окон», согласно которой снижения преступности можно добиться, если создать общую атмосферу безопасности, то есть ликвидировать явные признаки запущенности городской среды³⁹. Критики вроде Питера Блейка и Тома Вулфа

высмеивали жилые многоэтажки как неспособные нормально функционировать и уродливые⁴⁰.

Одновременно, однако, нарастала и критика социального и политического контекста муниципального жилья. Группы местных активистов, которых поддерживали интеллектуалы Джейн Джекобс или Ричард Сеннет⁴¹, развернули грандиозную битву против программ городского обновления и сноса исторических районов. В такой обстановке многие сторонники жилищных реформ начали критиковать проекты массовой жилой застройки за то, что они не принимают во внимание нужды будущих обитателей. Архитектура типового здания навязывала, по их мнению, образ жизни белого среднего класса, неприемлемый для других социальных и этнических групп. К примеру, она не предусматривает совместного проживания в одной квартире многих поколений или большого количества детей в семье — а именно такими были семьи большинства квартиросъемщиков в муниципальных жилых комплексах Чикаго. Таким образом, критики обвиняли создателей жилья в дискриминации тех, для кого оно строилось⁴². Эти претензии заставляли усомниться в аксиомах городского планирования эпохи модернизма, таких как необходимость единой вертикали управления, когда решения принимаются на самом верху, вера в непредвзятость экспертов и представление о признаваемом всеми общественном благе⁴³.

К началу 1970-х негативное отношение к модернистской архитектуре главенствовало в общественном восприятии, так что на протяжении еще нескольких десятилетий никому и в голову не приходило оспаривать связь типовой многоквартирной застройки с самыми болезненными социальными явлениями. Когда в 1972 году городские власти Сент-Луиса приняли решение снести комплекс Пруитт-Айгоу Хоумз, основной реакцией был бурный энтузиазм⁴⁴. В 1973 году администрация президента Никсона вняла критикам, к тому же по всему миру начали отказываться от системы прямых бюджетных инвестиций в строительство. Вместо финансирования конкретных проектов федеральное правительство отныне должно было субсидировать созданные в каждом штате органы жилищного развития. Так закончилась эпоха крупномасштабного планирования — с тех пор в США не был запу-

2.6 Поло Граундз Тауэрз в нью-йоркском Гарлеме. Этот комплекс муниципального жилья на 155-й улице был закончен в 1968 году. В четырех тридцатиэтажных башнях около 1600 квартир

щен ни один значительный проект массовой жилой застройки. Ну а когда десятилетием позже в стране внезапно начался так называемый «ренессанс городских центров», частный бизнес стал добиваться приватизации государственной собственности, которая теперь сулила куда более высокий уровень доходности.

Пугающие сюжеты в средствах массовой информации, объективно тяжелая ситуация в муниципальных комплексах и враждебно настроенное общественное мнение тем не менее не смогли заставить обитателей массового жилья изменить свое о нем мнение. Большинство из них видят проблему не в проживании в типовой многоэтажке как таковой, а в огульном приписывании себе криминальных наклонностей⁴⁵. Американцы с низкими доходами вовсе не воспринимают муниципальные комплексы как нечто отжившее. В 2005 году очередь ожидающих квартиры от Чикагской жилищной администрации насчитывала 148 000 человек, примерно две трети из которых были чернокожими⁴⁶. Немногие уцелевшие комплексы, как много-, так и малоэтажные, заполнены в наши дни практически на 100%. Вопреки всем нападкам и несмотря на явную неспособность муниципального жилья решить многие стоящие

перед ним проблемы, оно остается гораздо более привлекательным, чем все, что предлагается взамен.

Нью-Йорк как исключение Лучшим в Америке аргументом против материального детерминизма является Нью-Йорк с его на удивление успешным опытом типового жилищного строительства. Хотя обитатели муниципального жилья часто сталкиваются там с расовыми и классовыми предрассудками, как и в Чикаго или других городах Америки, стигматизация многоквартирных домов как таковых не зашла в Нью-Йорке настолько далеко⁴⁷. Город, который может похвастаться многими из самых знаменитых высотных зданий на планете, представляет собой явное исключение в контексте страны, и у этого есть как исторические, так и географические причины. Вертикальность была неотъемлемой частью жилищной культуры Нью-Йорка с начала XX века и традиционно ассоциировалась не с бедностью, а с богатством. Еще за десятилетие до того, как в непрестижных районах города выросли первые комплексы муниципального жилья, зажиточные ньюйоркцы уже наслаждались жизнью в очень непохожих, но не менее высоких зданиях. Характерные для Манхэттена роскошные многоэтажные кондоминиумы были изобретением «ревущих двадцатых» — периода, когда население Нью-Йорка уже стало одним из крупнейших в мире, а богатые люди еще не привыкли к долгим автомобильным поездкам от дома до центра города. Жилые небоскребы строились главным образом в кварталах рядом с Центральным парком. Одним из самых ранних был кондоминиум 740 Парк Авеню, который до сих пор считается самым престижным в городе. В этом 17-этажном здании, построенном в 1930 году по проекту архитектора Росарио Канделы, несколько десятилетий жил Джон Д. Рокфеллер — младший — в 2000 году его 24-комнатная квартира с двенадцатью санузлами была продана примерно за 30 миллионов долларов⁴⁸. Не менее знаменит построенный в 1929 году кондоминиум Сан-Ремо на Сентрал-Парк-Вест, где в свое время жили Брюс Уиллис, Дастин Хоффман, Деми Мур и Стивен Спилберг. Средняя площадь квартиры там составляет 300 квадратных метров; на нескольких этажах имеют-

ся просторные террасы с панорамными видами на Центральный парк.

В конце 1930-х годов мэр Нью-Йорка Фьорелло Ла Гуардия первым воспользовался федеральными законами о муниципальном жилье, принятыми за несколько лет до того. Самые ранние профинансированные из федерального бюджета здания были высотой не более пяти этажей. Первым из них стал 120-квартирный комплекс Ферст Хаузиз (1935–1936) в Нижнем Ист-сайте — скромная по масштабу версия традиционного ансамбля четырехэтажных доходных домов по периметру квартала, где каждое третье здание было исключено для уменьшения плотности застройки. Следом был построен пятиэтажный комплекс Харлем Ривер Хаузиз (1936–1937, 600 квартир, архитектор Джон Луис Уилсон), и в нем уже можно видеть дизайнерские решения, позже ставшие типичными для муниципальной застройки⁴⁹: это был крупный массив размещенных вдали от красной линии зданий с суровыми кирпичными фасадами с крестообразными оконными переплетами и без украшений и балконов. В нем было довольно много удобств: детский сад, поликлиника, магазины и спортивные площадки. Харлем Ривер Хаузиз выделялся среди ранних проектов муниципального жилья тем, что изначально строился для афроамериканцев. Публикации в прессе всячески подчеркивали, что жители этих ранних комплексов очень гордились своими новыми домами, что им нравилось там жить. Это до сих пор так: старожилы по-прежнему отмечают, что переезд сюда существенно улучшил условия их жизни, обеспечив им такие удобства, как электричество и горячее водоснабжение⁵⁰.

Чем же объясняется такое своеобразие Нью-Йорка? Основных причин три. Во-первых, различные типы массового жилья предназначались здесь для всех слоев населения, а не только для бедных. Начиная с 1940-х годов многоквартирные башни строились и для среднего класса. Именно в Нью-Йорке, в Нижнем Ист-сайте, появился состоящий из крестообразных в плане зданий массив Стайвесант Таун — Питер Купер Виллидж — вероятно, наиболее полное в истории воплощение градостроительной мечты Ле Корбюзье о башнях посреди парка, сформулированной им в знаменитом Плане Вуазен. Эти дома, построенные в 1947 году на месте снесенных трущоб, по-преж-

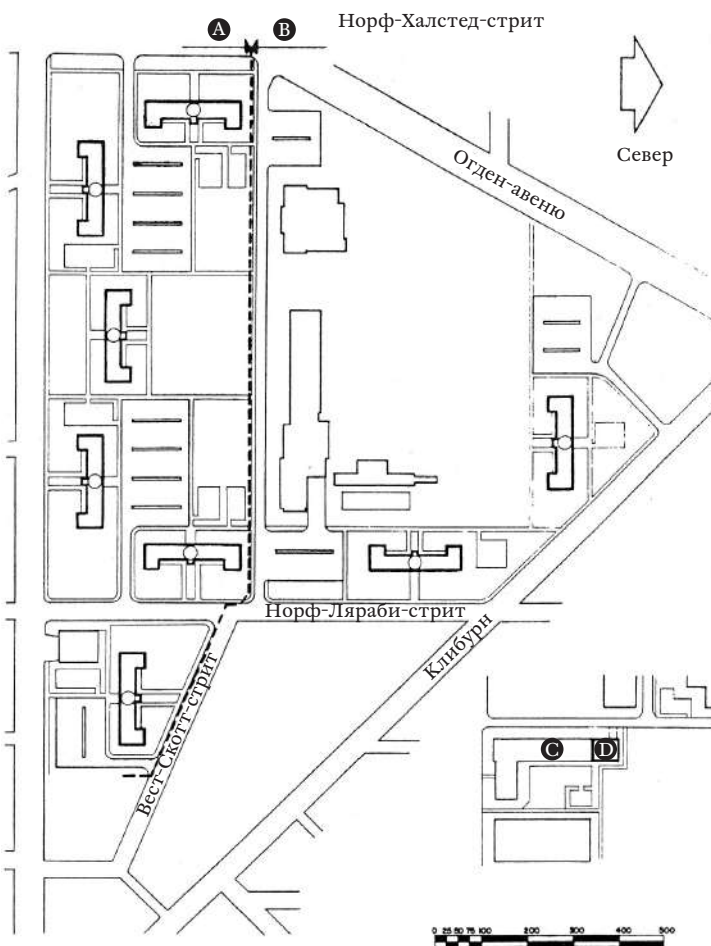
нему пользуются огромным спросом у представителей среднего класса, ценящих жизнь в центре города.

Во-вторых, проекты муниципального жилья в Нью-Йорке финансировались щедрее, чем в других американских городах. Только здесь власти города и штата добавляли собственные средства к мизерным субсидиям, поступающим из федерального бюджета. Именно поэтому основанная в 1934 году Нью-Йоркская жилищная администрация имела возможность поддерживать построенное жилье в лучшем состоянии и лучше интегрировать его в ткань города. И она же была единственным в стране крупным жилищным агентством, которое серьезно старалось преодолеть социальную и расовую сегрегацию. Обветшание муниципального жилья не начиналось здесь сразу после введения в эксплуатацию. В результате ни один жилой комплекс не стал в Нью-Йорке притчей во языцех, как Роберт Тейлор Хоумз, символизировавший упадок в центральной части Чикаго⁵¹. Наоборот, многие бедные районы, которые приобрели в 1960-е годы особенно дурную репутацию, не были застроены ни муниципальным жильем, ни многоквартирными башнями: для Гарлема или Южного Бронкса были характерны трехэтажные дома конца XIX века из темно-коричневого песчаника.

Третьей причиной относительного успеха муниципальной жилой застройки в Нью-Йорке была география. Островное положение Манхэттена препятствовало оттоку населения в пригороды и одновременно гарантировало настолько высокий уровень цен на землю, что с конца XIX века лишь крошечное меньшинство жителей «Нью-Йорка в строгом смысле слова» могло позволить себе дома на одну семью, а остальным приходилось жить в многоэтажных зданиях. В результате мало кому из обитателей муниципальных комплексов был по средствам переезд в другое жилье, даже когда их благосостояние оказывалось существенно выше черты бедности⁵². Социальный престиж этих комплексов не был так низок, как в других городах, поскольку многие представители среднего класса жили там же. Приемлемость муниципального жилья в глазах широких слоев населения, лучшее финансирование жилых комплексов и полная недоступность домов на одну семью вместе вели к тому, что многоквартирные башни воспринимались в Нью-Йорке

2.7 Построенный в 1955–1958 годах комплекс Стейтвэй Гарденз незадолго до сноса в 2007-м. Справа — здания в стиле современного историзма, строящиеся на месте муниципального жилья «район смешанного дохода»

2.8 План комплекса Уильям Грин Хоумз

- Ⓐ Стадия I
- Ⓑ Стадия II
- Ⓒ Бойлерная
- Ⓓ Пристройка

совсем не так, как в остальных частях страны. Наконец, несмотря на давнюю традицию расизма, знак равенства между бедностью, цветом кожи и жизнью в многоэтажке никогда не ставился в Нью-Йорке так же неотвратимо, как в других американских городах⁵³.

От башен — Бюджетное финансирование жилищных программ в крупных американских городах никогда не было значительным, а в 1990-е были постепенно отменены и немногие существовавшие субсидии. В 1992 году правительство запустило программу реконструкции «Общедоступное жилье повсюду», по которой городам выделялись средства на снос ветхого муниципального жилья и сооружение на его месте так называемых «районов смешанного дохода». Небольшой процент новых жилищ должен был достаться небогатым арендаторам, остальное планировалось продавать по рыночной стоимости. Программа поощряла отказ от модернистских башен в пользу традиционной малоэтажной застройки — домов с деревянными каркасами, верандами, эркерами и двускатными крышами; по иронии судьбы они часто напоминали те здания, что в 1950-е годы сносились как трущобы, чтобы уступить место многоквартирным высоткам⁵⁴. На словах эти меры были направлены не только на достижение эстетического эффекта, но и на предотвращение образования расовых гетто и концентрации бедных семей в одном месте. На деле же они резко уменьшали количество доступного жилья.

Чикаго оказался главным полигоном новой программы. В 1995 году после волны обвинений Чикагской жилищной администрации в коррупции финансы и недвижимость организации под непосредственный контроль взяли федеральные власти. Учреждение, которое с самого своего основания в 1937 году функционировало как независимое агентство, оставалось под федеральным управлением целых четыре года. Первыми в 2000 году снесли башни жилого комплекса Кабрини-Грин. После этого в течение нескольких лет были уничтожены и заменены на районы смешанного дохода почти все комплексы выше пяти этажей. Так, на месте Кабрини-Грин, чьи повторя-

ющиеся башни когда-то обеспечивали муниципальным жильем 3200 семей, появились шеренги неотрадиционалистских двухэтажных домов. Застройщики надеялись, что новые здания «окажутся привлекательными как для арендаторов, так и для будущих покупателей», а нуждающиеся соседи явно могли подпортить эту картину. Всего было введено 700 единиц муниципального жилья, 320 единиц жилья на рыночных условиях и 140 единиц «доступного» жилья (то есть сдаваемого в аренду по стоимости чуть ниже рыночной), но на месте снесенных башен появилось менее 200 единиц муниципального жилья, а остальные оказались разбросанными по всему городу.

2.9 Вид на здание Уильям Грин Хоумз с Элм-стрит. На переднем плане — «район смешанного дохода» на месте снесенного комплекса Фрэнсис Кабрини Хоумз, построенный в 2000-х в рамках программы HOPE VI

В целом число субсидируемых из бюджета жилых помещений снизилось почти на 80%⁵⁵.

В случае других снесенных в Чикаго жилых комплексов — Стейтвэй Гарденз или Роберт Тейлор Хоумз — пропорция получилась не более утешительной⁵⁶. На месте Роберт Тейлор Хоумз сейчас строится малоэтажный район Леджендз Саут, первое здание которого было закончено в 2004 году. Как будто в насмешку над согнанными с насиженных мест жителями, оно названо в честь исполнительницы госпелов Махалии Джексон, родившейся неподалеку в нищей семье с тринадцатью детьми; сегодня здесь вряд ли бы потерпели таких соседей. Все проекты реконструкции в городе объединяло то, что прежние арендаторы не имели безусловного права остаться. Общее число квартир в новых домах с двускатными крышами всегда оказывалось меньше, чем в снесенных башнях, и лишь в немногих из них арендная плата субсидировалась из бюджета. Таким образом, недорогое жилье в новостройках получал крохотный процент прежних арендаторов; остальным доставались «жилищные ваучеры», по которым они могли получить скидку при аренде жилья в других зданиях⁵⁷. В итоге люди оказывались в существенно более тяжелом положении, чем прежде, поскольку никто не гарантировал, что в ситуации непрерывно растущих цен им удастся найти дешевую квартиру на рынке частного жилья. Чаще всего они в конце концов оказывались в бедных районах на дальней периферии города — в Энглвуде, Саут-Шоре, Гришеме, Гарфилд-Парке или Саут-Остине⁵⁸.

Жесткие проектировочные нормы, предусмотренные программой «Общедоступное жилье повсюду», учитывают разные возражения против архитектуры модернизма и в целом соответствуют общепринятому теперь представлению о красивом городе: компактные кварталы периметральной застройки, здания высотой не более пяти этажей и фасады, отражающие местные традиции или европейские стили прежних эпох. Такие архитектурные решения вызывают у публики положительные ассоциации, и создается впечатление решенных социальных проблем, хотя на деле они просто вытеснены в другие районы. Федеральное правительство снова взяло на вооружение давно известную стратегию — решать социальные проблемы посредством эстетики. Именно эта стратегия привела к сносам

трущоб в середине XX века и вдохновила исследования Оскара Ньюмана, но достичь с ее помощью желаемых результатов не удавалось почти никогда.

Изгнание
призраков
прошлого

Противоречивая история массового жилья в Соединенных Штатах позволяет проследить, как восторженный энтузиазм по поводу общественного и технического прогресса, характерного для городов, всегда сочетался здесь с подспудным анти-урбанизмом⁵⁹. Она же показывает удивительную стабильность некоторых принципов, сформулированных в конце XIX века: залогом общественного развития являются частный бизнес и предпринимательство; положительные перемены в обществе обусловлены улучшением материальных условий; общество лишь в очень ограниченной мере несет ответственность за неимущих. В итоге образ города, объединяющего богатых и бедных, так и не сформировался здесь в полной мере. Именно поэтому эксперты и активисты были совершенно правы, когда осуждали бессмысленную замену высотных жилых комплексов на малоэтажные районы смешанного дохода. В большинстве случаев эти меры снижали, а не повышали качество жизни наиболее нуждающихся жителей и просто прятали за красивыми фасадами насильственное переселение бедноты⁶⁰. Исследуя различные комплексы муниципального жилья, критики обращали внимание на конкретные местные особенности и придавали меньшее значение общим вопросам дизайна. Кэтрин Бристол, к примеру, указывала, что жилой комплекс Пруитт-Айгоу стал проблемным не потому, что был неудачно спланирован, а из-за градостроительной политики муниципалитета Сент-Луиса и социальных условий⁶¹. Лоуренс Вэйл, проследивший судьбу трех на первый взгляд одинаковых жилых комплексов в Бостоне, пришел к выводу, что удача или неудача подобных проектов зависит от конкретных проблем в их непосредственном окружении, а вовсе не от каких-то эстетических деталей⁶². Наконец, социолог Судхир Венкатеш в своем авторитетном отчете о жизни в Роберт Тейлор Хоумз исходит из того, что развитие чикагских комплексов муниципального жилья определялось местными социальными условиями, а не общими характеристиками высот-

ной массовой застройки как таковой⁶³. По словам политолога Юджина Михана, муниципальное жилье стало жертвой «приговора без суда и следствия»⁶⁴. Несмотря на все экспертные заключения, перед теми немногими либеральными активистами, которые отстаивают в наше время сохранение системы субсидирования жилья, стоит очень непростая задача. В нынешнем Чикаго их мнение не разделяет ни одна политическая сила, а финансовая поддержка неимущих слоев полностью исчезла из предвыборных программ.

Массовая жилая застройка пошла в США по совершенно особому пути. Не превратившись, как в Европе, в настоящий механизм градостроительства, она вместо этого способствовала поляризации между бедными центральными районами и богатыми пригородами, причем пригороды не меньше субсидировались из федерального бюджета (регулирование ипотечных ставок, строительство автомобильных магистралей⁶⁵). Кроме того, муниципальная застройка так никогда и не стала здесь общественной в полном смысле слова, поскольку общество в большинстве своем не разделяло базовый для нее принцип перераспределения богатств как государственной политики. Глубоко укорененные культурные модели и особенности послевоенной экономической ситуации с самого начала определили такое несовпадение теории и практики. Зерна сложившихся за рубежом представлений о государственном вмешательстве и равных жилищных условиях упали в местную почву крайне поляризованного общества, по большей части не готового менять привычную систему расовой сегрегации и отказываться от непоколебимой веры в частную инициативу.

Программы, предусматривающие снос или реконструкцию различных жилых комплексов, показывают не ослабевающее на протяжении последнего полувека могущество архитектурного образа. В характерной для Чикаго одномерной символической экономике жилые башни — это угнетение и изоляция афроамериканцев, тогда как здания с фасадами в исторических стилях — знак интегрированного общества и надежд на социальную сплоченность. Для политиков и значительной части населения единственным выходом из этого возникшего в их воображении тупика стало решение взорвать башни и тем самым изгнать призраки прошлого. В этом смысле снос массо-

вого жилья действительно удовлетворял чьи-то нужды помимо нужды строительной отрасли в дополнительных доходах. Уничтожая один из наиболее болезненных символов сегрегации и несправедливости, подобные программы как минимум создавали видимость решительного отказа от самих принципов, воплощением которых стали многоэтажные жилые дома. Вероятно, самым благотворным последствием сносов будет шанс переосмыслить этот тип застройки.

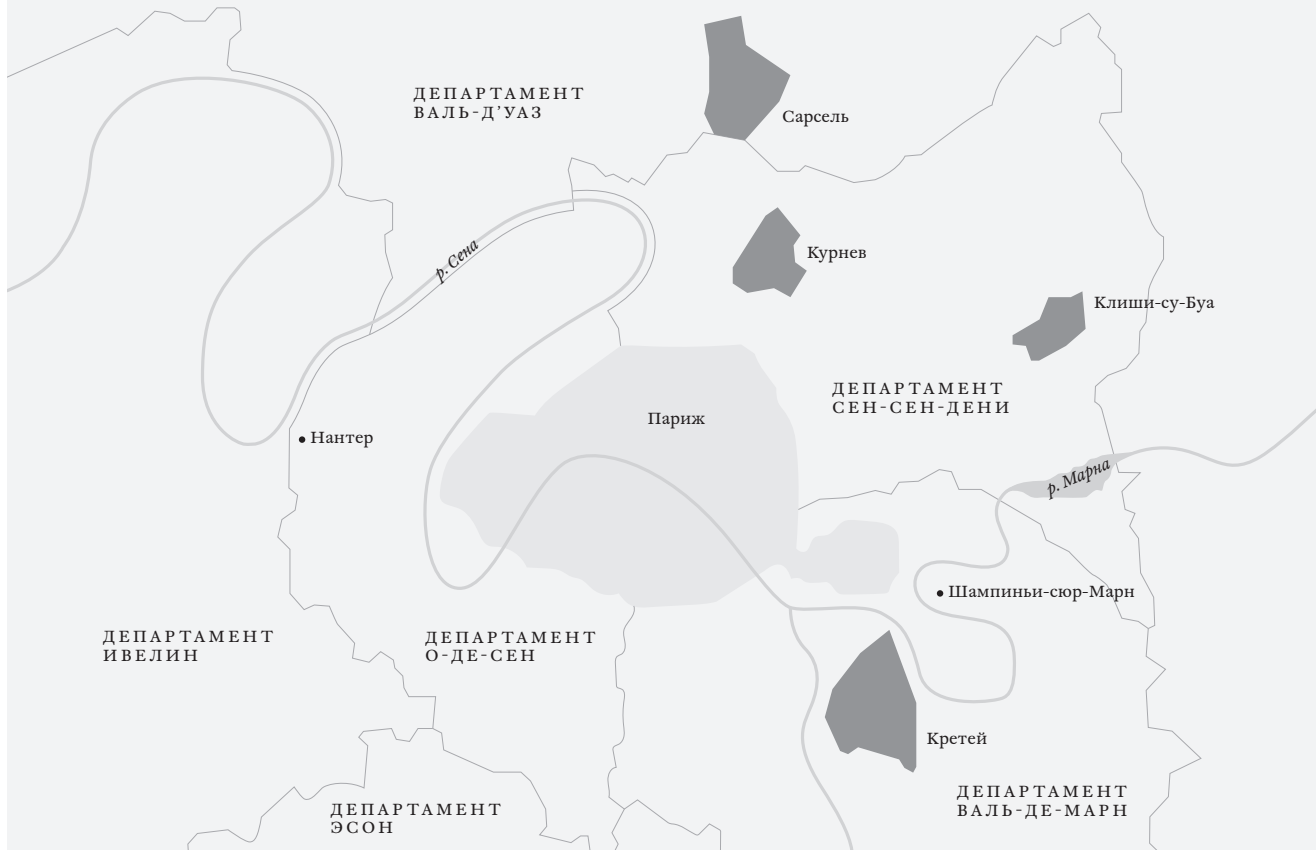
ГЛАВА 3.

БЕТОННАЯ СТЕНА ВОКРУГ ПАРИЖА

Жертвы
модернизма?

Мало где в Европе многоэтажное жилье воспринимали так негативно, как во Франции начала XXI века. В октябре 2005 года виды бетонных башен, на фоне которых пылают автомобили и бунтует молодежь, заполнили медиапространство. Бесчисленные телевизионные репортажи и газетные статьи показывали, что в гигантских модернистских массивах на окраинах французских городов мечта о свободе, равенстве и братстве обернулась своей противоположностью — печальной реальностью угнетения, социальной изоляции и ксенофобии. Многоквартирные дома стали символом бедности, маргинализации и расизма, из-за которого рожденные во Франции дети мигрантов с Ближнего Востока и из Северной Африки по-прежнему считаются людьми второго сорта, несмотря на то что являются полноправными французскими гражданами. Образ получался особенно ярким: вгоняющая в тоску картина типовых жилых башен ничем не напоминала виды Парижа и других французских городов, к которым привыкли в остальном мире. Многоэтажки в парижских пригородах вроде Кретея, Клиши-су-Буа или Сарселя было не просто совместить с представлениями о широких зеленых бульварах, живописных площадях и вестибюлях метро в стиле ар-деко. Зарубежной публике они казались мрачной изнанкой, которую Город влюбленных долгое время умудрялся держать в тайне и за пределами своих муниципальных границ.

Какую же роль массовая жилая застройка сыграла в создании атмосферы отчуждения и насилия во французских пригородах? Прав ли был некий швейцарский журналист, когда назвал бунтующих молодых людей «жертвами модерниз-

3.1 Париж

ма», которые восстали против тоталитарного порядка, навязанного архитекторами-функционалистами?¹ И в чем отличие Франции от, скажем, США или Западной Германии, где многоэтажное жилье также усиливало социальную изоляцию? Хотя доказательств прямой связи между типовым многоквартирным жильем и высоким уровнем агрессии практически не существует, присмотревшись к башням, мы тем не менее можем лучше понять ту общественную обстановку, к которой привела особая траектория развития французской массовой застройки. Примерно каждый шестой из 60 миллионов французов живет сейчас в квартире в типовой многоэтажке — этот процент больше, чем в Америке или Германии, но меньше, чем в России. Тем не менее во Франции модернистские жилые массивы в гораздо большей степени, чем типовое жилье в других странах, образуют в наше время особый мир, отдельную архитектурную среду, изолированную от прочих типов застройки, — по выражению одного французского специалиста в области градостроительства, «непостижимый и загадочный архипелаг»².

Эти жилые массивы изучают чуть ли не тщательнее, чем любую другую обитаемую людьми среду — вплоть до того, что само слово «урбанистика» стало во Франции синонимом исследований массовой жилой застройки. Список литературы по этой теме за два десятилетия занимает свыше двухсот страниц³. Статьи, написанные социологами, градостроителями, географами и историками, охватывают все возможные аспекты проблемы от строительных технологий до способов проведения досуга. Чаще всего жилые высотки оказываются в них символами каких-то более широких социальных явлений: общего кризиса во взаимоотношениях французов с их городской средой обитания⁴, общества, не способного обеспечить социальную справедливость⁵, или даже, как это ни смешно, собственного успеха, обернувшегося катастрофой. По последней гипотезе, массовое жилье обеспечило такие серьезные социальные преимущества первому поколению своих обитателей, что они просто переехали в другие районы⁶.

Повсеместно критиковать такие районы во Франции начали еще в 1960-е годы, но аргументация при этом приводилась совсем не такая, как, например, в Соединенных Штатах. Недостатки архитектурных решений и градостроительных норм подробно анализировались и там и там, но во Франции эта дискуссия оказалась неотделима от более широкого обсуждения ценности высокой архитектуры: в отличие от Америки, здесь первые жилые многоэтажки строили самые знаменитые архитекторы страны. Кроме того, несмотря на очевидную взаимосвязь между колониализмом и эволюцией модернистского градостроительства, во Франции многоэтажная жилая застройка не закрепляла уже существующие пространственные барьеры типа границ этнических районов в США⁷. Большая часть жилых массивов была построена еще до того, как население страны оказалось разделено на мигрантов и аборигенов. Соображения предпринимательской выгоды также не играли при разработке французских жилищных программ такого значения, как в США; государство здесь было традиционно влиятельно в вопросах градостроительства и в основном смогло сохранять контроль в этой области на протяжении всего XX века.

Выражение «жилой массив» (*grand ensemble*), несмотря на то что во французской публичной дискуссии с ним всег-

да ассоциируется один и тот же образ, на самом деле обозначает очень разные районы. Тем не менее у них есть и кое-что общее. Каждый подчинен единому плану, оплачен деньгами, так или иначе поступившими из государственного бюджета, и построен на периферии существующего крупного города. Квартиры там были предназначены для аренды, а не на продажу, и чаще всего в них по-прежнему живут арендаторы. Любой такой район состоит из типовых коробок и башен высотой от 5 до 20 этажей, в которых суммарно проживает от 1000 до 20000 человек. Почти все они построены между 1953 и 1973 годами, то есть относятся к «славному тридцатилетию» — периоду с 1945 до 1975 года, когда Франция переживала беспрецедентный экономический рост, что выразилось в непрерывно растущих зарплатах и почти полной занятости населения. Таким образом, этот тип массового жилья связан с эпохой, когда наряду с городской застройкой радикально, практически как никогда прежде, менялось и французское общество. Страна одновременно восстанавливалась после Второй мировой войны и теряла статус колониальной империи. Растущее осознание жилищного кризиса сочеталось со стремлением к общественному единству и с верой в преимущества хорошо спланированной городской среды. По иронии судьбы такие представления в конце концов приведут к особенно бесцеремонному географическому разделу общества. В этой главе мы проследим эволюцию нового пространственного устройства, отмечая некоторые ключевые моменты и сосредоточившись на парижском регионе, где строилось абсолютное большинство французских жилых высоток.

Зарождение концепции относится к довоенному периоду. Первые в парижском регионе модернистские жилые комплексы были построены в 1920-е годы: город-сад на 24 семьи в городке Плесси-Робинсон (1924–1939, архитекторы Морис Пейре-Дортай, Жан Демэ и Жан Фесток) и Сквер Дюфурмантель в Мезон-Альфоре (1930-е, 600 квартир, архитекторы Роже Юмбель и Андре Дюбрей). Сам термин «жилой массив» возник в 1935 году — так назвал свою статью Морис Ротиваль, один из самых заслуженных французских градостроителей того времени. Он выступил с решительным призывом обеспечить представителей рабочего класса муниципальным жильем (во Фран-

ции оно до 1949 года называлось «жилье по низкой цене», а позже — «жилье с умеренной арендной ставкой»). Предвидя объем строительства, которое необходимо осуществить в ближайшие несколько десятилетий, Ротиваль предлагал создавать независимые кластеры из одинаковых 10–20-этажных башен на окраинах крупных городов. Они должны были включать офисы, поликлиники, магазины; вокруг планировалось разбивать обширные парки, а связь с центром города должны были обеспечить скоростные шоссе и пригородные железные дороги. Ротиваль надеялся, что «в один прекрасный день человек, выехав за пределы Парижа, будет видеть живописно проложенные среди лесов, парков и стадионов автомагистралей, ведущие к крупным, четко обозначенным и хорошо спланированным поселениям, залитым солнечным светом». «Рано или поздно мы справимся с моральным перевоспитанием трудящихся масс наших городов и таким образом не дадим им превратиться в настоящих бунтовщиков», — заключал он, не стесняясь соединять задачи покровительственной помощи и контроля⁸.

Ротиваль был первопроходцем и пламенным пропагандистом комплексного модернистского подхода к городскому планированию, который французы и называют урбанизмом, и предлагаемые им преобразования касались не только расположения улиц и архитектуры зданий. Его статья появилась спустя двадцать четыре года после того, как в 1911-м было основано Французское общество градостроителей, и спустя шестнадцать лет после того, как в 1919-м специальный закон Корнюде провозгласил городское планирование одной из обязанностей муниципальных властей. В основе взглядов Ротиваля лежало представление о городе как о гармоничном сообществе горожан: они свободны в своих мыслях и действиях, но одновременно их тщательно контролирует политическая система, устраивающая всех. Такой город будущего соответствовал фундаментальным принципам французского градостроительства, заложенным еще в XIX веке, — социальной ответственности и четкого контроля.

Упорядоченность занимала важнейшее место в рассуждениях Ротиваля и его последователей. Высотную застройку они воспринимали как шаг вперед по сравнению с существую-

ющей, но если, например, немецкие сторонники жилищных реформ считали своей задачей крестовый поход против мрачных дворов-колодцев, характерных для доходных домов конца XIX века, то их французские коллеги демонстрировали куда меньшее неприятие существующей городской ткани. Их критика была в основном направлена на тот тип застройки, который почти не фигурировал в жилищных спорах в других странах и даже отчасти напоминал добротные американские пригороды: расположенный на городской периферии район недорогих домов на одну семью. Такие дома обычно были одноэтажными и строились на крохотных участках, полученных в результате нарезки крупных земельных владений в межвоенные годы. По мнению критиков, это были «бездушные окраины», где дома «комически скучены»⁹. В 1950 году социалист Эжен Клодюз-Пети, глава Министерства реконструкции и градостроительства, клеймил их, предостерегая соотечественников от «анархии городских агломераций» и «монотонной анонимности»¹⁰. В 1959-м его преемник, умеренно правый министр строительства Пьер Судро, твердил о риске «повторить ошибки предшествующих поколений», которые строили «спящие города, ряды мертвых домов, здания, лишённые индивидуальности»¹¹.

В таких заявлениях хаотичное планирование подавалось как корень любого зла, а рациональность и упорядоченность — как залог общественного блага. Именно в этом представлении, одновременно интегрирующем и изолирующем социальные группы, точнее всего выражен дух массовой жилой застройки во Франции. Множество исследователей указывали на связь таких идей с насильственным переселением и расовой сегрегацией, а также с угнетением коренного населения колоний; общеизвестно, что французская система массового жилья уходит корнями в «лаборатории модерности» в Северной Африке или Индокитае¹². Та свобода, которую сулило рациональное городское планирование, вечно входила в конфликт с тиранической составляющей рационализма, так что в жилых массивах воплотилось врожденное противоречие между двумя самыми ценными идеалами французского Просвещения: справедливостью, с одной стороны, и терпимостью, с другой.

Милосердие и контроль Концепция французского массового жилья сформировалась в период экономического подъема и веры в государственный патернализм, которую разделяли все политические силы. Зимой 1954 года страна пережила самые холодные недели за многие десятилетия и иметь крышу над головой стало для многих французов вопросом жизни и смерти. В парижском регионе, где в обычные годы снега вообще не бывает, а во многих домах отсутствует отопление, в январе и феврале 1954 года температура падала до минус 15 градусов Цельсия. Суровые погодные условия были особенно опасны для тех, кто жил в районах трущобного самостроя или просто на улице. Их бедственное положение французы осознали благодаря деятельности католического священника и общественного активиста Анри Антуана Груэ, известного всей стране как аббат Пьер, по конспиративной кличке времен Сопротивления. Он смог донести до широких слоев французской буржуазии информацию о страданиях бездомных. Аббат Пьер добился участия тогдашнего министра реконструкции, голлиста Мориса Лемэра, в похоронах замерзшего ребенка. После этого министр поддержал срочное строительство убежищ для бездомных. 1 февраля 1954 года аббат Пьер выступил по радио с призывом о помощи, после чего его благотворительная организация «Эммаус» получила 120 миллионов франков и 120 тонн теплой одежды¹³.

Деятельность аббата Пьера имела огромное значение для будущего массового жилья. Он помог Франции прийти к общему согласию, что государственные средства должны расходоваться на помощь незащищенным слоям населения. Коллективный опыт пережитых морозов и последующая волна межклассовой солидарности характеризуют общественную атмосферу начала 1950-х годов. Изоляция и маргинализация (к примеру, сотен тысяч людей, живущих в чудовищных условиях) сосуществовала в эти годы с общепринятым представлением о поляризации общества как о моральном зле, которое удастся преодолеть в ближайшем будущем. Кроме того, аббат Пьер напрямую занимался разрешением жилищного кризиса. Прислушавшись к его отчаянному призыву, правительство одобрило программу строительства 13000 «экономичных жилищ первой необходимости» — первые из них, в Плесси-Тревизе под

Парижем, были закончены уже весной 1954 года. Очень быстро эти дома начали приходить в упадок и стали объектом критики как пример «трущобизации»¹⁴. Дешевые малоэтажные строения ассоциировались теперь с «хаотичными» домами на одну семью, их все чаще осуждали как новые трущобы, и это одна из причин популярности высотной застройки.

Ситуация с жильем во Франции в самом деле была непростой. Дефицит объяснялся сразу несколькими факторами — тут и последствия разрушений военного времени, и миграция из деревень в города, и высокий уровень рождаемости, и общий спад истощенной войной экономики. Еще одной причиной нехватки жилья надлежащего качества было то, что в первые послевоенные годы инвестиции шли преимущественно в реконструкцию производственных мощностей, а не в жилищное строительство. Статистика демонстрирует гигантский масштаб проблемы. В начале 1950-х 29% французов жили в помещениях, не соответствующих минимальным требованиям, предъявляемым к жилью. Девять из десяти жилищ не были оборудованы душем или ванной, и только в 58% имелся водопровод¹⁵. Бидонвили (*bidonvilles*, дословно «города из бидонов»), стихийные поселения из лачуг, построенных самими их обитателями, были привычным зрелищем на окраинах крупных городов. В них жили французские граждане, но с годами там становилось все больше мигрантов. Район импровизированных временок и деревянных бараков в расположенном к западу от Парижа Нантере резко разросся в конце 1950-х годов из-за притока алжирцев. На прилегающих к нему территориях позже выросли не только масштабные комплексы массовой жилой застройки, но и кампус недавно основанного университета Париж X, который спустя несколько лет станет центром студенческих волнений 1968 года. Бидонвиль в Шампиньи-сюр-Марн к востоку от Парижа насчитывал в 1960-е годы 15000 жителей, в основном выходцев из Северной Африки и Португалии. Стихийные поселения разрастались и в других ближних пригородах столицы, включая Нуази-ле-Гран, Коломб, Бонди и Обервилье. Документы свидетельствуют о невыносимых условиях жизни в них и о чудовищной антисанитарии¹⁶. Районы трущоб можно было найти в этот период и в других европейских странах, но только во Франции они продолжали расти на

протяжении всех 1960-х годов. Их полное исчезновение в следующем десятилетии часто воспринимают как единственное положительное последствие широкомасштабного высотного строительства¹⁷.

Не отличалась устойчивостью и политическая ситуация. Благодаря активному участию в Сопротивлении Французская коммунистическая партия (ФКП) пользовалась в стране огромным влиянием и функционировала практически как независимый орган власти внутри государственной машины. В парижском регионе она была особенно сильна именно в тех периферийных районах — их стали называть красными пригородами, — где позже появились многие из массивов типового жилья. От выборов к выборам ФКП набирала на национальном уровне около 30% голосов. Под ее контролем находились важнейшие интеллектуальные издания страны, такие как *Les Lettres françaises*, вечерняя газета *Ce Soir* или официальный орган партии *L'Humanité*. Коммунисты с их прочными связями с Советским Союзом, неприятием принципов парламентской демократии и поддержкой алжирской независимости дестабилизировали политическую ситуацию.

Но и на правом фланге имелись мощные антидемократические силы, многие сторонники которых одобряли насильственные меры в ответ на коммунистическую угрозу. Поддержка правых резко выросла в 1956 году на фоне Алжирской войны. Два года спустя они попытались совершить государственный переворот, нанеся тем самым смертельный удар Четвертой республике. С 1944 по 1958 год страной управляли двадцать четыре правительства, большая часть которых не продержалась и года. Вечно противостоящие друг другу коммунисты и националисты выступали тем не менее за государственное вмешательство в экономику и соглашались с необходимостью массового жилищного строительства. В итоге, несмотря на частую смену правящей партии и министров строительства, правительственная политика в области жилья оставалась весьма последовательной. И политическая элита, и широкие слои населения в большинстве своем глубоко сопереживали бездомным и обитателям трущоб.

Этот настрой, который часто объясняют коллективным опытом сопротивления оккупантам, и лежал в основе энергич-

ной реакции общества на призыв аббата Пьера. Впрочем, судя по всему, этот же настрой отлично уживался с широко распространенной неприязнью к мигрантам, которые составляли все большую долю трущобных жителей. Никакие призывы к социальной солидарности не подразумевали равных возможностей и для этих людей; по радио не звучало речей в поддержку их интеграции во французское общество. Все более заметное присутствие мигрантов в городах страны контрастировало с практически полным отсутствием упоминания о них в публичном дискурсе на всем протяжении 1950-х и 1960-х годов. Освещение проблемы сводилось к жалостливым репортажам о трудной судьбе иностранных рабочих да редким обличениям расизма, с которым они сталкивались на рабочих местах или на рынке жилья¹⁸. Иммиграция как таковая стала темой политических споров с началом экономического кризиса 1970-х годов, и только к концу десятилетия в дискуссии появляются упоминания окраинных жилых массивов. Причина очевидна: в 1960-е высотные дома, хоть и являлись уже объектами суровой критики, были престижным и относительно дорогим жильем. Иммигранты часто работали на их строительстве, но редко могли себе позволить там жить.

В послевоенный период работу во французских городах искали выходцы из многих стран. В первые годы они приезжали главным образом из Италии и Испании. Политика открытых дверей, отвечавшая нуждам быстро растущей экономики, способствовала этому. Приток иммигрантов не прекращался на протяжении нескольких десятилетий. В 1982 году 3,7 миллиона из 54 миллионов жителей Франции были рождены за границей — сегодня мигрантское происхождение имеет 20–25% населения страны¹⁹. Когда в конце 1950-х резко накалилась ситуация в Алжире, беженцы оттуда хлынули во Францию. Точные цифры неизвестны, но перепись 1954 года упоминает о примерно 30 000 из них в Париже и 46 000 в пригородах — это еще не очень значительная доля тогдашнего населения парижского региона (5,5 миллиона человек)²⁰. Большинство мигрантов жили в очень трудных условиях, часто становились жертвами расизма и ксенофобии. Государство развернуло программу строительства общежитий, напоминающих солдатские казармы, однако спрос на них сильно превышал предложение. В 1962 году

каждый четвертый, а в 1965-м каждый второй иммигрант оказывался в итоге в бидонвиле. К этому времени примерно 80% жителей трущоб в парижском регионе были иностранцами²¹.

Подобное напряжение между коренным населением и новыми иммигрантами можно было наблюдать в 1960-е годы во многих странах Северной Европы, но ситуация во Франции оказалась особенно трудной. Во-первых, сказывались острота жилищного кризиса и широкая распространенность трущоб. Во вторых, основной причиной роста иммиграции стала Алжирская война (1954–1962), которая в 1958 году привела к падению просуществовавшей всего четырнадцать лет Четвертой республики и поставила Францию на грань военной диктатуры. С начала войны французское общество раздирали споры не только о независимости Алжира, но и о том, как относиться к очень высокому уровню насилия в этом конфликте. С одной стороны, алжирские террористические группы атаковали не только французскую полицию, но и алжирцев с иными политическими убеждениями. С другой, регулярно поступали сообщения о полицейских преступлениях и исчезновении взятых в плен сторонников независимости. Террор и пытки применяли обе стороны. Французские войска обстреливали алжирские деревни, казнили или сгоняли с мест мирных жителей. В ходе партизанских акций устрашения или мести регулярно гибли поселенцы французского происхождения и верные правительству алжирские военные. В конце концов, 1,4 миллиона человек — примерно 3% тогдашнего населения Франции — были вынуждены бежать из Алжира в страну, которая, по их мнению, не смогла защитить их имущество и личную безопасность.

Социально-экономические последствия войны также оказались чудовищными. Число жертв только среди непосредственных участников вооруженного конфликта оценивалось в более чем 140 000 человек. Политическая культура страны лежала в руинах; от свойственного французам восприятия себя как великой нации не осталось и следа. В Алжире Франция столкнулась с поражением даже после того, как приложила все силы, чтобы его избежать. Европейская колыбель прав человека, страна, которая на протяжении двух десятилетий гордилась своей ролью в сопротивлении нацистской Германии, оказалась сама запятнана военными преступлениями. Чтобы вытеснить

эти неприятные воспоминания, годились все методы. Жертвой глубочайшего комплекса неполноценности, охватившего все общество, становился во Франции каждый новый иммигрант — вне зависимости от того, был ли его приезд непосредственно связан с Алжирской войной.

Это сказывалось и на юридическом статусе приезжих. Даже в самый разгар войны Франция настаивала, что Алжир не колония, как, скажем, Западная Африка, а неотъемлемая часть метрополии. В то же время государство не воспринимало алжирских иммигрантов как французских граждан и лишало их возможности участвовать в политической жизни. Будучи обладателями французских удостоверений личности, в теории алжирцы обладали многими из тех гражданских прав, за которые когда-то боролись мыслители Просвещения, но на практике они попадали в социальный вакуум, подвергались внесудебным арестам и оказывались жертвами полицейского насилия.

Последствия этой ситуации можно до сих пор наблюдать в парижском регионе, где доступ иммигрантов в «город как таковой» оказался надежно заблокирован задолго до начала строительства высотного жилья. Административная и архитектурная пропасть, разделяющая город и прилегающие к нему пригороды, отражает этот конфликт между демократическими свободами и авторитарным контролем. Кроме того, она служит напоминанием о беспорядках 1961 года, в ходе которых погибло больше мирных жителей, чем когда-либо еще в послевоенной Франции. В том году фактическая сегрегация алжирцев в бедных кварталах за пределами административной границы Парижа стала юридической: после череды террористических атак на полицейских префект полиции Парижа Морис Папон установил специальный комендантский час для «французских мусульман из Алжира». Французы иного этнического происхождения лишились доступа к вечерним развлечениям на Больших бульварах. Протесты против этой меры достигли пика вечером 17 октября 1961 года, когда десятки тысяч из примерно 150 000 живших на тот момент в парижском регионе алжирцев последовали призыву Фронта национального освобождения и прошли мирным маршем по центральным улицам. Сначала полиция пыталась блокировать пути в город и выходы из метро, чтобы не допустить демонстрации, а когда это не

получилось, открыла огонь по толпе. На протяжении последующих десятилетий власти преуменьшали масштаб этого события, так что современные оценки числа жертв варьируют от 40 до 200 человек²². Резня 1961 года стала не просто мрачной вершиной в долгой и кровавой борьбе между французами и алжирцами. Она также в очередной раз продемонстрировала, что традиция городского планирования, восходящая к реформам барона Османа, одновременно формирует пространство демократических дебатов и обеспечивает оперативный простор для государственных репрессий. Именно эта традиция и создала условия для сооружения стены массовой жилой застройки вокруг Парижа.

Строительство бетонной стены

Важнейшая общественная задача обеспечить жильем бедные слои населения соединила в себе векторы социальной поддержки и сегрегации. 1953 и 1954 годы — отправная точка

французского строительного бума. Ввод жилья непрерывно нарастал на протяжении 1950-х и 1960-х годов, так что к 1973 году в отрасль шло уже более четверти всех государственных инвестиций²³. Это было одним из приоритетов для Пьера Курана, в 1953 году сменившего Эжена Клодюза-Пети на посту министра реконструкции и градостроительства. В соответствии с «планом Курана» рост объемов строительства жилья должны были стимулировать дополнительные бюджетные средства и облегченная процедура принудительного изъятия земельных участков для государственных нужд. План предусматривал принятие ряда дополнительных законодательных мер, упрощающих строительство жилых массивов. За двадцать лет с момента принятия плана во Франции, по современным оценкам, было построено около шести миллионов новых жилищ²⁴.

В начале 1950-х государство стало поощрять внедрение промышленных методов в строительстве. Одним из способов рационализации было использование подъемных кранов, которые двигались по проложенным перед зданием рельсам. Сборка из готовых конструкций сыграла особенно важную роль между 1954 и 1963 годами, то есть на первом этапе программы круп-

номасштабного жилого строительства, когда по всей стране использовались детали, произведенные на строительных комбинатах. Позднее на смену этой технологии пришло изготовление конструкций прямо на стройплощадке²⁵.

Методы застройки периферии Парижа напоминали колониальные. Парижское региональное управление муниципального жилья обеспечивало руководство и финансирование, а мэрии пригородов были обязаны предоставлять земельные участки. Указ 1958 года, который оставался в силе до 1967-го, предусматривал создание «зон приоритетной урбанизации» — практически всегда это были территории на окраинах крупных городов. Большинство из них было сосредоточено в парижском регионе, что в итоге привело к сооружению вокруг столицы бетонной стены на 800 000 квартир²⁶. Больше всего жилых высоток строилось в северном и северо-восточном департаментах Сен-Сен-Дени и Валь-де-Марн, но некоторые возводились и к западу и к югу от Парижа. Хотя там по-прежнему встречались разные типы застройки, включая дорогие дома на одну семью на западных окраинах города, в общественном сознании типичный пригород все больше ассоциировался с массовым жильем. Архитектурная среда этих новостроек стала зримым воплощением двойственности, которую Ле Корбюзье предвидел уже в Афинской хартии: «Пригород — символ расточительства и в то же время эксперимента»²⁷. Высотные районы, оказавшиеся в полной изоляции от известной на весь мир городской ткани Парижа XIX века, не просто обладали архитектурным своеобразием, но и породили особую местную идентичность, основанную на этой отдельности. Их обитатели были не парижанами, гордыми гражданами французской столицы, но «всего лишь» жителями городской периферии.

Одним из первых пригородов, где появились жилые массивы, был Сарсель, расположенный в долине Уазы в десяти километрах к северу от границы Парижа. Между 1955 и 1970 годами там было введено в строй жилья на 40 000 человек, главным образом многоквартирных высоток, спроектированных Роже Буало и Жаком-Анри Лабурдеттом. В конце концов их обитатели стали составлять 65% населения муниципалитета. Зажатые между железной дорогой и скоростным шоссе районы состояли в основном из длинных многоподъездных коробок,

3.2 Сарсель. Много-
квартирное здание на
авеню Фредерик-Жо-
лио-Кюри, архитек-
торы Роже Буало
и Жак-Анри Лабу-
ретт, 1955–1970

расположенных вдоль ортогональной сетки внутриквартальных проездов. Задачей всего проекта было создать целостный самодостаточный город с торговыми центрами, офисными зданиями, кинотеатром, дискотекой, центром молодежного досуга и полицейским участком. Архитектурные критики хвалили

его за просторные парковки и отмечали тщательно продуманную систему разделения автомобильных и пешеходных маршрутов²⁸.

Другим знаменитым примером стал Сите де Катр-Миль (1956–1957, Клеман Тамбуте и Анри Делакура) в Курневе, северном пригороде Парижа. Это была в буквальном смысле застройка на аутсорсинге: район сооружался и долгое время управлялся столичной мэрией. Только в 1984 году он был передан муниципалитету Курнева, на чьей территории находился. Не слишком вдохновляющее название (дословно — «город четырех тысяч») объясняется тем, что по первоначальному плану здесь должно было появиться ровно 4000 квартир нескольких строго определенных типов в повторяющихся 15-этажных зданиях длиной в 150 метров каждое, которые, по выражению критика, располагались как «батальоны на плац-параде военного училища»²⁹. К 1970 году здесь жили 17000 человек. Сите де Катр-Миль, показанный Жаном-Люком Годаром в фильме 1967 года «Две или три вещи, которые я знаю о ней», очень скоро пришел в упадок: запущенные здания, постоянно сломанные лифты и зловонные лестничные клетки. В 1986 году власти приняли решение снести 300-квартирный корпус «Дебюсси», который находился в наихудшем состоянии.

В Клиши-су-Буа, расположенном к северо-востоку от Парижа, в конце 1950-х было решено разместить в новостройках около 10000 человек, таким образом утроив население городка. Проект комплекса (градостроительное решение — Жан Себаг, архитектура — Бернар Церфусс и другие), первые квартиры в котором были сданы в 1965 году, основывался на принципах «пространства, света и природы». Многоподъездные дома в пять и одиннадцать этажей были расположены вокруг перекрестков трех важных автомобильных дорог. Клиши-су-Буа попал в заголовки главных мировых СМИ в октябре 2005 года, когда гибель от удара током двух местных подростков, которых преследовала полиция, послужила толчком к крупнейшим волнениям во французских пригородах. Сейчас там обсуждается снос значительной части многоквартирных зданий.

Французские политики и архитектурные критики приветствовали первые многоквартирные дома в очень высокопарных

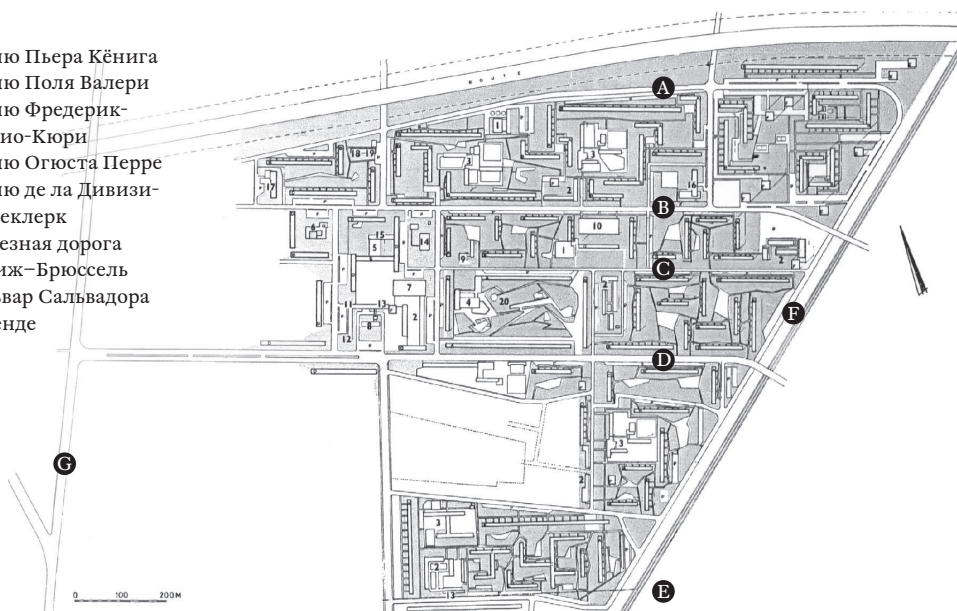
выражениях. Города в целом прославлялись как великое достижение нации, свидетельствующее о высочайшем уровне французской культу-

ры, а их расширение за счет бетонных башен и коробок — как начинание эпохальной важности. К примеру, социалист Эжен Клодюз-Пети, занимавший на тот момент пост министра реконструкции и градостроительства, пустился во все тяжкие, призвав Архитектуру (с большой буквы А) «защитить нашу цивилизацию», которая, по его словам, «нуждается в защите не только время от времени на полях сражений, но и день за днем в наших городах»³⁰. Пьер Судро, его преемник из стана либералов, напоминал архитекторам, что французские города суть «свидетельство гениальности и жизненной энергии многих поколений»³¹, а Жерар Дюпон, советник того же министерства, объявил новостройки «предпосылкой прогресса всего человечества»³². Со всех сторон раздавались самые смелые прогнозы. Архитектурный критик Александр Персиц, главный редактор

3.3 Сарсель. Много-
квартирное здание на
рю Петер Рубенс, ар-
хитекторы Роже Буа-
ло и Жак-Анри Лабу-
ретт, 1955–1970

3.4 (с. 81) Генераль-
ный план высотной
застройки Сарселя,
разработанный Роже
Буало и Жаком-Анри
Лабурдеттом, 1955–1970

- А Авеню Пьера Кёнига
- В Авеню Поля Валери
- С Авеню Фредерик-Жолио-Кюри
- Д Авеню Огюста Перре
- Е Авеню де ла Дивизион-Леклерк
- Ж Железная дорога Париж-Брюссель
- Г Бульвар Сальвадора Альенде

1 — Тепловая станция	7 — Супермаркет	12 — Почта	17 — Больница
2 — Торговые центры	8 — Муниципалитет	13 — Дома культуры	18 — Полиция
3 — Школа	9 — Офисы	14 — Приходской центр	19 — Пожарная служба
4 — Танцевальный зал	10 — Автосервис	15 — Клуб	20 — Центральный парк
5 — Кинотеатр	11 — Налоговая инспекция	16 — Молодежный центр	
6 — Дворец культуры			

журнала *L'Architecture d'aujourd'hui*, провозгласил конец эпохи традиционных городов, заявив, что «улица как таковая осталась в прошлом»³³. Ежедневная газета *La Croix* радовалась «рождению новой цивилизации»³⁴. Пафос всего предприятия подчеркивали постоянные призывы отвергнуть заурядное строительство в пользу высокой архитектуры³⁵.

Авторами проектов становились самые знаменитые архитекторы Франции того времени. Многие из них — к примеру, Эжен Бодуан (1928), Шарль-Густав Стоскопф (1939), Робер Камело (1933), Бернар Церфусс (1939) и Ксавье Арсен-Анри (1950) — были лауреатами Римской премии, которую Школа изящных искусств присуждала раз в год одному или двум архитекторам на всю Францию. Некоторые, как Бодуан или Церфусс, позже были назначены пожизненными членами Академии изящных искусств — это самая большая почать, доступная французскому архитектору. Благодаря такому высокому статусу авторов получить квартиру в одном из пригородных жилых массивов считалось честью. Нанимателями там становились не беднейшие из бедных, а как раз сравни-

3.5 Панельные здания конца 1950-х годов на улице Шеман-де-Пост в Клиши-су-Буа. Архитектор Бернар Церфусс, градостроительное решение Жана Себага

тельно привилегированные представители рабочего класса. Под стать энтузиазму широкой публики было и в целом одобрительное отношение архитектурного мира. В 1953 году крупнейший архитектурный журнал Франции *L'Architecture d'aujourd'hui* опубликовал безоговорочно хвалебную статью, которая воспевала начатые в том году крупномасштабные проекты массовой жилой застройки в парижском регионе, Гавре, Сен-Этьене и других городах³⁶. Башни и коробки не просто означали смелую попытку преодолеть жилищный кризис — страна верила, что они образуют среду обитания, пригодную для достойной жизни и способствующую утверждению общественных ценностей.

Сарселит:
заболевание
массовым
жильем

Спустя всего несколько лет картина была уже совсем иной. В 1962 году возник и сразу же получил широкое распространение неологизм «сарселит», то есть «заболевание массовым жильем». В список симптомов новой патологии, названной в честь пригорода Сарсель, попали все проблемы, предположительно испытываемые жителями районов массовой застройки — от клаустрофобии до разрушения социальных связей³⁷. Сарсель отныне воспринимался как смертный грех современной архитектуры. Либеральная газета *L'Aurore* называла его новостройки «фабрикой хулиганов и школой насилия», «одним из худших бедствий, когда-либо придуманных нашим обществом»³⁸. Писательница Кристиана Рошфор шоки-

3.6 Комплекс Сите де Катр-Миль (1956–1957) в Курневе. Архитекторы Клеман Тамбуре и Анри Делакура

ронала нацию бестселлером «Внуки века» — вымышленной историей девушки из рабочего класса, которая получает квартиру в Сарселе и на деньги налогоплательщиков начинает вести там однообразную жизнь, полную скуки и презрения к общественным нормам³⁹. На типовых кварталах в Сарселе

и других пригородах отныне лежало клеймо «депрессивных ландшафтов из бетонных коробок, расставленных на фоне пустырей»⁴⁰; их все чаще называли «кроличьими клетками», «казармами для гражданских», «курытниками», «городами термитов» или «городами-гетто»⁴¹. Встречается и еще один специфический образ: Сарсель как вселенная, напоминающая концентрационный лагерь⁴². За двадцать лет до того такой нагруженный смыслами эпитет применяли лишь к перенаселенным доходным домам начала XX века в самых ближних к Парижу пригородах⁴³ — совсем иному типу городской среды. Наблюдатели обличали трущобизацию районов, которые всего несколько лет назад строились для жителей снесенных трущоб⁴⁴. Восприятие Сарселя и других массивов высотного жилья во все более мрачных тонах было показателем всеобщего разочарования в посулах модернизма. В начале 1960-х стало понятно, что никакая новая городская цивилизация в ближайшее время не возникнет. С утопией света, воздуха и зелени надлежало распрощаться, как и с надеждой на полное социальное равенство — будь то бесклассовое общество, к которому стремились социалисты, или достижение гордой французской нации, о чем мечтали центристы и правые.

Как же произошел такой резкий разворот в общественном мнении? Первые критические высказывания прозвучали весной 1959 года, на самом пике Алжирской войны, когда несколько ведущих психиатров и социологов начали говорить о «новом общественном зле, бесконечно более пугающем, чем трущобы»⁴⁵. Их предостережения вызвали большую дискуссию в печати, появились самокритичные выступления архитекторов⁴⁶. Бюрократы от строительства теперь ругали проекты, одобренные их же учреждениями всего несколько лет назад. В тоне никто не стеснялся. Министр строительства Пьер Судро, к примеру, говорил о новостройках, что они «до неузнаваемости уродуют те земли, где расположены», и предупреждал, что такие «ошибки» непростительны, поскольку «их последствия будут ощущаться на протяжении нескольких поколений»⁴⁷. «Быть может, власти всего лишь изменили масштаб проблемы, отказавшись от маленькой лачуги ради огромного барака?» — саркастически вопрошал он⁴⁸. Другие переживали из-за технических неисправностей, автомобильных

пробок и эрозии почв. Критиков не устраивал и недостаток досуговых учреждений, а если смотреть шире — отсутствие социальной сплоченности, достичь которой было целью строительства жилых башен. Короче говоря, не прошло и пяти лет после решительно провозглашенного зарождения новой цивилизации, как речь зашла о том, что вместо нее на пустом месте построены готовые трущобы.

К хору негодования присоединились даже некоторые архитекторы. Эжен Бодуан, автор нескольких жилых массивов и президент влиятельного Французского общества градостроителей, отметил в 1959 году, что просто обеспечить людей солнцем, воздухом и зеленью недостаточно для того, чтобы сделать их счастливыми. Осудил он и имевшиеся во многих проектах бесконечные повторы, поскольку они ведут к «моральной усталости»⁴⁹. К 1960 году даже *L'Architecture d'aujourd'hui* открыл огонь по своим бывшим кумирам. Журнал, прежде бывший выразителем мнений архитектурного истеблишмента и неизменным пропагандистом высотного жилья, целый номер посвятил его разгромной критике⁵⁰. Два года спустя тот же журнал опубликовал «Музей ошибок» — черный список проектов, которые, по мнению авторов, «необратимо уродуют города, где они построены»⁵¹. Среди «архитектурных катастроф» значился, к примеру, и расположенный в Аржантее комплекс Сите Жолио-Кюри, построенный по проекту членов редколлегии журнала Марселя Лодса, Жана де Майи и Бернара Церфусса.

Эти ранние претензии сводились, с одной стороны, к формальным недостаткам типа монотонности зданий чрезмерной величины или неудобства маленьких квартир с плохой шумоизоляцией, а с другой — к градостроительным ошибкам, таким как недостаток учреждений социального обслуживания, географическая оторванность или отсутствие общественного транспорта. Александр Персиц из *L'Architecture d'aujourd'hui* считал плохие отношения между соседями следствием чрезмерного числа квартир на лестничной площадке и отсутствия мест для проведения досуга. Он также переживал, что у жителей многоэтажек нет контакта с природой — а ведь это одно из ключевых обещаний модернистской концепции башен посреди парка⁵². Социолог Поль Анри Шомбар

де Лов конкретизировал эту критику, описав стремление человека иметь, упорядочивать и обустроить собственное жилое пространство, а также устанавливать социальные связи с внешним миром. Негибкость централизованно распланированной среды обитания, а также ее изолированность уже тогда воспринимались как фундаментальные недостатки⁵³. В похожем ключе к дискуссии присоединился и Анри Лефевр, в то время один из ведущих французских социологов и теоретик городского пространства как социального конструкта. Он осуждал отсутствие в построенных массивах «игрового элемента» и призывал к решительному сопротивлению: «Борьба с апатией только начинается»⁵⁴.

Как и в соседней Германии, во Франции общественное мнение переключилось с поддержки высотного жилья на его осуждение за удивительно короткий промежуток времени. Но если в Германии настроения изменились во время студенческих волнений 1968–1970 годов, то во Франции недовольство стало очевидным на десять лет раньше, между 1958 и 1962 го-

3.7 Сите де Катр-Миль (1956–1957) в Курневе к северу от Парижа. Архитекторы Клеман Тамбуте и Анри Делакруа

дами. Во Франции критика в меньшей степени касалась навязывания планировочных решений сверху и в основном затрагивала формальные, эстетические и технические недостатки. Медицинская образность (обороты вроде «пригородный невроз»⁵⁵) подчеркивала восприятие жилых высоток как источника недуга и заразы (в Германии схожую риторику — «раковая опухоль», «больное тело города» — использовали, когда предлагали массовую застройку как альтернативу доходным домам XIX века⁵⁶). Это отчасти вторило первоначальным положениям теории градостроительства: в середине XIX века условия жизни рабочего класса рассматривались в первую очередь с точки зрения санитарии. Также стало очевидно, до какой степени французские наблюдатели находились в плену у традиции радикального обновления городской ткани, практические последствия которой они критиковали.

Совершен-
ствовать
массовую
застройку?

Последующие годы отмечены противоречием: критика не оставляла от многоквартирных зданий камня на камне, а строили их в невиданных прежде объемах. Государственное вмешательство в вопросы жилья было сильнее,

чем когда-либо, централизованность городского планирования не подвергалась никаким сомнениям. Госучреждения и общественные организации собирали многочисленные комиссии, которые пытались нащупать существо проблемы. В отличие от немецких критиков следующего десятилетия, французы в начале 1960-х еще твердо верили, что недостатки первых комплексов массовой застройки в принципе исправимы — надо только научиться «лучше» их планировать⁵⁷. Их уверенность подкреплялась тем, что не за всеми районами массового жилья в стране закрепились негативные, как за Сарселем или Курневом, коннотации: репутация тулузского Мирая (архитекторы Жорж Кандилис, Алекс Йосич и Шадрач Вудс) или домов на набережной в Туре была гораздо лучше⁵⁸. Таким образом, политики, журналисты и архитекторы были настроены скорее оптимистично и критиковали не сами методы, а первые результаты их применения⁵⁹. Их доверие к научному подходу в городском планировании не пошатнулось, как и уверенность в преимуще-

ствах крупномасштабного строительства, во всяком случае, если вести его с «чрезвычайной осторожностью»⁶⁰. Так, на протяжении долгого времени сами принципы градостроительства оставались неизменными.

Сразу после технологических недостатков в списке претензий к массовой застройке шли эстетические. В 1963 году правительство запустило программу систематической фотофиксации тех зданий, улиц и площадей, которые воспринимались как недостаточно красивые⁶¹. Ее задачей было сформулировать универсальные правила организации качественной жизни во французских городах. Продуктом примерно такого же подхода была и появившаяся в 1958 году таблица Дюпона, названная в честь поборника «прогресса всего человечества» Жерара Дюпона, советника в Министерстве строительства. Таблица должна была усовершенствовать путем тщательных расчетов и без того тщательно просчитанные жилые башни. В ней описан стандартный городской житель — воображаемый господин Горожанин: ему с семейством необходимо 16 квадратных метров жилой площади, 5 квадратных метров магазинов, 3 квадратных метра бытовых и культурных заведений, 2 квадратных метра государственных учреждений и молитвенных залов, 28 квадратных метров на транспортное движение и парковку, 46 квадратных метров на спорт и отдых и 72 квадратных метра зеленых насаждений⁶².

Таблица Дюпона с ее господином Горожанином была особенно нелепой попыткой усовершенствовать созданную технократами жилую среду технократическими методами. Обычно такие затеи сопровождались разговорами о «человеческом измерении». К примеру, обладатель Римской премии Ксавье Арсен-Анри, строивший массовое жилье в Монтро-Фот-Йонне, в 1960 году выдвинул идею «гуманного урбанизма» и настаивал, что она вытекает из положений Афинской хартии⁶³. Министр строительства Пьер Судро видел свою задачу в том, чтобы «подчинить технологию людям»⁶⁴ и «строить, соблюдая человеческий масштаб»⁶⁵, — а в итоге все закончилось политическим решением внести небольшие изменения в архитектуру массовой застройки. Даже жадный до цифр бюрократ Жерар Дюпон признавал, что соблюдения технических критериев при планировании квартир, школ и парков недостаточно

и самой важной задачей является «создание сообщества жителей»⁶⁶. Туманное выражение «человеческий масштаб» стало страшно модным во всех средствах массовой информации⁶⁷. Оно описывало любые реальные или воображаемые недостатки традиционного города: и шестиполосную магистраль, которая обеспечивает свободу индивидуального передвижения, и стоящую среди асфальта и зелени двадцатипятиэтажную башню, которая удовлетворяет нужду горожанина в солнце и воздухе.

Самым поразительным было желание «улучшить» жилые комплексы-переростки путем осуществления еще более крупных и дерзких проектов. Критики непрерывно сетовали на то, что существующие районы не в полной мере соответствуют принципам современного градостроительства. В 1962 году основатель *L'Architecture d'aujourd'hui* Андре Блок, которому в то время было под семьдесят, обратился к доводам, при помощи которых архитекторы-модернисты громили традиционный город еще два десятилетия назад, и осудил «градостроительный хаос» комплексов массовой застройки вокруг Парижа⁶⁸. Свой анализ Блок основывал на аэрофото съемке, одном из самых любимых модернистами достижений современной техники. Призывы Блока к смелости и размаху пугающе напоминали лозунги, которыми Ле Корбюзье и его ученики бичевали прежние города в 1920-е годы. Группа уважаемых архитекторов (многие из которых проектировали районы массового жилья) предложила отказаться от строительства дополнительных городов-спутников и вместо этого соорудить «параллельный Париж» — совершенно новый город на 400 000 жителей в 40 километрах к западу от французской столицы⁶⁹. Марсель Лодс, один из проектировщиков довоенного жилого комплекса Ла Мюетт, признавал «часто негативную реакцию публики» и объяснял ее шумом и недостатком парковочных мест в комплексе. По его новым представлениям, обе эти проблемы можно решить, если перекрыть весь участок вокруг высоток вторым уровнем, предназначенным исключительно для пешеходов: машины ездят и паркуются в крытых тоннелях на уровне земли, а люди гуляют наверху по искусственному ландшафту⁷⁰.

На протяжении 1960-х годов строительство комплексов массового жилья ускорялось, даже несмотря на то что

местные власти все упорнее сопротивлялись новым проектам на своей территории. Около 1965 года Франция преодолела показательный рубеж: за год было построено более 400 000 квартир⁷¹. Менялись только каналы финансирования. На первом этапе основная часть вложений прямо или косвенно поступала из государственного бюджета. С 1963 года частные инвестиции — разумеется, поддержанные законодательными мерами и государственными субсидиями, — вышли на первое место, а бюджетные средства направлялись теперь в основном на строительство жилья для самых бедных слоев. Такая гибкость стала возможной благодаря принятым в 1967 году поправкам в закон о зонах приоритетной урбанизации⁷², задачей которых было вовлечь в процесс планирования больше разнородных сил, включая частный бизнес и общественные организации.

Эпоха французских жилых массивов официально подошла к концу в 1973 году — как раз в это время экономика страны начала ощущать последствия нефтяного кризиса. Федеральное правительство США прекратило поддержку крупных проектов строительства муниципального жилья примерно тогда же. Ключевым документом во Франции стал так называемый циркуляр Гишара, подготовленный министром территориального планирования Оливье Гишаром. В нем вводился запрет на бюджетные субсидии в сооружение крупномасштабных жилых комплексов. Циркуляр также накладывал ограничения на максимальное число квартир в любом новом проекте: в городах с населением более 50 000 человек их не должно было быть больше 2000, а в остальных — не больше 1000. Отстаивая это решение в Национальном собрании, Гишар ссылаясь на выдвинутую Анри Лефевром идею «права на город» и открыто провозглашал задачей своего циркуляра борьбу с «социальной сегрегацией посредством распределения жилья». С этого момента государственная политика была направлена на поддержку небольших проектов строительства домов на одну семью⁷³. После десятилетий всеобщего энтузиазма и нескольких лет нарастающей критики решающий удар концепции массовой застройки на государственные деньги нанес экономический кризис. К этому моменту, однако, структура французских городов изменилась уже необратимо.

Жилой комплекс Ла Мюетт: массовое жилье и массовые убийства

Первый пример напряжения между векторами интеграции и сегрегации дает самый ранний жилой массив во Франции. Район муниципального жилья Ла Мюетт (построен в 1931–1934 годах, частично снесен в 1976-м, архитекторы Марсель Лодс и Эжен Бодуан) в восточном пригороде Парижа Дранси в восприятии современников оказался связан как с мечтой о массовом жилье, так и с кошмаром массовых убийств. В 1942 году немцы переоборудовали часть пустующих зданий в концентрационный лагерь, который работал до 1944-го. Около 76 000 человек, в основном евреев, содержались здесь перед отправкой в лагеря смерти⁷⁴. Жуткая параллель между поставленным на индустриальные рельсы строительством и поставленным на индустриальные рельсы убийством заставляет вспомнить и о связи между модерностью и Холокостом, проанализированной в знаменитых трудах родившегося в Польше британского социолога Зигмунта Баумана⁷⁵.

Расположение нацистского лагеря именно в Ла Мюетт было случайным, но модернистская архитектура комплекса этому соответствовала: масштаб и планировка огромного, поставленного покоем пятиэтажного здания «большого двора» подходили для тюремного содержания большого числа людей. «Большой двор» замыкал ансамбль с запада, а восточнее располагались пять одинаковых групп зданий, вместе называемых «гребнями». Пять шестнадцатиэтажных башен и десять четырехэтажных многоподъездных коробок соединялись друг с другом, образуя длинные узкие дворы, напоминающие зубцы гребня. В башнях были студии и двухкомнатные квартиры, а в коробках — двух- и трехкомнатные квартиры. «Большой двор» включал в себя квартиры, магазины и общественные пространства. Ансамбль завершали школа и спортивные площадки⁷⁶. Региональное управление жилья, заказчик комплекса, ставило перед архитекторами задачу построить город-сад для небогатых квартиросъемщиков.

В Ла Мюетт были предвосхищены основные характеристики будущих крупных жилых массивов. Проект, по мысли авторов, основывался на принципах рационального дизайна; все планировочные решения принимались строго централизован-

3.8 Комплекс муниципального жилья Ла Мюетт в восточном пригороде Парижа Дранси, построенный в 1931–1934 годах и частично снесенный в 1976-м. Архитекторы Марсель Лодс и Эжен Бодуан

но. Не предусматривалось никакого участия в проектировании не только будущих жильцов, но и муниципалитета Дранси, на территории которого сооружался комплекс⁷⁷. В строительстве последовательно использовались готовые конструкции. Произведенные фабричным методом бетонные детали, соответствующие стенам, дверям или оконным проемам, закреплялись на стальном каркасе, для сборки которого не требовались подъемные краны⁷⁸.

Очень быстро этот район стали считать образцовым⁷⁹. Абсолютное большинство наблюдателей позитивно оценивали высокий уровень технологической эффективности и новаторства, использование готовых деталей и рациональную организацию труда. Всем нравилось, что в новых домах предусмотрены газовые и электрические водонагреватели, а также «дорогие сердцу каждого французского домовладельца» детали: балконы, помещения для сушки белья, проветриваемые шкафчики для продуктов и оконные жалюзи⁸⁰. Особую похвалу в 1930-е годы заслужил научно просчитанный план района — его здания были расположены так, чтобы тень одного никогда не падала на другое⁸¹. В 1936 году архитектурный критик приходит к выводу, что «жизнь здесь не так ограничена, как часто кажется рядом с бедными бараками... в пригородах», и возводит Ла Мюетт в категорию настоящего искусства: «Это не просто постройка, это Архитектура»⁸².

После Второй мировой эти здания пустовали до тех пор, пока в 1973 году французская армия не приобрела их под казармы. Контраст с 1930-ми не мог быть более резким: теперь

Ла Мюетт воспринимался не как воплощение архитектурной мечты, а как памятник жестокости и угнетению. В 1976-м башни и четырехэтажные коробки были снесены. Уцелел лишь «большой двор», он стоит теперь как зловещий предвестник послевоенных домов, которые так часто кажутся своим нищим и ущемленным в правах обитателям местами пожизненного заключения.

Массовое
жилье
и география
социальной
изоляции

К началу 1970-х годов понятие «жилой массив» стало означать место, где никто не хочет жить. В то же время экономический кризис, в который погружалась страна, больше всего бил по обитателям высотных жилых комплексов.

В 1960-х у большинства квартиросъемщиков была постоянная работа, но с началом спада условия жизни стали ухудшаться. Те, кто мог себе это позволить, переехали в другое жилье, так что кварталы типовых многоэтажек превратились в резервации для бедных и безработных. До начала 1960-х там жили чаще всего этнические французы, теперь же преобладали группы, традиционно наиболее ущемленные в вопросах жилья: эмигранты в первом и втором поколении, многие из которых происходили из Северной или Западной Африки.

Начиная с 1970-х годов вопрос иммиграции стал главным в политической жизни Франции. По мере углубления кризиса все большую популярность приобретали правые партии с ксенофобскими или расистскими программами. Влияние экстремистов из Национального фронта особенно резко росло с начала 1980-х: на президентских выборах 2002 года их лидер Жан-Мари Ле Пен получил более 5,5 миллиона голосов. Одновременно возникали общественные организации недавних мигрантов, так что их проблемы привлекали все большее внимание СМИ. В октябре 1983 года из Марселя в Париж отправился Марш североафриканских французов — так французские граждане тунисского, алжирского и марокканского происхождения решили выразить протест против расизма и сегрегации. Спустя два месяца их приветствовала в Париже стотысячная демонстрация поддержки⁸³. В последующие годы на экраны вышло несколько фильмов о жизни мигрантов в условиях

расизма, насилия и нищеты: среди них «Чай в гареме Архимеда» Мехди Шарефа (1985) «Фингал под глазом» Сержа Мейнара (1987) и «Ненависть» Матье Кассовица (1995). Показанные в «Ненависти» шокирующие кадры черно-белой хроники волнений 1995 года стали иллюстрацией дегуманизированного мира внутри французского общества. Постепенно к классовым и этническим добавились предрассудки, связанные с местом проживания. Научные исследования показывают, что для жителя пригорода вероятность быть приглашенным на собеседование по поводу работы куда ниже, чем для парижанина, даже если его зовут Оливье или Жерар, а не Мохаммед или Саид⁸⁴. Можно утверждать, что квартира в доме массовой застройки — серьезное препятствие для повышения общественного статуса во Франции.

Беспорядки начались во Франции относительно поздно — почти через пятнадцать лет после первых похожих волнений в американских комплексах муниципального жилья. Первым был бунт в рабочем пригороде Лиона Вол-ан-Велене в 1979 году. В последующие десятилетия фотографии горящих автомобилей и разъяренных подростков появлялись на первых страницах газет снова и снова и превратились в символ самых насущных социальных проблем страны. В 1983 году бунты охватили комплекс Мингет под Лионом, в 1990-м снова горел Вол-ан-Велен, в 1991-м — Валь-Фурре, в 1993-м — Даммари-ле-Лис (оба — рядом с Парижем) и так далее.

Начиная с 1980-х политики не раз декларировали стремление улучшить ситуацию в районах массового жилья, но никаких существенных изменений не произошло. Состояние инфраструктуры и школьного образования там не соответствует стандартам других районов страны, уровень преступности и подростковых правонарушений остается высоким. Гражданам иностранного происхождения по-прежнему куда сложнее добиться успеха, чем этническим французам. Осознавая всю тяжесть ситуации, французский министр труда, занятости и социального единства Жан-Луи Борлоо решил последовать примеру своих американских коллег. В 2004 году он выдвинул программу сноса наиболее проблемных жилых комплексов в стране — для начала их должно было быть 240⁸⁵. Первый масштабный снос случился еще в 2000-м в промышленном городе

Сен-Этьен: перестало существовать одно из крупнейших в Европе жилых зданий — 20-этажная махина длиной 270 метров, прозванная Великой китайской стеной. По силе символического значения это событие сравнивали со сносом Pruitt-Igoe Хоумз в Сент-Луисе в 1972 году⁸⁶.

Современное отношение французских властей к районам массового жилья двойственно. Во многих странах термин «городское обновление» скомпрометирован разгромом исторических центров городов, а во Франции в 2000 году принят закон «О городских обновлениях и солидарности». С одной стороны, этот документ, результат бурных дебатов 1990-х, поощрял социальную мобильность, смешанное использование территорий и увеличение роли рынка. С другой — предусматривал бюджетное финансирование сносов, на этот раз высотного жилья. Но в целом закон не затрагивал фундаментальный недостаток окраинных жилых массивов — их положение вне общественной динамики остальной части города.

У социальной сегрегации в парижском регионе есть и административный аспект: изоляция ущемленных в правах групп подчеркнута муниципальными границами, которые определяют локальную идентичность жителей. Париж — единственная из европейских столиц, которая не расширяет свою территорию на протяжении уже более полутора веков. К началу XXI века за пределами административных границ города, очерченных в 1860 году, проживало более трех четвертей восьмимиллионного населения столичного региона. Таким образом, все они аборигены окраин, а вовсе не наследующие символический капитал парижане. Центральное положение Парижа, на протяжении столетий определявшее пространственное мышление французов, затмевает в общественной дискуссии и самих обитателей пригородов, и их жилища. Кроме того, отсутствие у них статуса парижанина сплошь и рядом сопровождается отрицанием их статуса французов. Границы муниципалитетов, таким образом, пугающе точно отражают ситуацию многих жителей пригородов, которые не просто лишены равных возможностей, но и не включены в сообщество соотечественников. Как сформулировал во время волнений 2005 года один молодой француз сенегальского происхождения, «проблема в том, что французы не считают меня французом»⁸⁷.

Эта специфика хорошо видна на «обратном» примере Марселя — единственного крупного французского города, который организован по другим принципам. Марсель выделяется из массы других агломераций страны тем, что осенью 2005 года там не было никаких беспорядков⁸⁸. Это тем более удивительно, если учесть чуть ли не самый большой процент выходцев из Северной Африки и с Ближнего Востока в населении города, а также неизменно высокий уровень безработицы. Ориентируясь на прекрасные результаты местных кандидатов от Национального фронта, мы можем также утверждать, что проблемы расизма и маргинализации стоят здесь ничуть не менее остро, чем в других частях Франции. Почему же тогда марсельцы арабского происхождения не вышли на улицы, как это сделали мигранты во втором поколении в Париже, Лионе или Тулузе? В Марселе очень мало районов высотного жилья. Джентрификация не ощущается здесь так сильно, как в Париже. Представители среднего и рабочего классов по-прежнему живут в центре, а богатые строят дома на окраинах или даже в соседних городах вроде Экс-ан-Прованса. Такая пространственная организация позволила Марселю сохранить живыми свои центральные районы, построенные в XVIII и XIX веках. В Париже на обитателях пригородов часто лежит клеймо захватчиков и чужаков с периферии — в Марселе, где городская планировка способствует формированию единой местной идентичности и до некоторой степени стирает границы между классами и этносами, дело обстоит совсем иначе. Даже когда иммигрантов отказываются считать французами, их как минимум признают марсельцами. Это не спасает их от проявлений расизма, но по крайней мере осенью 2005 года этого оказалось достаточно, чтобы уберечь город от беспорядков.

Однако отсутствие модернистской массовой жилой застройки едва ли гарантирует мирное сосуществование социальных слоев — по крайней мере, если мы понимаем жилые массивы в строго архитектурном смысле. Пример Франции показывает обоюдоострый характер патерналистской опеки. На протяжении многих десятилетий здесь было особенно сильно стремление создать гомогенное гражданское общество и в то же самое время наблюдалась особенно суровая изоляция тех, кто оказывался вне его. Сосредоточение иммигран-

тов из Португалии и Алжира в окраинных бидонвилях в 1950-х и 1960-х годах — лишь одна из глав в этой печальной истории социального отчуждения градостроительными методами. Развитие городской инфраструктуры было нацелено на сегрегацию уже в XIX веке, когда осуществленная бароном Османом реконструкция Парижа не только улучшила санитарную ситуацию и подарила городу массу общественных пространств, но и изгнала рабочий класс на задворки и в окраинные районы. Районы массовой застройки стали лишь продолжением этой традиции двойственности. Они помогли преодолеть жилищный кризис и улучшить условия жизни обитателей бидонвильей, в том числе и приезжих, — но социальная пропасть, которую олицетворяли снесенные ради их строительства трущобы, никуда не делась. По мере сооружения многоквартирных высоток бидонвили постепенно отступали в прошлое, но сама география сегрегации оставалась неизменной. Новые жилые массивы точно так же находились «вне Парижа» и тем самым поддерживали — не архитектурной формой, но территориальным расположением — и уже сложившуюся отдельную идентичность ущемленных социальных групп, и их продолжающуюся маргинализацию.

В любом типе городской застройки заложена тем не менее определенная степень семантической гибкости. Так, парижские площади и бульвары, построенные в середине XIX века, на протяжении истории становились ареной самых разных событий и многократно переосмыслились. Они были фоном для Парижской коммуны 1871 года, демонстраций межвоенного периода и студенческих протестов 1968-го. Их воспринимали как пространство демократических переговоров, смешения социальных групп и общегражданской дискуссии, но одновременно связывали с репрессиями и насильственной классовой борьбой. Есть надежда, что однажды подобное произойдет и с жилыми массивами вокруг Парижа — они обретут новый смысл и станут для своих обитателей чем-то совершенно иным.

ГЛАВА 4. ЗАПАДНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ БЕРЛИН: ПАНЕЛЬ *VS* ДОХОДНЫЕ ДОМА

Битвы
из-за домов

Новый жилой район Меркишес Фиртель в Западном Берлине поначалу казался безоговорочным успехом. Как писала в 1966 году газета *Die Welt*, архитекторы отдали дань градостроительной традиции: и широкому бульвару Унтер-ден-линден, и символу Берлина — Бранденбургским воротам; «выразительная композиция» олицетворяет «волю творить искусство», а также «разумную, но не бездушную организацию пространства»¹. В другой статье район называли «символом надежды для архитекторов во многих европейских странах»². Триумф, однако, был недолгим. Спустя всего несколько лет те же самые здания клеймили как «депрессивную массу одинаковых коробок» и «жуткий научно-фантастический фильм, ставший реальностью»³. *Die Welt*, еще в 1966-м хвалившая «красочные жилища будущего»⁴ и «гибкость форм», «прекрасно рифмующихся с очертаниями окружающего пейзажа»⁵, двумя годами позже уже ругала новостройки как «заводы для жилья», изрядно напоминающие «Шталин-алле в Восточном Берлине... и результаты городского обновления в черных кварталах Манхэттена»⁶.

Почти нигде в мире дебаты о массовой застройке не достигали такого накала, как в родном городе Вальтера Гропиуса. Яркий пример здесь — как раз Меркишес Фиртель (1963–1974, архитекторы Вернер Дюттман, Ганс Мюллер, Георг Хайнрихс и другие). Планировочное решение района считалось передовым, корпуса высотой от 10 до 14 этажей вмещали 17000 квартир, где в 2006 году жили около 36000 человек. С начала 1960-х годов крупные жилые массивы строили на окраинах больших городов и в Восточной, и в Западной Германии. Они наследовали традиции муниципального жилья, зародившейся еще в Веймарской

4.1 Берлин

республике, и публика приняла их на ура. Однако к концу десятилетия ситуация резко изменилась.

В социалистической ГДР росла неудовлетворенность государственной политикой, официально критиковать которую было невозможно; в конце концов это привело к изменениям в проектах и существенному снижению масштаба строек. В Западной Германии панельное жилье стало мишенью продолжавшейся несколько лет разгромной кампании в СМИ, наиболее громким был конфликт по поводу Меркишес Фиртель. В целом архитектурная дискуссия о форме, функции и материальном детерминизме вышла далеко за пределы академических и профессиональных кругов. Может ли модернизм обеспечивать прогресс и развитие — споры об этом вели не только участники студенческих волнений 1968 года. В конце 1960-х немцы разных поколений и политических убеждений сформировали удивительную коалицию, чтобы свести счеты с апостолами модернистского градостроительства: подход последних все больше воспринимался как авторитарный. Жилые массивы оказались символическим полем боя, на котором союз радикальных сту-

дентов и буржуазных традиционалистов выступает против элиты — либеральных застройщиков и социал-демократических политиков.

Органичный бетон Комплексы массового жилья с одинаковым энтузиазмом проектировали и в Западной, и в Восточной Германии. Это была эффективная альтернатива неплотно застроенным малоэтажным поселениям первых послевоенных лет, а в ГДР — еще и дорогостоящей неоклассической архитектуре сталинской эпохи. Современники видели в таком жилье воплощение концепции «органичного градостроительства» (сформулированной, например, в одноименном манифесте Ганса Бернхарда Райхова 1948 года⁷. Райхов проектировал Зеннштадт на окраине Билефельда (1956–1965, около 20 000 жителей) — один из первых больших районов многоэтажек в Западной Германии, впоследствии получивший статус отдельного города. По замыслу архитектора, в Зеннштадте должен был быть создан функционально обособленный «городской ландшафт», в основе которого лежат транспортные артерии. В Зеннштадте и других подобных районах Райхов работал над образом города, как бы увиденного с высоты птичьего полета и в плане напоминающего дерево: промышленные зоны — корневая система, автодороги — стволы, ветви и побеги, а жилые кварталы — листья и цветы. «Органичные» изгибы казались ему ответом на угловатую геометрию площадей и бульваров XIX века.

Первые немецкие районы высотной застройки появились в 1960-х годах в Западной Германии. С 1957 по 1962 год в Бремене вырос квартал Нойэ Фар (архитектор Эрнст Май, 25 000 жителей). «Новый город» Хорвайлер (архитекторы Готтфрид Бем и другие, 20 000 жителей) под Кельном начали планировать в 1957-м, а строили на протяжении 1960-х и 1970-х годов⁸. В Гамбурге появились Штайльсхооп (1960, группа архитекторов, 19 000 жителей) и Мюммельсманберг (1970–1980, 19 000 жителей); во Франкфурте — Нордвестштадт (1963–1968, архитекторы Вальтер Швагеншайдт и Тассило Зиттман, 25 000 жителей) и Лимесштадт (1962–1973, архитектор Ганс Бернхард, 10 000 жителей); в Мюнхене — высотный массив Нойперлах (1963–1978,

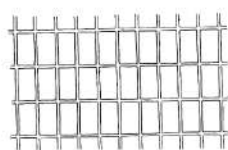

архитекторы Бернт Лаутер и другие, 50 000 жителей). Все они находились на окраинах, но были относительно неплохо связаны с городскими центрами. Одновременно со строительством в Нордвестштадте и Хорвайлере были разработаны планы проведения туда линий пригородных поездов от вокзалов Франкфурта и Кельна, и даже Зеннештадт, изначально рассчитанный на автовладельцев, был интегрирован в систему рельсового общественного транспорта Билефельда. В 1957 году к строительной выставке Интербау в Западном Берлине был закончен квартал Хансафиртель — его разбросанные по просторному парку высотные жилые дома, построенные по индивидуальным проектам, задумывались как образец новой западноберлинской «демократической архитектуры» в противовес неоклассической гигантомании Шталин-аллее в Восточном Берлине.

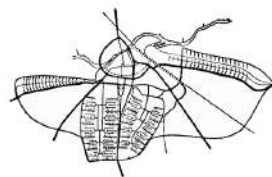
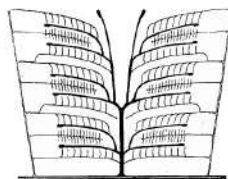
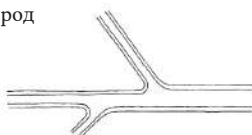
В 1960-е годы символами западноберлинских поисков органичности стали два проекта — упоминавшийся уже Меркишес Фиртель и Гропиусштадт (1962–1975, 50 000 жителей) на

4.2 Район Меркишес Фиртель (1963–1974). Архитектура и градостроительное решение — Вернер Дюттман, Ганс Мюллер, Георг Хайнрихс и другие

Неорганич-
ный город

Органичный
город

Элемент

Район

Город

4.3 Сравнение между «органичным» и «неорганичным» городом из книги Ганса Бернхарда Райхова «Organische Stadtbaukunst»

южной окраине. Автором исходного варианта Гропиусштадта был сам Вальтер Гропиус, но в итоге комплекс построили по модифицированному проекту Вильса Эберта. Оба должны были стать примерами новой жилищной политики властей. Во время 4-й строительной ярмарки Берлинер Баувохен в 1966 году почти 40 000 гостей посетили информационный павильон, который строительная фирма GESOBAU, принадлежащая городу, установила рядом со стройплощадкой Меркишес Фиртель. Журналисты не скупились на комплименты, прославляя образцовый город будущего, в котором исправлены все ошибки прошлого⁹. В Берлине, как и в других крупных немецких городах, большая часть «старых» районов состояла в первую очередь из ненавистных всем пятиэтажных доходных домов конца XIX века, с их фасадами, покрытыми лепниной, и сараями и мастерскими во внутренних дворах. Несмотря на разрушения времен войны, они по-прежнему составляли более двух третей берлинской застройки и были воплощением всех недостатков индустриального развития города¹⁰. Градостроители, архитекторы и простые берлинцы считали их трущобами — архитектурной предпосылкой общественных и психологических проблем¹¹. Богатая лепнина была для них символом политического угнетения и неравенства; в отличие от «эгалитарных» модернистских зданий, эти дома воспринимались как пример классовой архитектуры: для богатых — просторные квартиры в фасадной части, а для рабочих — тесные и узкие вокруг заднего двора. Неприятие доходных домов также под-

4.4 Квартал Нойэ Фар в Бремене (1957–1962). Архитектор Эрнст Май. В верхнем левом углу — жилая высотка Алвара Аалто

4.5 Жилой комплекс Гропиусштадт (1962–1975), планировка Вальтера Гропиуса и Вильса Эберта, здания по проектам различных архитекторов

разумевало и освобождение от груза прошлого: и от истории Германской империи, их построившей, и от истории Третьего рейха, свидетелями взлета и падения которого они стали¹². В конце 1950-х и в 1960-х годах и в Западном, и в Восточном Берлине власти проводили широкомасштабные сносы зданий та-

кого типа, переселяя их жителей в новые высотные комплексы на окраинах.

Утрата популярности Внезапный перелом в отношении к Меркишес Фиртель произошел во время 5-й ярмарки Баувохен в 1968 году. В дополнение к официальной программе там была организована Антибаувохен — выставка молодых архитекторов, предлагавших собственное видение будущего городов. Берлинская мэрия выделила на это мероприятие значительную сумму в 18000 немецких марок (в то время она соответствовала примерно пятнадцатилетней аренде двухкомнатной квартиры) — и получила в ответ безжалостную критику своей строительной политики¹³. Вместо того чтобы демонстрировать собственные проекты, молодые архитекторы возмущались финансируемым из бюджета панельным жильем. В Меркишес Фиртель они видели классический пример гордыни модернизма, соединение отвратительной архитектуры и не продуманного градостроительного решения. Отсутствие детских садов, общественного транспорта и магазинов — которые часто были предусмотрены, но еще не готовы, — они осуждали как фундаментальный недостаток застройки из коробок и башен. Критиковали проект и с эстетической точки зрения: здания слишком большие, между ними слишком много «мертвого» пространства, а типовые формы рождают ощущение монотонности.

Это возмущение с готовностью подхватил уважаемый еженедельный журнал *Der Spiegel*, назвавший Меркишес Фиртель «самым безрадостным произведением бетонной архитектуры». Диагноз звучал убийственно: «Это серый ад!»¹⁴ Пять месяцев спустя журнал посвятил той же теме еще один материал и обложку номера. Измученные обитатели многоквартирных домов со всей Германии наперебой жаловались репортеру: «Я тут как будто в тюрьме», «Умереть можно от этого однообразия» и «Приходя домой по вечерам, я проклиная тот день, когда мы переехали в эти казармы». Жилые комплексы описывались как «монотонные прямоугольные высотные башни», «негостеприимные квадратные горы», «потрепанные жилые кубы» и «безрадостные скопления барачков»¹⁵. Статья в одночасье изменила настрой

в прессе, и Меркишес Фиртель стали описывать в апокалиптических тонах: это и пример «косной одинаковости и бесплодной монотонности», и, «возможно, самый печальный итог как государственной, так и негосударственной строительной деятельности... там безо всякой видимой причины спиваются домохозяйки», это «бетонные кварталы», где «уже с четырех лет дети обречены стать низкоквалифицированными работниками»¹⁶.

Критиковали разные стороны проекта. Качество строительства зачастую невысокое, квартиры относительно невелики; повторы одних и тех же форм бесконечно монотонны, огромный масштаб заставляет жителей чувствовать себя беззащитными¹⁷. Просторные зеленые зоны не выполняют отведенную им роль мест общения и встреч; наоборот, по ночам там довольно опасно гулять. Разрушение структуры прежних кварталов и анонимность жизни в гигантских башнях ведут к отсутствию у людей взаимного доверия и наплевательскому отношению к общественным пространствам. Еще одна проблема — негативный отбор среди жителей. Большинство из них были довольно бедными (более 20% из них получали социальные пособия), а доля местной молодежи, замеченной в криминальном поведении, была примерно на треть выше, чем в соседних районах¹⁸. Конечно, по сравнению с жителями муниципальных комплексов в Чикаго, которые почти все получали социальные пособия, обитатели западноберлинских коробок 1970-х были относительно зажиточными и неплохо интегрированными в общество¹⁹. Однако разрыв между богатыми и бедными в немецких городах был теперь больше, чем десятью годами ранее, и это изменение воспринималось как исключительно важное.

«Убитый
город»

Многие архитекторы Меркишес Фиртель были леваками и считали свою работу лучшим из возможных решений проблемы дефицита жилья для рабочего класса. Все эти нападки оказались для них полной неожиданностью, хотя почва для них готовилась все последнее десятилетие. Особой решительностью среди атакующих выделялся журналист Вольф Йобст Зидлер (1926–2013), которого можно назвать немецкой Джейн Джекобс. В соавторстве с фотографом Элизабет Ниггемайер (р. 1930) Зидлер опубликовал

в 1964 году памфлет «Убитый город», в котором бросил архитекторам-модернистам обвинение в «убийстве старого города»²⁰. Книга, убедительная в первую очередь благодаря визуальному ряду, стала бестселлером. Это была удачная контратака в войне образов, в которой модернизм долгое время имел преимущество, но не был способен одержать окончательную победу. Запечатленные Ниггемайер выразительные сцены — например, дети, играющие в старинных дворах, — контрастировали с безрадостными композициями со знаками «Вход запрещен» и негостеприимными пространствами вокруг многоквартирных башен. Книга зримо противопоставляла лепнину бетону, а разговорчивых посетителей магазинчика на углу — безлюдным парковкам. Зидлер использовал принятое в обществе негативное отношение к доходным домам, строительство которых началось после 1870 года, и обвинял современников в том, что столетие спустя они дали старт «второй эпохе грюндерства», а она приведет не к сооружению перенаселенных домов для рабочего класса, но — что хуже — к разрушению города, удобного для жизни.

Примерно в одно время с Зидлером и Ниггемайер претензии к архитекторам-модернистам сформулировал психолог Александр Митшерлих (1908–1982). Говоря о «негостеприимной среде обитания»²¹, Митшерлих не прибегал к иллюстрациям, но его текст выразителен и сам по себе:

Кубометры нагромождаются на кубометры. Все это выглядит как будка стрелочника, доведенная до чудовищных размеров в ходе селекционного разведения. В позднебуржуазную эпоху, которую по-настоящему волновали городские трущобы, люди часто говорили о кошмаре, воплощенном в камне. В голове не укладывается, что именно такой кошмар стал реальностью семьдесят лет спустя, в обществе, которое называет себя прогрессивным²².

И Зидлер с Ниггемайер, и Митшерлих предвосхитили осуждение Меркишес Фиртель, которое спустя несколько лет станет общим местом. Внешние особенности новых проектов, такие как большие открытые пространства или четкое разнесение функций, подавались как факторы, меняющие экономическую и социальную структуру Берлина: небольшие продуктовые лав-

ки закрываются, контакт с соседями утрачивается, значение расширенной семьи сходит на нет. Кроме того, подобные критические выступления проливали свет на долгосрочную задачу строительной политики городских властей (ее тогда редко обсуждали открыто, но она очевидна из проектной документации того времени²³) избавить город от «отживших» зданий и полностью заменить значительную часть существующей городской ткани.

Нечеткая
партийная
принадлеж-
ность

Критикуя модернистские комплексы массового жилья, журналисты конца 1960-х годов воспроизвели ту же логику материального детерминизма, на которой основывали свои выкладки самые пламенные модернисты, — но только с противоположным знаком. Если некогда коробки и башни воспринимались как инку-

4.6 «Бесчеловечный» модернизм квартала Хансафиртель (слева) противопоставляется «очаровательным» районам конца XIX века (справа). Разворот из памфлета *Die gemordete Stadt* (1964), выпущенного Вольфом Йобстом Зидлером и Элизабет Нигемайер. Знаки слева гласят: «Частная дорога, вход воспрещен» и «Частная детская площадка». Справа — табличка «Площадь дикого вепря»

батыры справедливого общества, то теперь — как рассадники преступности и девиаций. Клеймо «трущоб», которое прежде несли районы старых доходных домов, пристало к Меркишес-Фиртель. Его называли «модернистским задним двором», отсылая тем самым к образу сумрачного заднего двора, характерного для доходных домов прошлого, XIX, века. Появилось даже выражение «типичная натура Цилле» — Генрих Цилле был знаменитым художником начала XX века, изображавшим быт беднейших берлинских районов²⁴. Не избежало новое многоквартирное жилье и обвинений в том, что за его сооружением стоят «жадные спекулянты»²⁵: безудержную перепродажу недвижимости неизменно считали причиной изъязов в градостроительной структуре старого Берлина. Диагноз, поставленный модернизации, звучал неутешительно: трущобы всего лишь «вытеснены»²⁶ из «пораженных ими частей центра в города-спутники и прочие безжалостные гетто модернистского жилья»²⁷. Журналисты напирали на разочарованность в обещаниях архитекторов-модернистов построить более гуманное общество. Одна ежедневная газета формулировала это так: «К настоящему времени уже даже самые доверчивые должны были бы осознать, что строительство из бетонных панелей ни в коем случае не способно привести к сооружению ни удобного жилья, ни оживленных городских районов»²⁸.

Риторика оставалась неизменной. Как и в прошлые десятилетия, архитектуре ставились в вину социальные проблемы. Автоматизм в использовании образов конца XIX века для описания ситуации 1960-х годов особенно очевиден в случае разоблачений «спекулянтов» — немного нелепых в городе, где государственный контроль за строительной отраслью был более всеохватным, чем когда бы то ни было в эпоху Нового времени, и где на правительственных контрактах нажиться было куда проще, чем на рыночных спекуляциях.

В непрестанных поисках козла отпущения, на которого можно возложить ответственность за провалы в берлинской градостроительной политике, партийная принадлежность перестала иметь значение. И Зидлер, и Митшерлих выступали в своих книгах как буржуазная оппозиция. Митшерлих оплакивал утрату таких бюргерских добродетелей, как «учтливое достоинство» и «гражданская ответственность»²⁹, а Зидлер вос-

певал очаровательную геральдику прусской аристократии на берлинских фронтонах XIX века³⁰. Одновременно и тот и другой считали, что отстаивают интересы угнетенных слоев. Митшерлих снова и снова упоминает небогатых арендаторов типовых квартир в жилых башнях, а столь любимые Зидлером счастливые обитатели старых кварталов все как один фабричные рабочие, владельцы пивнушек или усердные огородники — то есть никак не относятся к элите послевоенной Германии.

Чтобы разобраться в запутанных партийных симпатиях немецких критиков высотного жилья, необходимо вспомнить, что финансируемая государством программа массовой жилой застройки была детищем Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и ее сторонников в профсоюзах и рабочем движении. Одновременно эту политику поддерживали социально ответственные консерваторы. И снова типичный пример здесь — Меркишес Фиртель. Его сооружением и обслуживанием занималась государственная корпорация во главе с Рольфом Швендлером, министром строительства в контролируемом социал-демократами сенате Берлина. Западный Берлин вполне можно назвать наименее капиталистическим мегаполисом западного мира: тут и полное отсутствие крупных корпоративных игроков, и преобладание избирателей с левыми убеждениями, и выгодное для арендаторов жилья законодательное регулирование. Критики режима называли его «социал-авторитарным»³¹. Нигде больше в странах Запада левацкая мечта о разрешении жилищного кризиса за счет государства не была осуществлена на практике в таком масштабе и нигде больше ее провал не стал настолько очевидным.

Самая ожесточенная критика этой политики исходила, однако, не от консерваторов, а от крайне левых. В Западном Берлине, как и повсюду в ФРГ, это было растущее студенческое движение, известное как «внепарламентская оппозиция». В статье, которая в целом одобряла положения его программы, журнал *Der Spiegel* атаковал самые основы экономики капитализма: «Успех современного градостроительства и программ городского обновления напрямую зависит от реформирования системы частной собственности на землю»³². С точки зрения внепарламентской оппозиции, одной из главных причин низкого качества массового жилья была потенциальная возмож-

ность извлечения дохода из спекуляции земельными участками³³. Журналистка Ульрика Майнхоф тоже полагала, что линия фронта в Меркишес Фиртель проходит не между пролетариатом и средним классом, а между трудящимися, которые там живут, и государственной компанией GESOBAU, которая владеет земельным участком и осуществляет обслуживание комплекса³⁴. В то время Майнхоф еще была активисткой, но уже совсем скоро ее узнают во всем мире как участницу террористической организации «Фракция Красной армии». Ни она, ни ее соратники-леваки не ставили под сомнение государственное планирование; наоборот, они атаковали умеренных чиновников за то, что те, по их мнению, недостаточно активно отстаивают реальные интересы жителей. Кооперативные застройщики гонятся за крупными прибылями, а федеральное правительство, контролируемое с 1966 года коалицией СДПГ и консервативного ХДС, — пособничает им, предоставляя налоговые льготы. Отсутствие упоминания в этих дебатах частных землевладельцев и крупных корпораций, которые в любом другом городе были бы главными действующими лицами на рынке нового жилья, говорит само за себя.

Сами обитатели Меркишес Фиртель испытывали по этому поводу смешанные чувства. Да, они разделяли общее недовольство низким качеством инфраструктуры и высказывали претензии по поводу недостатка детских садов, магазинов или маршрутов общественного транспорта, но газетные статьи, в которых их изображали криминальным отребьем или, в лучшем случае, беспомощными жертвами жестоких архитекторов, не могли их не шокировать. В итоге желание защититься от прессы, поливающей комплекс помоями, оказалось сильнее критического запала. Журналисты, рисовавшие Меркишес Фиртель высотным гетто, сталкивались с растущим недоверием и даже агрессией со стороны местных жителей, которые чувствовали себя оскорбленными и которых вовсе не убеждали аргументы, что все это делается для их же блага³⁵. К тому же становилось все очевиднее, что многие жители района, сравнивая его со своими прежними домами, были более или менее довольны новой средой обитания³⁶. Основной проблемой для них, как выяснилось, были не жестокие архитекторы и не градостроительные ошибки, а арендная плата. Несмотря на субси-

дии из бюджета и суровый государственный контроль, она все равно была вдвое выше, чем в старых и несовершенных доходных домах в центральной части города, — и справиться с этим оказалось не по силам даже социал-демократам³⁷.

«Панель» в Восточном Берлине Бесчисленные многоквартирные дома из бетона — самое заметное наследие бывшей ГДР. В 1990 году 23% восточных немцев — и только 1,7% западных — жили в типовых комплексах на 2500 квартир и более (с учетом проектов меньшего масштаба эта цифра гораздо выше)³⁸. Восточные немцы по-прежнему называют эти дома словом «панель». Само слово отсылает к конструктивному элементу — готовой железобетонной панели, но понятие это скорее культурное, чем техническое. Даже сегодня оно ассоциируется скорее с массовой застройкой на востоке Германии, чем с аналогичным жильем на западе. Эти здания часто называют символом социалистического государства³⁹. Для панельной застройки в ГДР характерны и более жесткая стандартизация, и больший размах; в других отношениях, однако, очевидно сходство с западногерманской. Так же как и в ФРГ, исходным импульсом для сооружения типового жилья в ГДР было желание государства разрешить жилищный кризис, усугубившийся из-за последствий войны, и в то же время избавить людей от необходимости жить в районах конца XIX века. То, что на западе воспринималось как требование прогресса и модернизации, на востоке подавалось в контексте социалистического развития. В 1955 году политбюро Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) под председательством Вальтера Ульбрихта приняло решение начать «индустриализацию строительной отрасли» и ограничило другие методы строительства. Акцент на сооружении коробок и башен был однозначным, так что к концу существования ГДР использование готовых бетонных деталей стало практически единственной технологией в арсенале местных строителей.

Как и в ФРГ, первое панельное жилье в ГДР стали строить в конце 1950-х годов. В 1957 году начались работы в маленьком городке Хойерсверда под Дрезденом, неподалеку от недавно открытой угольной шахты, в результате чего его население уве-

личилось с 7000 человек в 1955 году до более чем 70000 в 1980-м. В 1964 году правительство приняло решение о строительстве крупнейшего жилого массива в Восточной Германии — Галле-Нойштадта, расположенного через реку Зале от старого центра Галле и в итоге объявленного отдельным городом. Схожие районы появлялись во многих городах: Люттен-Кляйн (1965–1969, 18000 жителей) в Ростокке или Грюнау (1976–1980-е, 100000 жителей) в Лейпциге. Такие проекты составляли основу Жилищной программы 1973 года, с помощью которой Эрих Хонеккер, возглавивший страну в 1971-м, надеялся решить проблему дефицита жилья. За семнадцать лет, то есть до 1990 года, в ГДР планировалось построить три миллиона квартир (реально введено в строй два миллиона)⁴⁰. Помимо упомянутых массивов в Хойерсверде и Галле, хорошо известны три района новостроек на окраине Берлина: в Марцане (начат в 1977 году), Хеллерсдорфе (начат в 1981 году) и Хоэншенхаузене (начат в 1984 году) к 1989 году жили 350000 человек при общем насе-

4.7 Лидер ГДР Эрих Хонеккер (слева) в гостях у рабочей семьи в Восточном Берлине 6 июня 1978 года. Поводом для визита стал ввод в строй предположительно миллионной квартиры в рамках Жилищной программы 1973 года

лении Восточного Берлина в 1,1 миллиона. Сосредоточенность на панельном строительстве привела к тому, что «производство» типового жилья не прекращалось до самого конца ГДР. Тем не менее здесь, как и в ФРГ, начиная с 1970-х годов не смолкала критика массовой застройки, в результате чего изменились проекты панельных зданий и основной объем строительства сместился ближе к центральным частям городов.

Еще в конце 1960-х годов модернистское типовое жилье в ГДР стали описывать как «монотонное», «однообразное» или «бездарно спроектированное». Если принять во внимание масштабы цензуры, эта критика была на удивление острой⁴¹. В 1975 году автор докладной записки на имя высокопоставленного партийного начальника, например, предполагает, что низкий эстетический уровень многоквартирных домов серьезно препятствует тому, чтобы жители страны отождествляли себя с социалистическим государством⁴². Тем не менее теоретики поначалу игнорировали такие риски, поскольку, повторяли они, эстетику нельзя рассматривать изолированно, но только в комплексе с социальными условиями. Они полагали, что социализм, цель которого — улучшить эти условия, неизбежно приведет к появлению зданий надлежащего качества и что эстетические претензии, высказываемые на Западе, лишь прикрывают несправедливость капиталистического общества.

Откликаясь на слова Александра Митшерлиха о «негостеприимстве» модернистского градостроительства, известный восточногерманский теоретик Бруно Флирль в 1973 году заявил, что «в ситуации негостеприимного капитализма не существует выхода из негостеприимного города»⁴³. Опасений, что негостеприимным может оказаться и социалистический город, у партийного руководства не возникало. Привыкание к монотонности типового жилья шло в ГДР весьма болезненно и не увенчалось бы успехом без ловких подмен и игнорирования определенных фактов.

Первопроходцем был упомянутый Бруно Флирль. В 1970-х он указывал, что формальное сходство между капиталистической и социалистической архитектурой не имеет значения, поскольку различны структуры соответствующих обществ, но в то же время утверждал, что реальные здания выражают

4.8 Район Марцан
в Восточном Берлине

эту структуру⁴⁴. Это можно было понимать следующим образом: хотя в ФРГ бетонные «панели» справедливо критикуют за монотонность, мы в ГДР должны продолжать их строить, поскольку в наших социалистических «панелях» обитают не угнетенные и маргинализованные социальные группы, но гордый рабочий класс, и все остальное просто не важно. Но возможна была и другая трактовка: не следует просто принимать на веру, что «социалистические» коробки хороши, а «капиталистические» плохи, — следует изучать, как их воспринимают сами жители. Этот обходной маневр позволял учитывать эстетическую сторону архитектуры. Соглашаясь с ортодоксальными марксистами, что лишь «буржуазная идеология» приписывает эстетике самостоятельную роль, Флирль создавал условия для научного анализа внешнего вида зданий⁴⁵.

Такие исследования отражали характерный для разных стран интерес к восприятию города и средовому градостроительству, который в западном дискурсе связан с именами Альдо Росси, Колина Роу и Кевина Линча. С этой точки зрения

модернистская многоквартирная «панель» плоха тем, что не создает узнаваемого образа города. В конце 1970-х исследователи из ГДР Олаф Вебер и Герд Циммерман сравнили, как старую часть Галле и панельный район Галле-Нойштадт воспринимают их жители⁴⁶. Используя данные опросов и когнитивные карты, они пришли к выводу, что образ старого города состоит из улиц и площадей, а образ района новостроек распадается на отдельные здания. Люди могут уверенно передвигаться по Галле-Нойштадту, только если следуют привычным маршрутом, а посторонние часто теряют в нем ориентацию. В результатах исследования содержалась четкая претензия к модернистскому градостроительству: оно в недостаточной мере способно на коммуникацию с горожанами.

Критика панельного жилья усиливалась, и одновременно продолжались многочисленные попытки его улучшить. В 1982 году политбюро СЕПГ приняло решение, что в будущем новостройки должны появляться только внутри существующих городов⁴⁷. Это никак не повлияло на судьбу уже строившихся на окраине Берлина районов, но работа над новыми такими проектами прекратилась. В отчете об исследовании, проведенном в 1989 году Академией строительства ГДР, говорилось о необходимости «уплотнения» таких территорий⁴⁸. В том же отчете упомянута борьба жителей против сноса старых кварталов, которая «среди прочего основывается на личном знакомстве с некачественным и непродуманным проектированием многоквартирных зданий, не принимающим во внимание специфические особенности округа»⁴⁹.

Очевидно, что к концу 1980-х годов власти ГДР в целом признавали необходимость преобразований в сфере панельного строительства. Даже самым ортодоксальным сторонникам «реально существующего социализма» нелегко было считать одинаковые бетонные коробки вершиной технологического и эстетического прогресса. Если бы ГДР продолжила свое существование, строительство подобных зданий, скорее всего, полностью прекратилось бы. Тем не менее попытки преобразить новостройки наталкивались на серьезные препятствия: постоянный дефицит рабочей силы и строительных материалов, замкнутость технологической базы отрасли на строительстве из готовых деталей и отсутствие мелких предприятий, специ-

ализирующихся на других методах. Хотя и власти, и население ГДР уже воспринимали индустриализованное строительство как помеху, правящему режиму не хватило гибкости, чтобы провести существенные реформы.

Чудовищные
многоэтаж-
ки, уютные
доходные
дома конца
XIX века

В ФРГ репутация модернистских башен тоже ухудшалась на протяжении 1970-х годов. После выхода в 1978 году книги о девочке из западно-берлинского Гропиусштадта это жилье связывали с наркотиками и детской проституцией. «Я, мои друзья и героин» — это автобиография наркоманки, которая с четырнадцати лет воро-
вала и торговала собой, чтобы обеспечивать себя героином⁵⁰.

Вера Кристиана Фельшерингов, ставшая знаменитой под псевдонимом Кристиана Ф., смогла в шестнадцать лет вырваться из героиновой зависимости и позднее рассказала свою историю двум журналистам. В книге показана неравная борьба между бунтующим подростком и чудовищным городом, воплощением которого служат модернистские высотки. Эта жилая среда не просто не функциональна, но будто спроектирована так, чтобы источать злобное: когда маленьким детям, играющим перед домом, хочется в туалет, они не могут терпеть столько, сколько нужно, чтобы добраться до верхних этажей, и писают в подъездах, поскольку укромных мест в просматриваемом насквозь районе не найти. Не менее удручающая картина — «дети с деревянными ложками» (матери выдавали такие, чтобы дотянуться до высоко расположенных кнопок звонков и домофонов). Если ребенок терял ложку, он мог часами стоять перед запертой дверью, прежде чем попадет домой. Склонность к правонарушениям и наркомания Кристианы Ф. предстают в книге следствием обстановки, в которой героиня оказалась с раннего детства.

Одна из самых продаваемых за всю послевоенную историю Германии (в 2006 году в свет вышло 48-е издание), книга сразу вошла в программу по литературе для немецких средних школ: социально активные учителя из поколения 1968 года искали способы предостеречь своих учеников от наркотиков. Успех книги и среди школьников, и среди педагогов можно объяснить ее особой интонацией, которая соединяет реалистичное описа-

ние ужасов наркомании и живой, лишенный морализаторства рассказ о подростковых проблемах. Кроме того, в сюжет вплетены вечные темы любви, смерти и избавления грешницы, неожиданно соединенные с обсуждением современной архитектуры. Отрицательный образ панельной высотки стал частью литературного канона.

Одновременно с дискредитацией модернистской массовой застройки набирало обороты движение за сохранение доходных домов конца XIX века. В Восточном Берлине, в районе Арним-платц, в 1973 году стартовал первый крупномасштабный проект реконструкции доходных домов, серьезно повлиявший на ситуацию по обе стороны стены. В 1979 году снос старых зданий в столице ГДР был официально запрещен, хотя это правило никогда полностью не выполнялось, а реконструкции оставались скорее исключением⁵¹. Начиная с 1970-х годов в восточноберлинских кварталах доходных домов стало нарастать и сопротивление политике переселения жителей на окраины⁵². Опыт Арним-платц показал, что квартиросъемщики могут, оставшись в привычной социальной среде, получить канализацию, душ и горячую воду. Так проблема санитарных стандартов перестала быть связана с возрастом здания. Репутация доходных домов резко пошла вверх.

В Западном Берлине первая ассоциация жителей, успешно противостоявшая насильственному переселению из старых квартир, была основана в 1973 году на Клаузенер-платц в районе Шарлоттенбург. В 1976-м этот квартал был реконструирован. Другие подобные проекты оказались связаны с организацией Международной строительной выставки 1979 года. В следующие два года растущее движение сквоттеров организовало шумные протесты против нарочитого пренебрежения доходными домами конца XIX века, и в 1982 году Западный Берлин наконец-то принял всеобъемлющее законодательство, охраняющее подобные здания⁵³. Двенадцать принципов «бережного городского обновления» (*Behutsame Stadterneuerung*) — прямая противоположность политике 1960-х годов. Крупные бюджетные средства шли на сохранение доходных домов и оснащение их центральным отоплением, душем и канализацией. Внезапно обретенное уважение к памятникам архитектуры сочеталось с изменением городской политики в сторону пар-

тнерских отношений с горожанами. Целый штат работников социальных служб занимался временными квартирами для жителей каждого реконструируемого здания, а сами они получили право вернуться на прежние места и на регулируемые городом ставки арендной платы. Несмотря на многочисленные законодательные меры, направленные на сохранение социальной среды, некоторые кварталы доходных домов все же постепенно подверглись джентрификации: аренда в самых популярных уголках бывшего Восточного Берлина вроде Митте и Пренцлауэрберга резко выросла в первые годы XXI века. В то же время ни одному архитектору, теоретику, журналисту или политику в Германии больше не приходит в голову призывать к сносу таких районов. Ценность исторической застройки стала частью господствующих культурных представлений.

Переосмыс- «Традиционный» образ жизни и связанные
ление старого с ним здания были мишенью модернистского
и нового проекта во многих странах, но мало где кон-
 фликт старого и нового был таким зримым,
а борьба между ними настолько отчаянной, как в Берлине. «Новостройка» и «старое здание» означали в массовом сознании в первую очередь не время постройки как таковое, а архитектурную типологию: модернистская жилая многоэтажка против доходного дома конца XIX века. И пропагандисты модернизма до 1970 года, и защитники старого города после воспринимали эти типы застройки как полностью взаимоисключающие. Строительство массового жилья в Берлине, в отличие от других городов, подразумевало «реконструкцию методом сплошной вырубki» — так критики окрестили принятую в 1963 году программу масштабного городского обновления, которая предусматривала снос 56 000 квартир в историческом центре и должна была в итоге привести к полному исчезновению доходных домов. Строительство Меркишес Фиртель и других комплексов высотного жилья было ее неотъемлемой частью.

С самого начала принципы модернистской архитектуры, такие как свет, воздух и отсутствие орнамента, выводились здесь через отрицание архитектуры доходных домов, особенно их «мрачных дворов» и «лживой лепнины», задачей кото-

рой якобы было маскировать нищету и перенаселенность⁵⁴. До начала 1970-х годов районы доходных домов считались «нездоровыми» (жизнь в тесноте и несоответствие современным санитарным требованиям), «однообразными» (здания одинаковой высоты и повторяющиеся узоры лепнины), «хаотичными» (задние дворы и чередование помещений жилого и коммерческого назначения). После 1970 года те же самые эпитеты задействованы в критике модернистских жилых массивов на окраинах: «нездоровыми» они были из-за бетонных фасадов и асфальта вокруг зданий, «монотонными» — из-за типовой геометрии и полного отсутствия орнамента, а «хаотичными» — из-за отсутствия внятной квартальной структуры. И наоборот, социальная справедливость, аутентичный образ жизни и безопасность для пешеходов сначала считались достоинствами районов новостроек, а потом стали ассоциироваться с доходными домами конца XIX века.

Такое оригинальное переосмысление объясняется целым комплексом исторических причин. Во-первых, демографическая ситуация в Берлине менялась совсем не так, как в других описанных в этой книге городах: его население практически не увеличилось с начала XX века и к концу столетия было значительно ниже максимума, достигнутого к началу 1940-х годов⁵⁵. Таким образом, в сравнении с общим числом жителей города старых зданий было довольно много: несмотря на разрушения военного времени, доходные дома на протяжении многих лет составляли в Берлине самую значительную часть жилого фонда, только в 1970-х уступив первенство модернистским высоткам и прочим современным типам застройки⁵⁶. Относительная стабильность числа жителей в сочетании с непрерывным строительством привели к тому, что дефицит жилья с годами ослабел, а перенаселенность доходных домов резко упала. Во-вторых, в отличие от деревянных зданий старой Москвы или старого Чикаго, берлинские дома конца XIX века строились из долговечных материалов, и потому их было куда легче переоборудовать в соответствии с современными требованиями. Наконец, в-третьих, к 1970 году и в ФРГ, и в ГДР был достигнут беспрецедентный уровень благосостояния, так что разница между образом жизни рабочего и представителя среднего класса была теперь меньше, чем когда-либо в истории. В какой-то

мере берлинские высотки стали жертвой собственного успеха: внося свой вклад в разрешение жилищного кризиса, они позволили людям разглядеть те преимущества традиционных доходных домов, которые прежде были незаметны из-за нищеты и перенаселенности.

Гетто для иммигрантов? Связь между типовыми многоэтажками и жилищными в городе маргинализированными меньшинствами в Берлине никогда не была такой же однозначной, как, например, во французских городах. В отличие от многих парижских пригородов, большинство населения в которых с 1970-х годов составляли французы иностранного происхождения, комплексы массового жилья в Берлине оставались по преимуществу «немецкими». В целом уровень этнической сегрегации в Берлине невысок по сравнению, скажем, с Чикаго, и процент иммигрантов в жилых многоэтажках примерно соответствует среднему показателю по городу, а иногда — особенно на востоке — оказывается даже ниже.

Иммиграция в Западной и в Восточной Германии выглядела совершенно по-разному. Западная Германия приняла самую большую волну мигрантов в 1960-е годы, когда правительство целенаправленно поощряло приезд в страну жителей Южной Европы и Турции, чтобы удовлетворить потребность быстрорастущей экономики в рабочей силе. Программа государственного найма иностранных рабочих действовала до 1973 года, и ею успели воспользоваться примерно 2,9 миллиона человек в основном из Анатолии и европейских стран Средиземноморского бассейна. К этому моменту в Западном Берлине насчитывалось примерно 120 000 турецких мигрантов; в 1980-х окруженный Берлинской стеной анклав с его 12% населения без немецких паспортов имел больше жителей-иностранцев, чем почти любой другой город страны⁵⁷. На первых порах мигранты были известны как гастарбайтеры («гостевые рабочие») — это отражало уверенность и большинства из них, и западногерманского правительства в том, что их пребывание в стране является временным. Осознание, что они уже не уедут, стало приходить лишь в конце 1970-х. Если принять во внимание изначально временный официальный статус гастарбайтеров, их

уязвимое экономическое положение и ксенофобию местного населения, то понятно, что в основном они селились в наименее престижных районах. В Западном Берлине это были Веддинг, Тиргартен, Нойкельн и Кройцберг — построенные в конце XIX века кварталы пятиэтажных доходных домов низкого качества, которые в отдаленном будущем чаще всего планировалось полностью снести.

ГДР тоже ввозила из-за рубежа рабочую силу — так называемых «контрактных рабочих» из дружественных коммунистических Вьетнама или Анголы, однако в меньших масштабах. К моменту падения социалистического режима в стране было 91000 таких рабочих (менее 0,5% населения). К концу столетия в Германии оставалось около 13000 из них, в основном вьетнамцев. Как бы плохо они ни были интегрированы в немецкое общество — при социализме их обязывали селиться в специальных общежитиях, — их было слишком мало, чтобы оказывать серьезное влияние на городскую жизнь на востоке страны⁵⁸.

Как и во Франции, тема мигрантов демонстративно замалчивалась в немецких дискуссиях о массовой застройке 1960-х и начала 1970-х годов⁵⁹. Западногерманская пресса изредка публиковала репортажи о трудной жизни недавних переселенцев, о том, как они справляются с ксенофобией и непривычной обстановкой, но до самого конца 1970-х никто не воспринимал их как неотъемлемую часть городской культуры ФРГ. Перелом наступил в следующем десятилетии, когда Западный Берлин начал осознавать себя «мультикультурным мегаполисом». Восточная, расположенная вокруг площади Шлезенштор часть Кройцберга, к тому времени ставшая крупнейшим в стране средоточием лавок восточных сладостей и лотков с шаурмой, получила известность как «маленький Стамбул», причем для большинства немцев в этом выражении разом слышались и угроза подрыва национальной культуры, и манящая экзотика «другого». Кроме того, оно показывало, до какой степени граждане ФРГ озадачены этим новым этническим многообразием: мало в каком другом крупном городе мира такого названия удостоился бы район, где турки составляют лишь чуть более четверти населения.

Разумеется, некоторые иммигранты селились и в многоэтажках на окраинах, но там их никогда не было так много,

как в кварталах доходных домов. В 2004 году в Меркишес Фиртель жило лишь 9,3% людей без немецкого паспорта (из них 2,5% турок) — немного в сравнении с общегородской долей в 13,8% (3,6% турок) и тем более с 39,5% в «маленьком Стамбуле» (26,5% турок)⁶⁰. Примерно такие же значения ниже среднего мы видим и в других западноберлинских комплексах массового жилья, например в Гропиусштадте (14,3% иностранцев, 5,5% турок)⁶¹. Еще более заметна эта тенденция в построенном во времена ГДР районе Марцан-Хеллерсдорф на востоке Берлина, где доля немецких граждан всегда была исключительно высока (3,4% иностранцев в 2004 году)⁶². Так что ранние оценки Меркишес Фиртель как «безжалостного гетто» относились прежде всего к сегрегации по признаку дохода, а не национальности⁶³.

Берлин, однако, в этом отношении скорее исключение. Для Хорвайлера под Кельном, Мюммельсманберга в Гамбурге или Нойперлаха в Мюнхене характерен куда более высокий, чем в среднем по городу, процент иностранцев⁶⁴. В этих городах многие кварталы исторического центра джентрифицировались в последние десятилетия, и небогатые иммигранты оказались вытеснены в новостройки на окраинах, где стоимость аренды обычно самая низкая. Существует мнение, что в Берлине — который до сих пор является одним из беднейших среди крупных городов Германии, — этот процесс только начинается и что по мере роста арендной платы в центральных районах многие представители рабочего класса из числа этнических меньшинств будут вынуждены переехать в комплексы панельного жилья⁶⁵. Независимо от того, насколько серьезной окажется эта тенденция, иностранцы едва ли станут там в ближайшем будущем господствующей группой.

Затишье
после бури

К концу 1980-х годов бурные споры о комплексах массового жилья понемногу стихли. Образы надежды и отчаяния, с которыми по очереди ассоциировались типовые многоквартирные дома, померкли и перемешались друг с другом, в то время как значение районов старой застройки заметно выросло. Побыв белой, а потом черной, картинка превратилась в серую. Отжила свое сама идея коробок и башен. Мало того что модернистские высотки переста-

ли строить — пошли разговоры о включении их в реестр памятников архитектуры, поскольку они, как выразился в 1988 году глава западноберлинского ведомства по охране памятников Хельмут Энгель, «являются важным свидетельством закончившейся культурной эпохи»⁶⁶. Снос был явно невозможен, с многоэтажками оставалось просто смириться, и тревожные репортажи о предполагаемых гетто исчезли со страниц прессы. Кроме того, к 1980-м годам стало понятно, что немецкие крупные жилые массивы вовсе не монолитны в социальном смысле. Кое-где еще сохранялся непропорционально высокий процент бедных, но, к примеру, в Меркишес Фиртель это было уже не так. По данным на 1985 год, только 13% жителей комплекса имели право на государственное субсидирование арендной платы как форму социальной поддержки неимущих⁶⁷. К 2004 году эта цифра поднялась, но лишь незначительно, до 14,5% (средний показатель для Берлина — 8,1%)⁶⁸. Уровень безработицы среди 36 000 жителей составлял 17%, что тоже мало отличалось от общегородского значения в 13%⁶⁹. Одновременно опросы показывали, что жители панельных домов в основном удовлетворены своей средой обитания: 69% «довольны» или «очень довольны» своим жильем, а 85% не хотели бы никуда переехать⁷⁰. Образ Меркишес Фиртель в немецких СМИ становился все более положительным. Журналисты расхваливали его оживленные улицы, обилие детских площадок и высокий уровень гражданской солидарности, чему, надо сказать, немало способствовала общая борьба жителей за решение местных проблем⁷¹. И вот результат: относительная стабильность населения и все более глубокая позитивная самоидентификация с новым районом⁷². Такие данные подтверждают, что, несмотря на серьезные социальные вызовы, Меркишес Фиртель никак нельзя назвать гетто.

Население панельных районов Восточного Берлина в социальном плане всегда было гораздо более смешанным, чем в аналогичных новостройках Западного, и потому репутация окраин была лучше. В ГДР редко проводились независимые социологические опросы, но многие частные сообщения сходятся в том, что привлекательность центрального отопления и горячего водоснабжения перевешивала недовольство серостью и однообразием. Проведенный историком из ФРГ анализ газетных объяв-

лений о продаже и обмене жилья показал, что к 1980-м годам типичному восточному берлинцу было более или менее все равно, находится ли его квартира в «панели» или в доходном доме конца XIX века⁷³. После объединения Германии в 1990 году панельные районы на востоке города были полностью отремонтированы, и их свежевыкрашенные в яркие цвета здания стали казаться еще привлекательнее.

Все хорошо, что хорошо кончается? Не совсем. Хотя немецкое панельное жилье и не было тем рассадником преступности и нищеты, каким его описывали газеты в 1970-е годы, оно по-прежнему оставалось местом расселения менее привилегированных слоев общества. Даже на востоке, где семья врача когда-то могла жить стенка в стенку с семьей строительного рабочего, новое социальное расслоение становилось все заметнее: в типовых квартирах на окраинах оставались только те, кто не мог себе позволить переехать. Это было особенно очевидно в тех многочисленных районах, население которых резко уменьшилось после 1990 года. В бывших промышленных центрах ГДР вроде Хойерсверды или Галле внезапно образовался избыток пустующих многоквартирных домов, к сносу которых призывали и местные жители, и политики. Зато панельные здания в центральных районах приобрели популярность как модные площадки для выставок и прочих культурных мероприятий, что очень напоминало, как двадцатью годами ранее художественное сообщество осваивало доходные дома.

Хотя мотив материального детерминизма практически исчез из публичной дискуссии, репутация панельных зданий остается неоднозначной. Одно из возможных направлений движения вперед показывает профинансированный из берлинского бюджета проект в окраинном восточном районе Аренсфельдер. В 2002 году архитекторы Штефан Шюттауф и Михаэль Перзике попытались избавить панельные комплексы от недостатков, сохранив при этом их преимущества. Их проект Аренсфельдер Террассен предложил совершенно новый способ реконструкции типовых высоток. Бывшие одиннадцатизэтажные здания были неровно обрезаны на уровне четвертого этажа и превратились в длинные невысокие дома со сложным силуэтом пентхаусов и веранд на крыше. Новые жители таким образом получали и тихий зеленый район, и отличное

транспортное сообщение с центром города, при этом модульный характер панельного домостроения оставался вполне различим. Социальное разнообразие, которым когда-то отличались новостройки Восточного Берлина, было восстановлено за счет привлечения более состоятельных жильцов: квартиры в Аренсфельдер Террассен предназначались и на продажу, и для аренды. Возможно, этот опыт никогда и не будет повторен. Тем не менее подход Шюттауфа и Перзике удивительно напоминает решения, которые за два десятилетия до того позволили спасти доходные дома: некогда презируемый всеми тип застройки реконструируется и одновременно переосмысливается как приемлемая форма жилья.

4.9 Аренсфельдер Террассен (архитекторы Штефан Шюттауф и Михаэль Перзике, 2002 год). Одиннадцатизэтажные панельные здания частично разобраны и превращены в кондоминиум низкой этажности

ГЛАВА 5. БРАЗИЛИА, СТОЛИЦА ЖИЛЫХ КОРОБОК

Порядок
и прогресс:
новый
мегаполис
как конден-
сатор модер-
низации

Крупными буквами на бразильском флаге выведены слова *ordem e progresso* («порядок и прогресс»): так в 1889 году звучало главное обещание новорожденной бразильской республики, и на протяжении долгого времени этот девиз служил ориентиром для государственной политики. Город Бразилиа, прославленный результат такого подхода, выделяется на общеми-

ровом фоне и как одно из крупнейших построенных в XX веке скоплений многоквартирных коробок, и как наиболее радикальный модернистский проект.

У массового жилья в Бразилиа есть ряд специфических особенностей. Во-первых, город был основан как столица и политический центр, как эталонный образец для современной Бразилии, так что символическое значение и градостроительного плана, и архитектуры было очень велико. Во-вторых, Бразилиа должен был стать домом не для рабочего класса, но для политической элиты страны. Ну а в-третьих, современная архитектура не сочеталась тут с современными технологиями: город сооружался традиционными строительными методами. Однако общемировые тенденции эгалитаризма и государственного вмешательства угадываются в бразильских коробках ничуть не хуже, чем в американских или французских башнях.

Об амбициозном символизме нового города говорили с самого начала. Споры о Бразилиа не утихали с момента его основания в 1956 году, однако в отличие от многих других модернистских проектов городу никогда не довелось пережить одномоментного развенчания. Восторги в его адрес всегда со-

5.1 Бразилиа

содествовали с опасениями, а признанию его гуманистических идеалов и эгалитарных целей непременно сопутствовали оговорки о гордыне архитекторов и критические замечания по поводу несбывшихся надежд. В эпоху военной диктатуры, которая с 1964 по 1985 год ограничивала свободу прессы и науки, дискуссии в местной прессе прекратились, а внимание иностранных специалистов ослабло. Таким образом, в этой главе в основном использованы публикации начала 1960-х годов и после середины 1980-х.

Бразилиа был объявлен столицей страны в 1960-м, всего через четыре года после начала строительства. Он возник на практически необитаемом плоскогорье неподалеку от географического центра страны. Застройка по первоначальному градостроительному проекту — она до сих пор известна как район Плану-Пилоту (*Plano Piloto*, «пилотный план») и составляет ядро новой агломерации — занимает площадь в примерно 110 квадратных километров, что равно территории Парижа. В Париже, однако, живет два миллиона человек, а в Плану-Пилоту только 200 000, хотя первоначально жилье, офисные

площади и общественные пространства планировались тут из расчета на полмиллиона¹.

Бразилиа — детище президента Жуселину Кубичека и архитектора Оскара Нимейера, подружившихся еще в 1940-х годах. В ходе предвыборной кампании в 1955 году Кубичек пообещал исполнить вековую бразильскую мечту — построить новый столичный город в огромной и слабо развитой внутренней части страны. Год спустя, заняв пост президента страны, он взялся за модернизацию Бразилии, от разведки новых месторождений железной руды до строительства автомобильных заводов. Новая столица должна была стать венцом его усилий. Поскольку бразильская конституция запрещала переизбрание на второй срок, Кубичек понимал, что у него есть всего четыре года, чтобы довести проект до той точки, когда преемник уже не сможет от него отказаться. Нимейера упрасивать не пришлось. Был проведен открытый конкурс на общее градостроительное решение, где требовалось представить только план в масштабе 1:25000 и краткий комментарий к нему. Благодаря поддержке Нимейера победу одержал знаменитый генплан в виде самолета, представленный архитектором Лусио Костой, в бюро которого Нимейер работал еще в 1934 году. Строительство вела государственная компания Novасар, в задачу которой входили подготовка территории и сооружение зданий общественного назначения. Работы начались в 1956-м, и в том же году официальная резиденция президента была перенесена в Бразилиа — во временное деревянное здание. Коста в итоге не принял никакого активного участия в осуществлении своего плана, зато Нимейер спроектировал все самые заметные здания.

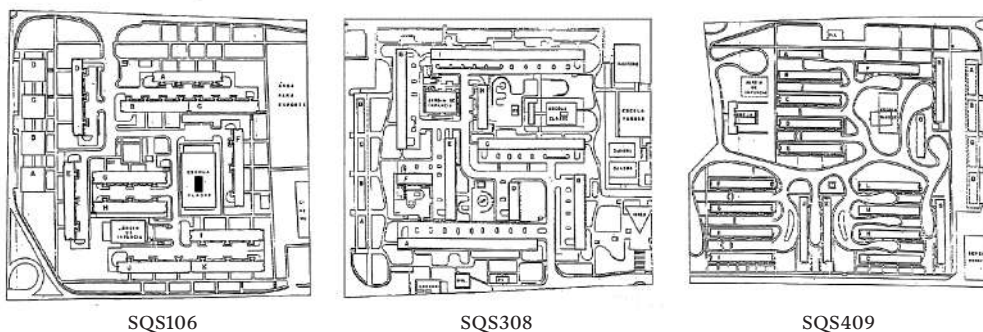
Одними из первых были закончены президентская резиденция (1959) и гостиница Brasília Palace Hotel (1958) для высоких иностранных гостей. Разработанный Костой план опирался на аксиомы градостроительного модернизма: разделение функциональных зон, автомобильное транспортное сообщение и неплотная застройка из многоэтажных зданий, окруженных просторными парками. Основным жильем должны были стать бетонные коробки высотой от четырех до семи этажей, сгруппированные вокруг общественных учреждений. В целом Бразилиа был чисто государственным предприятием. Подоб-

5.2 Южное крыло
Бразилиа в 1959 году

но крупномасштабным проектам в Германии и Франции, город строился на земле, принадлежащей правительству, хотя позднее частным компаниям и были переданы права застройки (они охватывали все этажи выше первого, где между бетонных опор размещались общественные пространства), которые можно было перепродавать на свободном рынке. Город наполовину законченных зданий среди клубов пыли был официально провозглашен столицей Бразилии 21 апреля 1960 года, в годовщину легендарного основания Рима. Этот день бразильский президент Жуселину Кубичек, впервые тогда заплакавший на публике, называл потом самым счастливым в своей жизни².

Суперквадры Новая столица стала городом жилых коробок. На первый взгляд это кажется удивительным: плотность населения в округе очень низкая, вся земля принадлежит государству, основным транспортом должны стать автомобили — Бразилиа будто на роду было написано стать мало-

5.3 Три типа кварталов Южного крыла Плану-Пилоту

этажной рассредоточенной агломерацией вроде Лос-Анджелеса. В отзывах современников почти не затрагивается тип жилой застройки, но можно предположить, что такое решение было принято по символическим причинам и основывалось на модернистских идеях, которые в то время обсуждались в Сан-Паулу или Рио-де-Жанейро так же, как в Париже или Лондоне в спорах о «Жилой единице» Ле Корбюзье и на Международном конгрессе современной архитектуры, где много внимания было уделено минимальной жилой площади и функциональному городскому планированию. И Нимейер, и Коста учились в Национальной школе изящных искусств в Рио и были многим обязаны этому подходу. Скорее всего, многоквартирный жилой дом и для них тоже являлся символом современности.

Город был спроектирован так, чтобы стать полноценной жилой средой и обеспечить своим обитателям современные стандарты жизни, доступные тогда лишь немногим в стране, но в будущем, по оптимистическому убеждению эпохи, всеобщие. В этом смысле Бразилиа оказался проектом массовой жилой застройки для избранного меньшинства. Одной из задач всего предприятия была гарантия высочайшего уровня комфорта. Бетонные коробки столицы образовывали знаменитые *superquadras* (суперквадры) — квадратные участки 280 на 280 метров, на каждом из которых обычно размещалось одиннадцать многоквартирных домов плюс школы, детские сады и участки озеленения. Четыре квартала соединялись в жилой район с собственной общественной зоной вроде торгового центра. Такая организация пространства напоминала иерархию, характерную для советских или французских модернистских жилых массивов.

5.4 Первые законченные кварталы-суперквადры в 1960 году

Суперквadra — вариант концепции «соседского района», предложенной в 1920-е годы Кларенсом Перри с коллегами и нашедшей свое нашумевшее воплощение в городе-саде Редборн (1928, градостроительное решение Кларенса Стайна и Генри Райта)³. Образцом для застройки Бразилиа часто называют комплекс Парк Гинли в Рио-де-Жанейро (1948, архитекторы Лусио Коста и Роберто Бурле Маркс). Каждый квартал со всех четырех сторон очерчен крупными магистралями, а изнутри пронизан автомобильными проездами и пешеходными дорожками. Только 14% его площади занято зданиями⁴. Невелико и население: 200–300 человек на дом и 2000–3000 на весь район. Оба крыла самолета Плану-Пилоту — это суперквადры. Связывает их проспект длиной в 15 километров, который проходит сквозь оба крыла. Каждый квартал обозначен числовым кодом — например, SQS102 в южном крыле или SQN104 в северном. Самые знаменитые из них те, что образуют три ряда в южном крыле, с номерами SQS101–116, 202–216 и 302–316. К моменту официального переноса столицы были готовы только SQS105–108 и 307–308, строительство многих других было в самом разгаре. Полностью работы в обоих крыльях завершились только в начале XXI века.

В стандартном жилом здании в Бразилиа было от 50 до 120 квартир на шести этажах, тогда как более старые дома в суперквадрах рядов 100, 200 или 300 обычно имели по 48 квартир. Здания строились из высококачественных материалов. Квартиры в них сильно различались по размеру, но чаще всего были существенно больше, чем в жилых высотках во Франции или Советском Союзе. Коста предлагал площади в 89, 107, 134 и 178 квадратных метров⁵ — невероятный простор по сравнению с 44 квадратными метрами стандартной двухкомнатной квартиры в советской хрущевке. Самым распространенным типом была семиэтажная коробка с шестью жилыми уровнями, поднятыми на бетонных опорах над открытым первым этажом. Такими зданиями застроены суперквадры с номерами на 100, 200, 300, 400 и иногда 700, а также части Плану-Пилоту под названием Крузейру и Октагонал⁶. Для них характерны четкие геометрические формы и лаконичный дизайн. Фасады оштукатурены, иногда украшены керамическими панно. У домов, построенных позднее, силуэт изломанный или даже округлый, есть выступающие балконы — заданный в 1950-е годы аскетичный стандарт прямоугольной жилой коробки с солнцезащитными жалюзи и остекленными фасадами постепенно вытеснили менее однотипные проекты.

Жилые дома в Бразилиа гораздо разнообразнее, чем их современники во Франции или в Советском Союзе. Строительные нормы, особенно в первые годы, были нацелены не на стандартизацию, а на гармонию, да и генплан Лусио Косты оставлял архитекторам свободу для самовыражения. Жилье в этих домах тоже не отвечало декларируемому принципу социалистического равенства. Соседние квартиры могли очень сильно отличаться по размеру и уровню комфорта, причем большинство из них предназначалось на продажу, а не для социального найма. Уже в первых законченных кварталах, SQS107 и SQS108, здания чаще всего были с лифтами, черными ходами и комнатами для прислуги — то есть соответствовали требованиям представителей зажиточного среднего класса, не мысливших существования без горничных и живущих в семье нянь. В 1965 году власти разрешили продажу основной части квартир в Плану-Пилоту на свободном рынке, что привело к вытеснению из района даже некоторой части среднего класса, включая

многих государственных служащих с недостаточно высокими доходами⁷. Четкое соответствие каждого вида квартир определенному социальному статусу привело к сильной классовой стратификации и внутри самого Плану-Пилоту⁸.

Архитектурной дифференциации способствовало и то, что строительство новой столицы не сопровождалось индустриализацией отрасли. Многоквартирные дома в Бразилиа проектировались каждый своим архитектором и строились поштучно с использованием кирпича, бетона и штукатурки⁹. Определенные попытки стандартизации и индустриализации строительных операций делались, однако не вышли за пределы изолированных экспериментов¹⁰. Доступная дешевая рабочая сила делала рационализацию в строительстве излишней, так

5.6 Квартал SQS107

что в этой отрасли по-прежнему господствовали небольшие региональные компании.

В строительные нормы вносились все новые поправки, которые фиксировали усиливающееся социальное расслоение. Первоначальные правила, выпущенные в 1960 году, пересматривались в 1967-м, 1989-м и 1998-м. Уже первая из этих редакций отражала начавшуюся джентрификацию Плану-Пилоту — теперь в жилых зданиях предусматривалось сооружение отдельных служебных лифтов и черных лестниц с доступом в более просторные квартиры¹¹. Правилами 1989 года вводились меры по сохранению первоначального градостроительного плана Лусио Косты, который к тому моменту уже воспринимали как историческую ценность. К 1998 году частные

застройщики получили большую свободу действий, а нормы архитектурного проектирования стали более гибкими. Постепенно приватизировались открытые пространства между бетонными опорами на первых этажах: в 1967-м там было разрешено строить входные холлы и квартиры для обслуживающего персонала, в 1989-м — помещения охраны и хранилища для велосипедов, а в 1998-м — даже банкетные залы¹². При этом правила 1960 года не позволяли там даже автомобильных стоянок, и большая часть ранних зданий вообще не имеет парковочных мест, хотя транспортная система города с самого начала опиралась на частные автомобили. После того как стоянки были разрешены правилами 1967 года, число парковочных мест в расчете на здание непрерывно росло, от примерно пятидесяти в конце 1960-х до более чем ста в проектах начала XXI века¹³. Новые здания в целом вписывались в устоявшуюся типологию, но тем не менее серьезно отличались от построек 1960-х и 1970-х годов¹⁴. Там были более просторные балконы, остекленные фасады и украшения из керамической плитки — такова, например, застройка SQN211. Суперквадры состояли теперь из четырнадцати (вместо первоначальных одиннадцати) жилых домов, что сокращало территорию общего пользования. Дома иногда размещались по диагонали к сетке окружающих улиц и обычно имели уже не семь, а девять этажей в высоту. Дополнительные площади использовались для многокомнатных квартир-пентхаусов, а иногда и для банкетных залов с террасами и зонами для барбекю.

<p>Мечты о равенстве в поляри- зованном обществе</p>	<p>Социальная дифференциация массового жилья в Бразилиа, которая только усиливалась с годами, противоречила риторике и архитекторов, и политиков. Серийные здания были задуманы для бесклассового общества, в котором нет места колониальному расслоению, на протяжении многих веков бывшему характерной чертой бразильской жизни. Тексты вроде статьи 1958 года в официальном органе компании Novасар выражали типичную для модернизма надежду на социальную революцию средствами архитектуры. Жилые коробки Бразилиа должны были привить ценности гу-</p>
--	---

манистической гражданственности и способствовать созданию демократического общества без расовой или классовой дискриминации:

Все жилые здания в суперквадре абсолютно равны: одни и те же фасады, одна и та же высота, одни и те же удобства. Все поставлены на бетонные опоры, у всех одинаковое количество парковочных мест и все построены из одних и тех же материалов — это не дает возникнуть ужасной пропасти между общественными классами; семьи чиновников высшего, среднего и нижнего звена живут одной общей жизнью¹⁵.

Это риторика прижилась, несмотря на то что решительно противоречила не только социальным реалиям нового города, но и базовым принципам левой теоретической мысли: последовательным марксистам была отвратительна сама идея создания отдельных социалистических пространств внутри капиталистической системы¹⁶. Популярность стратегии «архитектура как средство установления справедливости» можно оценить и по несмолкающему хору жалобщиков на отход от первоначальной концепции: они указывали на тысячи бедняков, живущих в неподобающих условиях в окрестностях Бразилиа уже спустя несколько лет после его основания¹⁷.

Необычная ситуация Бразилиа как города с «массовой застройкой для богатых» показывает, что социальное равенство было скорее символом веры, чем предметом реальных ожиданий. Декларируемое стремление к справедливости всегда шло вразрез с привычным для страны режимом «социального апартеида». К началу XXI века менее 20% населения городского округа Бразилиа имели нормальные квартиры или дома, иногда машины, а также доступ к здравоохранению и образованию, то есть могли себе позволить стандартное качество жизни западноевропейского или североамериканского среднего класса¹⁸.

Мечты о равенстве уходят корнями в градостроительную и социальную политику Бразилии 1930-х и 1940-х годов, когда численно выросли социальные группы, не имевшие такого влияния, как традиционная элита (крупные землевладельцы и бур-

жуазия), но стремившиеся вести схожий с ней образ жизни. Недолгая демократия 1945–1964 годов всецело поддерживала зарождающийся средний класс, который в итоге оказался куда менее влиятельным, чем многие рассчитывали, так что Бразилиа можно — несколько упрощая — назвать городом для среднего класса без среднего класса. Он задумывался для жизни, которая, как оптимистично полагали политики и архитекторы, должна была вот-вот стать общепринятым стандартом: всеобщее образование, центральное водоснабжение и широкая доступность автомобилей. Впрочем, идея социального жилья никогда не приобретала в Бразилии того значения, которое она имела в политическом дискурсе Франции, Германии или в Советском Союзе. Всесторонней стратегии социального развития не было, поэтому неудивительно, что в последующие десятилетия осуществились лишь очень немногие из первоначальных надежд.

Масштаб дискуссий о жилье для рабочего класса, которые начались в Бразилии примерно одновременно с провозглашением «нового курса» Рузвельта в США и появлением первых муниципальных квартир во Франции, был относительно скромным. После многих веков зависимости от экспорта кофе, сахара и полезных ископаемых бразильская экономика в тот период частично переориентировалась на индустриализацию. Промышленные центры быстро росли за счет притока мигрантов из сельских районов, так что страна стала преимущественно аграрной преимущественно городской. Кроме того, в 1930-е и 1940-е годы менялся образ жизни большинства бразильцев. Социальная поляризация была сильна еще с колониальных времен, однако в середине XX века изменилось ее географическое выражение. До Второй мировой войны городской рабочий класс Бразилии в основном жил в построенных частными инвесторами доходных домах в центральной части городов, но к 1960-м годам значительная его часть уже жила в фавелах — незаконных и часто построенных из подручных средств поселениях на городских окраинах¹⁹. Дефицит жилья становился очевидным, и призывы к последовательной государственной политике в этой области звучали все громче²⁰.

Все эти перемены произошли при Жетулиу Варгасе, который правил в Бразилии с 1930 по 1945 год и потом снова с 1951-го по 1954-й, то как демократически избранный прези-

дент, то как единоличный диктатор. В период так называемого «Нового государства», которое просуществовало с 1937 по 1945 год, он распустил парламент и установил авторитарный консервативный режим. Сын владельца крупного животноводческого поместья в штате Риу-Гранди-ду-Сул, Варгас тем не менее отстаивал интересы городской буржуазии и создал противовес аграрной олигархии, которая прежде полностью контролировала политическую жизнь страны. Он поддерживал и проекты индустриализации, и либеральные реформы, такие как новое трудовое законодательство. С годами Варгас все больше склонялся к политике государственного вмешательства, напоминающей ту, которую проводил в США Рузвельт, — и даже заслужил среди сторонников прозвище «отца бедноты». Именно в это время Бразилия начала копировать европейские схемы модернистской урбанизации, основанные на принципах Международного конгресса современной архитектуры. Один из примеров — «Моторный город», заложенный в 1945 году в 50 километрах от Рио-де-Жанейро. Новый промышленный центр был рассчитан на 25 000 жителей и должен был быть построен по проекту Жозепа Льюиса Серта и Пола Лестера Винера²¹.

Жилищная политика Жетулиу Варгаса была во многих отношениях парадоксальной. Режим преследовал коммунистов и в то же время заимствовал массу левых идей, например ограничение права собственности арендодателей жилья. Принятый в 1942 году Закон о жилом найме заморозил размер арендной платы. По мнению критиков закона, он предопределил будущее бразильских городов, в особенности падение частных инвестиций в жилищное строительство и бурный рост нелегальной застройки²². В последующие годы социальным жильем занималось множество органов. Одной из важнейших оказалась роль агентств социального обеспечения Фонда пенсионеров и пенсий. Эти учреждения, чаще всего основанные в 1930-е годы, выплачивали пенсии работникам той или иной отрасли; в скором времени большинство из них стало государственными. Самую бурную деятельность в области строительства жилья и популяризации модернистских подходов в градостроительстве вел Фонд пенсионеров и пенсий в промышленности²³. Среди многочисленных жилищных проектов эпохи Варгаса можно на-

звать Конжунту Резиденсиал ди Реаленгу в Рио-де-Жанейро (1939–1943, архитектор Карлос Фредерику Феррейра, 2300 квартир) и Конжунту Резиденсиал «Префеиту Мендес ди Мораэс», также известный как Педрегуйо (1947–1953, архитектор Аффонсу Эдуарду Рейди, 330 квартир).

Разнообразные и часто противоречивые шаги правительства Варгаса и его преемников не могут считаться последовательной жилищной политикой. Это отличает случай Бразилии от, к примеру, Франции или США. Закон о жилом найме, сопутствующие ему акты, которые регулировали использование, продажу и аренду недвижимости, а также создание региональных агентств жилищного строительства — все эти меры основывались на общественном консенсусе, что государство несет определенную ответственность за обеспечение населения жильем, но восходили к совершенно не схожим теоретическим построениям²⁴. Да и результат был крайне незначительным в сравнении не только с реальными потребностями, но и с численностью ассоциаций социального обеспечения. За пять лет с 1946 до 1950 года новые квартиры были построены только для 0,6% участников пенсионных фондов всех отраслей²⁵. Поскольку темпы строительства безнадежно отставали от спроса, немногочисленные профинансированные из бюджета проекты превратились в жилье для привилегированных слоев. Бедняки же все чаще строили жилье своими руками: по мнению некоторых ученых, лавинообразный рост фавел был для жилищной проблемы решением неудовлетворительным, но гораздо более эффективным, чем многочисленные государственные программы²⁶.

«Город надежды» и модернистская антиутопия

Обсуждение жилых коробок Бразилиа в прессе с самого начала было настолько масштабным и так повлияло на их восприятие, что порой трудно разделить сформировавшийся в результате образ и реальную застройку. Мало ка-

кие города в истории привлекали такое внимание журналистов. Идея возведения новой столицы на пустом месте вызвала международный ажиотаж: поток обзоров, диссертаций, газетных репортажей и фотоальбомов не стихал и полвека спустя.

Во всех этих текстах очевидна всеобщая завороченность провалом и успехом самой соблазнительной мечты модернизма: город, построенный пусть не на вершине холма, но во всяком случае на плоскогорье, и эгалитарное сообщество будущего, проживающее среди девственной природы в сияющих многоквартирных зданиях, в которых соединены художественное мастерство и передовое научное знание.

Снова и снова, особенно в первые годы, звучит мысль о важности Бразилиа как идеи. Величественная дерзость всего проекта была самым ценным активом его авторов. Кубичек и его сторонники приложили огромные усилия, чтобы слава Бразилиа начала греметь еще до окончания строительства; декларации о масштабности и смелости всего предприятия были способом обеспечить ему поддержку среди населения. В 1956 году строительная компания Новасар начала выпуск ежемесячного журнала Brasília. В числе других важных публикаций можно отметить изданное на правительственные деньги восемнадцатитомное собрание проектной документации «Коллекция Бразилиа» (1960), а также книги двух политиков и дипломатов — «Когда столица переезжает» Хосе-Освалду ди Мейра Пенны (1958) и «Бразилия, столица Бразилиа» Освалду Орику (1960). В 1959 году знаменитый критик Мариу Педроза созвал Чрезвычайный международный конгресс художественных критиков²⁷. Он проходил в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу за полгода до официального провозглашения Бразилиа столицей с целью познакомить с новым городом ведущих архитектурных критиков мира. Среди участников были Андре Блок, Бруно Зевви, Карола Гидион (архитектор, жена историка архитектуры Зигфрида Гидиона), Ээро Сааринен, Франсуаза Шоай, Джилло Дорфлес, Жан Пруве, Мейер Шапиро, Томас Мальдонадо и, разумеется, видные бразильские архитекторы и критики, включая Лусио Косту и Оскара Нимейера. В речи на открытии конгресса Коста заявил, что Бразилия отныне не только «экспортирует кофе, сахар и какао-бобы, но также вносит свой не-большой вклад в мировую культуру»²⁸. В итоге город Бразилиа оказался неотъемлемой частью мирового архитектурного дискурса. В следующем году не было ни одного архитектурного журнала, который не опубликовал бы фотографии бетонных зданий под палящим бразильским солнцем. Редакционные ста-

тьи и интервью Жуселину Кубичека и Оскара Нимейера появлялись в невероятном количестве, и остается только удивляться, что у них находилось время для чего-то еще, помимо общения с прессой²⁹. С безоглядным оптимизмом они повторяли самые важные слова про новую столицу: смелость, целеустремленность, грандиозный рывок в борьбе с отсталостью, бедностью и коррупцией, возрождение забытой страны третьего мира благодаря чувству национального единства. И тот и другой восхваляли царящий в Бразилиа дух первопроходцев: поденные работники и инженеры живут там бок о бок и испытывают одни и те же трудности — это ли не залог будущего эгалитарного общества.

Зарубежные гости включались в хвалебный хор. Зигфрид Гидион, самый уважаемый из историков мирового модернизма, отмечал свойственную Косте «безукоризненную смелость в новаторстве»³⁰; американский географ Дэвид Снайдер радовался, что «под спудом печально знаменитых политических интриг и провалов обнаружился храбрый бразильский народ, вдохновленный мечтой о своем великом предназначении»³¹; член швейцарского парламента Вилли Штойбли приходил в восторг от «аутентичности, оригинальности и совершенства» архитектурного решения³². Высокой оценки удостоилась и повседневная жизнь в новой столице. Французский архитектурный критик Люсьен Эрве описывал «чуждое роскоши, однако благородное существование»³³; переехавший же в Бразилиа немецкий журналист Генрих Меллер был очарован дружелюбием своих новых соседей, «которым ничуть не свойственно классовое высокомерие»³⁴.

Бразилиа виделся как грандиозная альтернатива «колониально-португальской» жизни в Рио-де-Жанейро. Вот, например, отрывок из статьи в популярном журнале *Manchete* с характерным описанием прежней столицы:

Периметральная застройка, вечное засилье камня, двустворчатые двери, лестницы, балконы, никакой зелени... А снаружи — перекрестки, уличные рынки, пивные, переулки, закоулки, Богоматерь-избавительница и позорный столб... страх, который разобщает и связывает людей, разделенных таким количеством стен³⁵.

Приезжий из Германии радовался отказу от традиционного распорядка дня бразильского бюрократа, когда «то, что он называет работой, не начинается раньше половины двенадцатого утра и сразу же прерывается на обед с часу до двух, а потом еще на чашечку кофе»³⁶. Таким образом, модернистские формы новой столицы повсеместно воспринимались как решительный разрыв с прошлым.

Как уже отмечалось в начале этой главы, признание достоинств Бразилиа и перечисление его недостатков всегда звучали одновременно. В начале 1960-х годов эта двойственность идеально выражала дух времени: градостроительный модернизм в Европе и Северной Америке переживал настоящий расцвет, а его основополагающие принципы все чаще ставились под сомнение. В целом архитектурный мир — особенно в первые годы существования Бразилиа — с энтузиазмом воспринял идею новой столицы, однако критики с самого начала подчеркивали недовольство множеством отдельных деталей. Учитывая символический статус проекта, они нередко давали нелестную оценку модернизму как таковому, снижая пафос бесконечно цитируемой формулы «Город надежды», как назвал Бразилиа французский министр культуры Андре Мальро. Многие иностранцы испытывали разочарование и недоумение: они пересекли половину земного шара, чтобы посмотреть на реализацию всех надежд мирового модернизма, а оказались на пыльной стройплощадке. Их огорчало не только то, что город еще далеко не закончен, но и несоответствие его первоначальному плану: так, социальное жилье на окраинах Плану-Пилоту не строилось, а в точке пересечения основных осей не шли работы над центральной зоной с кафе и театрами³⁷. И все же мало кто мог сравниться в безапелляционности с Жан-Полем Сартром, который утверждал, что его забросили на «обратную сторону Луны»³⁸, или с антропологом Джеймсом Холстоном, который по аналогии с «сарселитом» писал о заболевании «бразилиаитом»³⁹, или с социологом Жилберто Фрейре, говорившим об «абстрактном городе, где никому не хочется жить»⁴⁰.

В ранних оценках хорошо прочитывается конфликт между архитекторами, которые видели себя дерзкими новаторами, и их заклятым врагом — повседневной жизнью со всеми

ее ограничениями⁴¹. Смелость замысла, монументальность архитектуры и упорядоченность рождали энтузиазм, но одновременно недовольство вызывали и огромное число незаконченных зданий, и холодность гигантских геометрических форм, и враждебность проекта к пешеходам, не говоря уже о грязи и антисанитарии в близлежащих фавелах, где жили строители города⁴². Жесткий генплан Бразилиа одновременно и воспевали как воплощение нового порядка⁴³, и проклинали за антигуманность⁴⁴. Спроектированный Нимейером центр города хвалили за величественную красоту и тут же ругали за «смертную скуку» по выходным и полное отсутствие торговых и развлекательных заведений⁴⁵. В таких формулировках, как «сюрреалистический город»⁴⁶ или «Дикий запад»⁴⁷, разом слышатся восхищение и отчуждение. Британский ежемесячник RIBA Journal оказался в 1967 году одним из немногих СМИ, которое удержалось от героизации Бразилиа. В опубликованном там фоторепортаже нашлось место и красоте, и уродству: на иллюстрациях были и не презентабельная, но оживленная главная улица самовольно выстроенного поселения Сидаде-Ливре с ее деревянными рекламными щитами, напоминающими об американских вестернах, и отдельные законченные дома на одну семью, вокруг которых, как это часто случается в Бразилии, сплошь неухоженные участки, покосившиеся фонарные столбы и разбитые дороги⁴⁸. «Город надежды» представал потерянным раем, воплощением и краха возвышенной мечты, и наказания за людскую гордыню.

Несоответствия проекта и реальности обращали против модернизма многие из надежд, порожденных самим модернизмом. Ярким примером тут может служить оценка Симоны де Бовуар, прославленной интеллектуалки эпохи. Побывав в Бразилиа вместе с Жан-Полем Сартром в 1960 году, она с сожалением отмечала отсутствие уличной жизни, гражданской солидарности и социального равенства. При этом использовали те самые выражения, которыми были полны положительные отзывы о городе: «соразмерный человеку масштаб», «башни света и воздуха»⁴⁹. На ее взгляд, в основе несостоятельности Бразилиа как городского сообщества лежали как раз крупный масштаб, ясность форм, отдаленность от обжи-

тых мест и простор — ровно те особенности, которые призваны были подчеркнуть гуманность всего замысла⁵⁰.

«Башня в джунглях» Жилая застройка Бразилиа стала поводом переосмыслить ускоренную модернизацию и идеализацию деревенской жизни — дихотомию, определявшую западную культуру начиная с XIX века. Критики считали окружающий природный ландшафт выдающейся особенностью новой столицы, причем противопоставление архитектуры и природы они понимали иначе, чем Ле Корбюзье с его башнями в парке или североамериканские жилищные реформаторы с их зелеными поясами вокруг городов.

Оторванность от цивилизации была в данном случае совершенно реальной: к началу строительства в 1957 году в радиусе ста километров не было ни автомобильных, ни железных дорог, поэтому все материалы приходилось доставлять по воздуху; находящееся на высоте 900 метров над уровнем моря плоскогорье, на котором сооружался город, представляло собой сухую и в основном бесплодную саванну; от важнейших транспортных узлов страны в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу его отделяло около тысячи километров. Девственный ландшафт и бескрайнее небо с самого начала были определяющими для новой столицы, что отразилось и в названии президентского дворца в самом ее центре — Дворец плато. Природа неизменно находится в центре воспоминаний первопроходцев; то же самое подчеркивает в работах сам Нимейер.

Важнейшие составные части связанного с Бразилиа пасторального нарратива — это архитектура, соединившая в себе благородную простоту и техническое совершенство, и непостижимая в своей неосвоенности природа. В 1962 году британский ученый Лоуренс Дадли Стамп, выступая в Королевском географическом обществе, описывал город так:

Мы, европейцы, просто не способны представить себе Бразилиа. Давайте возьмем Уайтхолл и перенесем его на северо-запад Шотландского нагорья — это даст нам некоторое представление о том, какого рода расстояния тут задействованы. Остается добавить, что любое снабжение этого нового

Уайтхолла можно вести только по воздуху, и тогда мы наконец немного приблизимся к тому, что реально имеет место в Бразилии⁵¹.

Полвека спустя город по-прежнему изображают так же — например, в фоторепортаже во французском журнале *L'architecture d'aujourd'hui*, где здания теряются среди бескрайней саванны и ярких проплешин краснозема. Бразильский архитектор, написавший к своим фотографиям сопроводительный текст, воспекает роль природы в городской среде как неодолимую, но благотворную. «Травы всех видов поглощают здания южного крыла!» — восторгается он⁵².

Наряду с трудом и подвигами первопроходцев в этой риторике часто присутствует и протоколониальный подтекст, явно проступающий, например, в формулировке «столица в джунглях». Это неловкое выражение встречается в работах таких известных историков архитектуры, как Кеннет Фрэмpton и Манфредо Тафури, и в первую очередь выдает их географическую безграмотность, поскольку Бразилиа стоит в нескольких тысячах километров от ближайших джунглей⁵³. Но популярность его можно объяснить эффектностью сопоставления модернистской упорядоченности и хаоса дикой природы (у обоих авторов оно призвано вызвать восхищение и сопереживание). Это был масштабный перезапуск дихотомии «машины в саду», которая часто звучала в западных рассуждениях о модернизации⁵⁴. Подобные формулировки конструировали романтический образ страны третьего мира, которая вступила на путь прогресса, опираясь на свою природу, и вплетали дорогие европейцам мотивы в рассказ об успехе цивилизаторской миссии.

План-самолет против городов-спутников?

Сияющие многоквартирные здания Бразилиа — и как идею, и как ее практическое воплощение — невозможно воспринимать отдельно от менее тщательно спланированных конкурентов. «Города-спутники» возникли одновременно с Плану-Пилоту, и их судьбы неразрывно связаны с ним. К началу XXI века это поселения с совершенно непохожими друг на друга архитектурой, социальной структурой и уровнем фор-

мальной организации в диапазоне от зажиточного пригорода для среднего класса Агуас-Кларас до фавел Санта-Марии. В общественном сознании города-спутники представляются длинной тенью Плану-Пилоту: то ли внутреннее ограничительное условие модернизма, то ли трагическая изнанка глянцевой столицы, то ли воплощение необузданной жизненной силы бразильцев, то ли просто свидетельство заурядности обычного, не затронутого утопическими проектами существования⁵⁵.

Водораздел между Плану-Пилоту и городами-спутниками возник в первые дни существования Бразилиа. Деревни Планалтина (основана в 1859 году) и Бразландия (основана в 1932 году) оказались слишком малы, чтобы разместить рабочих и инженеров. Возникла необходимость разбить временные лагеря, и некоторые из них существовали еще многие годы после окончания строительных работ. Часть таких рабочих поселков — первоначально палаточных — организовывала напрямую строительная компания Новасар, другие появлялись в результате переговоров компании и ее работников. Это и Тагуатинга (первый город-спутник, построенный в 1958 году), и «городок инженеров» Вила-Планалту, и Вельякап (позже переименованный в Канданголандию), где находились штаб-квартира Новасар и больница компании⁵⁶. В последующие годы вокруг возникло еще несколько городов: Гама в 38 километрах к югу от Плану-Пилоту и Собрадинью в 20 километрах к северо-востоку — в 1960-м; в 1967-м — Гуара (сейчас 115 000 жителей) в пяти километрах к западу; в 1971-м — Сейландия (сейчас 344 000 жителей) в 25 километрах к западу. Многие из поселений-спутников начинались с построенных без разрешения лачуг, где жили тысячи мигрантов, искавших работу на стройплощадках. Такой была фавела Вила-Сара-Кубичек — основавшие ее в 1958 году переселенцы из бедных северо-восточных штатов выбрали для названия имя первой леди Бразилии, рассчитывая на ее покровительство. К концу 1960-х годов различия между официальными и неофициальными лагерями практически стерлись⁵⁷.

Спонтанно возникшие рабочие поселения были для создателей Бразилиа одновременно и необходимым условием, и раздражающей помехой, так что отношение к ним официальных властей было соответствующим. Рассчитывать на то, что со временем строители либо вернутся в родные края, либо найдут

себе квартиры в Плану-Пилоту, не приходилось с самого начала, а порывы государственных органов искоренить «незаконные» поселения чередовались с неубедительными попытками ввести их в рамки, установленные генеральным планом агломерации⁵⁸. Таким образом, самый всесторонне продуманный город на планете рождался в борьбе между практически всемогущей вертикалью градостроителей и самовольными поселенцами, бросившими ей вызов.

История Сиададе-Ливре («Свободного города», позднее переименованного в Нуклиу-Бандейранти) в этом отношении хрестоматийна. Компания Новасар основала его в конце 1950-х годов примерно в пяти километрах от будущей оконечности южного крыла Плану-Пилоту. Здесь должны были появиться временное жилье для рабочих и временные торговые площади, необходимые на время строительства центрального района. Планировочное решение поселения было предельно простым: главную улицу под прямым углом пересекали три другие, а вдоль них через равные промежутки стояли построенные из подручных материалов одно- и двухэтажные здания. Именно Сиададе-Ливре навел на мысли о «Диком западе», примостившемся рядом с недостроенной модернистской столицей. Позднее его жителям пришлось на протяжении нескольких лет вести настоящую войну за право остаться в своих домах. Объединившись в Движение за закрепление и городской статус, они добились, что в 1961 году Национальный конгресс Бразилии узаконил поселение, придав ему постоянный статус. По воспоминаниям очевидцев, по такому случаю на улицах Сиададе-Ливре целый день не стихало празднование и было зажарено и съедено не менее сорока быков⁵⁹.

Другим самовольным поселенцам повезло меньше: чтобы добиться от властей права остаться в обжитых местах, требовалось иногда не одно десятилетие. В начале 1970-х, когда население окружающего Бразилиа региона быстро росло, не было редкостью и насильственное переселение. Правительство начало специальную Кампанию по уничтожению несанкционированного жилья, и обозначаящая ее аббревиатура CEI (*Campanha de Erradicação de Invasões*) дала название Сейландии, одному из крупнейших городов-спутников⁶⁰. Его основание было частью кампании, но довольно скоро и там образовалось множество самовольных поселений.

Что бы ни делали чиновники с такими поселениями: пу-
скали ситуацию на самотек, игнорировали или пытались их
уничтожить, — Плану-Пилоту и города-спутники продолжа-
ли существовать в неразрывном симбиозе. На момент про-
возглашения Бразилиа столицей страны в 1960 году пример-
но каждый второй из 142 000 человек населения агломерации
жил за пределами Плану-Пилоту⁶¹. Сегодня же численность
населения многих городов-спутников выше, чем в построен-
ной по генплану Косты центральной части города: в 2000 году
в Сейландии жило 340 000 человек, в Тагуатинге — 240 000,
а в Плану-Пилоту — 200 000⁶².

Невозможно переоценить значение, которое придавалось
городам-спутникам в спорах о застройке Бразилиа. С само-
го начала они служили аргументом успеха или провала новой
столицы⁶³. Уже в первых описаниях они играли роль «другого»,
которое дополняет Плану-Пилоту и одновременно противо-
поставлено ему — то как шумный лагерь простых рабочих, то
как опасное гнездо порока. Контраст был и эстетический. «Его
уродство, — писал один из гостей Сиададе-Ливре, — подчерки-
вает достоинства города, подчиненного единому проекту»⁶⁴.
Неспособность обеспечить нормальные условия жизни по всей
агломерации была очевидна, но поначалу почти никто не спо-
рил с тем, что Плану-Пилоту — высокая цель, достижению ко-
торой только мешают города-спутники. Ситуация изменилась,
лишь когда в начале 1970-х специалисты стали обращать на са-
мостоятельные поселения пристальное внимание.

Сегодня города-спутники иллюстрируют градостроитель-
ную эпоху, имеющую мало общего с принципами Лусио Ко-
сты и Оскара Нимейера. Противопоставление их Плану-Пи-
лоту — сияющие жилые здания против бараков — в основном
осталось в прошлом. Значительные территории в городах-
спутниках заняты вполне законными зданиями, многие из
них суть те же коробки, что и в Плану-Пилоту. Но там же раз-
личимы и планировочные мотивы, которые основаны как
на принципах, предшествующих модернизму, так и на чисто
постмодернистских: всего в нескольких километрах от жилых
коробок обнаруживается лоскутное одеяло из домов на одну
семью, низкоэтажной многоквартирной застройки и хаотич-
ного самостроя.

5.7 Смешанная застройка в городе-спутнике Агуас-Кларас. На заднем плане высотные многоквартирные здания для среднего класса, на переднем — Сетор Абитасионал Висенте Пирес, район одноэтажного жилья для среднего класса, который возник в 1980-е годы как спонтанная застройка на сельскохозяйственных землях

5.8 Город-спутник Сидаде-Ливре, теперь известный как Ну-клиу-Бандейранти, возник в 1956 году как временный лагерь для строительных рабочих и получил статус постоянного поселения в 1961-м. Именно его застройка — деревянные бараки и хибары из листового металла — наводила первых посетителей модернистской столицы на мысли о «Диком западе». Теперь здесь живет 36 000 человек, а некоторые его кварталы очень популярны среди среднего класса

В Сиададе-Ливре (Нуклиу-Бандейранти) постоянная архитектура давно заняла место временной, а большая часть первоначальных деревянных домов снесена ради строительства бетонных зданий. Застройщики теперь соблюдают простейшие градостроительные правила, такие как упорядоченное расширение перпендикулярной решетки улиц или ограничение высоты зданий в стороне от основных артерий двумя этажами. Все чаще на проезжей части можно увидеть асфальт. Тем не менее функционального зонирования по-прежнему нет: магазины и автомастерские соседствуют тут с жилыми домами и офисами. Жители демонстрируют удивительную изобретательность, украшая фасады живописными панно, колоннами и декоративными арками. Определенную территориальную специализацию можно зафиксировать разве что в «духовном центре» к югу от Третьей авениды, где в непосредственной близости друг от друга расположены храмы различных конфессий⁶⁵.

Бразилиа понадобилось немало лет, чтобы осознать себя как крупную агломерацию, включающую и Плану-Пилоту, и города-спутники, причем этот процесс еще далеко не завершен. Прерогатива Плану-Пилоту — административные функции, а также жилье для политиков и высокооплачиваемых бюрократов. Города-спутники обеспечивают крышей над головой управленцев с более низкими зарплатами и рабочий класс. В итоге в Бразилиа, предположительно основанном на принципах равенства, классовое расслоение сильнее, чем в других городах страны. В противоположность ситуации, которая сложилась во многих рассмотренных в этой книге исторических городах, в Бразилиа ансамбль из модернистских башен и коробок образует городской центр, а смешанная застройка вытеснена на периферию. Большая часть рабочих мест сосредоточена в высотных зданиях, и автобусы ходят только в начале и в конце рабочего дня. По выходным их либо совсем нет, либо проезд в них стоит дороже, так что присутствие бедных в Плану-Пилоту ограничено четкими периодами в будние дни. Метро также работает только с понедельника по пятницу. Вообще, судьба местного метрополитена, открытого в 1998 году, — яркий пример последствий сегрегации. Две линии должны были связать Тагуатингу, Агуас-Кларас, Гуару и Сейландию с Плану-Пилоту, однако нагрузка на них до сих пор ниже проектной мощно-

сти: в начале XXI века показатель загруженности системы на километр пути составлял всего 0,4 (для сравнения: 10,1 в Токио, 6,3 в Париже, 3,1 в Берлине и 1,0 в Лос-Анджелесе)⁶⁶.

Сами города-спутники устроены по-разному. Хотя значительная часть их населения — возможно, даже большинство — по-прежнему живет в лачугах, центры Тагуатинги, Нуклиу-Бандейранти и Агуас-Клараса давно превратились в районы для зажиточного среднего класса. Во всех трех городах цены на квартиры по-прежнему ниже, чем в Плану-Пилоту, но за последние годы они сильно выросли, что привело к вытеснению менее состоятельных представителей среднего класса в районы победнее — Сейландию, Санта-Марию, Гаму или Планалтину⁶⁷.

Административное устройство агломерации, включающей Плану-Пилоту и города-спутники, остается предметом постоянных споров. Генеральный план 1977 года наконец признал, что все они неразрывно связаны и образуют единый город Бразилиа, однако борьба вокруг конкретных очертаний общих управленческих структур продолжается до сих пор. В конце 1980-х возглавляемая географом Алду Павиани группа специалистов по городскому планированию из Университета Бразилиа призвала переработать генплан Лусио Косты — прежде всего, рассредоточить общегородские функции за пределы Плану-Пилоту и включить неофициальные поселения в сферу ответственности регионального управления по планированию⁶⁸. А в 1980 году антрополог Густаву Линс Рибейру призвал включить города-спутники в состав ансамбля исторического наследия Бразилиа, поскольку они свидетельствуют о духе первопроходцев, создавших город, и, значит, являются памятником эпохе, когда строительство новой национальной столицы воспринималось как коллективное начинание, объединяющее рабочих и инженеров, богатых и бедных⁶⁹.

Архитектурное возвращение?

За прошедшие шестьдесят лет социальные условия в Плану-Пилоту существенно изменились. Растущие цены на жилье постепенно вытесняли оттуда менее состоятельные семьи, так что массовая застройка превратилась в элитарную. Большая часть населения принадлежит теперь к имущим классам: у 80%

есть высшее образование, 83% являются собственниками своих квартир. Уровень дохода в расчете на домохозяйство там в два раза выше, чем в среднем по Федеральному округу, и в шесть раз выше, чем в Санта-Марии, самом бедном городе столичной агломерации⁷⁰. Можно сказать, что Плану-Пилоту стал «нормальнее» — более похожим на другие крупные города Бразилии, где сильно расслоение по уровню доходов. В результате пространства внутри кварталов теперь используются согласно предпочтениям состоятельных жителей. Типовые дизайнерские решения и предназначенные для общего использования зоны менялись по мере того, как индивидуализировался образ жизни горожан⁷¹. Фасады и внутренние помещения разных жилых зданий реконструировали не по единому стандарту. Общедоступные зеленые зоны превращались в частные сады. Открытость и проницаемость многоквартирных домов, предписанные охраной исторических памятников, нивелировались изошренной системой контроля, включающей, как уже было сказано, отсутствие общественного транспорта в выходные дни. Угасанию общественной активности внутри кварталов способствовал целый ряд причин. У государственного образования в Бразилии очень плохая репутация, и родители из среднего класса редко отправляют своих детей учиться в местную школу, а вместо этого возят на машине в отдаленную частную⁷². То же относится и к внешкольному образованию, и к занятиям спортом — чаще всего соответствующие заведения предназначены для определенных социальных групп и расположены вне квартала⁷³. Таким образом, высокий уровень автомобилизации, один из принципов планировочного решения города, способствовал забвению другого основополагающего принципа — самодостаточности соседского сообщества. В 1997 году Законодательное собрание Федерального округа Бразилиа разрешило патрулировать кварталы частным охранным компаниям, использовать камеры наблюдения и устанавливать шлагбаумы, препятствующие доступу посторонних транспортных средств в общественные зоны квартала. Это решение явно противоречит идее открытости — неудивительно, что против него протестовал и сам Лусио Коста, — но тогда же в городе был введен и запрет на сооружение новых оград и изгородей, обусловленный необходимостью сохранения исторической среды⁷⁴. Свобода доступа

в общественные зоны вокруг зданий до сих пор является предметом ожесточенной борьбы, но пока это не привело к таким последствиям, как в других бразильских городах, где средний класс обитает практически исключительно в жилых комплексах за высокими заборами.

По случаю полувекового юбилея города архитектурный критик Клиффорд Пирсон предсказал ему «архитектурное возвращение»⁷⁵. Жилые коробки Бразилиа, пишет он, не просто не утратили своей актуальности, но и могут послужить вдохновляющим примером для городов вроде Сан-Паулу. Специалисты даже превозносят теперь многие особенности градостроительного решения новой столицы, которые в 1960-е годы вызывали критику. Положительной оценки недавно удостоилось, к примеру, сочетание повальной автомобилизации с традицией проводить время на свежем воздухе: это создает «антураж Южной Калифорнии». Тот же Клиффорд Пирсон обнаруживает «курьезное обаяние» в многочисленных градостроительных ошибках Бразилиа, относя к таковым претенциозный Кафедральный собор⁷⁶. По-новому воспринимают многие и жизнь городского сообщества. Искусствовед Жан-Луи Коэн провозгласил Бразилиа «историей градостроительного успеха», особо отметив, что критики города основывались на лаконичных черно-белых фотографиях, тогда как в наше время к ним добавляется изрядная порция «бразильского цвета»: базары под открытым небом и на первых этажах магазинов смягчают предусмотренное Костой жесткое географическое разнесение функций⁷⁷. Историк Ричард Уильямс подчеркивает, что для Бразилиа характерна своя особая форма городской жизни, связанная не с буржуазной традицией времяпрепровождения на террасе кафе, а с коллективным переживанием архитектурного монументализма, который в положительном смысле «потрясает» зрителей⁷⁸. Архитектор Матеус Горовиц, наоборот, отмечает традиционные формы городской жизни; по его наблюдениям, многочисленные общественные пространства Бразилиа, в том числе церкви и торговые центры, стали местами проведения торжеств, связанных с футбольными матчами, предвыборными кампаниями и карнавалом⁷⁹. Его коллега Карлос Морейра Тейшейра вдобавок настаивает, что — помимо любых форм городской жизни — уникальность опыту пребывания в Бразилиа прида-

ет ландшафт⁸⁰. Это мнение разделяет и фотограф Тодд Эберле, который фиксирует странную красоту столицы: с одной стороны, четкая геометрия кварталов, обрамленных пышной зеленью и невероятными облаками, а с другой — запустение, которое сглаживает острые бетонные грани и придает городу человеческий облик⁸¹.

Жилые коробки играют в сегодняшнем Бразилиа заметно меньшую роль, чем шестьдесят лет назад. Но если в Чикаго, Париже или Берлине массовую застройку либо сносят, либо реконструируют, то в бразильской столице ее переосмысляют. Плану-Пилоту, построенный с использованием лучших строительных технологий и находящийся под защитой законов об охране исторических памятников, по статусу сопоставим со старинным центром европейского города. Подобно кварталам XVII века в Амстердаме или венецианским палаццо, он остается наиболее ярким символом всего города, даже утратив свою былую важность в повседневной жизни. И так же как это происходит в исторических районах Амстердама или Венеции, все большую долю его жителей составляют представители богатых и образованных слоев. Привлекательность Бразилиа объясняется не только его небольшими размерами, умеренным климатом и в семь раз более низким, чем в Сан-Паулу, уровнем преступности⁸². Обитатели Плану-Пилоту, как и жители центра Амстердама или Венеции, скорее всего, высоко ценят выдающуюся архитектуру и каждодневное переживание истории — в данном случае истории XX века, а не раннего Нового времени.

Даже шестьдесят лет спустя после основания города видно, как важны были для его создателей открытость планировки и общедоступность публичных пространств, но многоквартирные здания Бразилиа так никогда и не смогли соответствовать идеалу истинно эгалитарного массового жилья. С самого начала подчиненные логике глубокого классового расслоения, с годами они все больше напоминали роскошные кондоминиумы в других странах, такие как Миллениум Сентер в Чикаго или Жэньхэн-Бинцзяньюань в Шанхае. В них селятся богатые, а не бедные; они расположены в центре города, а не на окраинах; они обеспечивают гораздо более высокое качество жизни, чем в среднем по городу. Среди привилегированных 20% населения

Бразилиа, которым не приходится жить в непригодных для человека условиях, модернистские коробки все популярнее. Однако надежды на построение справедливого общества эти здания не символизируют — для своих обитателей они не более чем просто жилье.

ГЛАВА 6.

МУМБАИ: МАССОВОЕ ЖИЛЬЕ ДЛЯ ВЫСШЕГО ОБЩЕСТВА

Трущобы
и башни

Мумбаи¹ разрушает множество стереотипов, сложившихся вокруг массовой жилой застройки. Этот мегаполис — сосредоточие такого

типа жилья в Индии — дает немало материала для размышлений о взаимовлиянии между местными условиями и глобальными представлениями о модернизации. В отличие от Парижа или Берлина, здесь в современных многоквартирных домах живут в основном представители привилегированных слоев населения. В стране, где абсолютное большинство живет в невероятной бедности, привилегированность, разумеется, понятие относительное. Построенное с надлежащими согласованиями жилье и тем более такие удобства, как горячая вода или электричество, доступны лишь меньшинству. Стандарты, к которым привыкли даже самые бедные жители любой западной страны (водопровод, крепкие стены или наличие в квартире всего необходимого для жизни), чаще всего остаются недоступными для индийцев. Характер массовой застройки в Мумбаи определяется тем, что местные бедные не могут позволить себе квартиры даже в самом дешевом жилье, поскольку у них нет денег на элементарное техническое обслуживание. Подавляющее большинство населения города оказывается таким образом по определению вне жилищного рынка, как бы сильно он ни субсидировался из бюджета. В Индии задачу обеспечить равные жилищные условия для всех ставили так же, как в Советском Союзе, Германии или Франции, однако в отличие от этих стран, где с помощью правительственных программ жилищный кризис был разрешен или по крайней мере купирован, нехватка жилья в Мумбаи ощущается сейчас острее, чем когда бы то ни было. Демография играет тут огромную роль. В отличие

6.1 Мумбаи

от многих северных городов, где население уменьшалось или по крайней мере не росло, число жителей Мумбаи увеличилось с 1960-х годов по крайней мере десятикратно.

Несмотря на многочисленные различия, сравнить дискуссии о модернизации и массовом жилье в этих городах все же возможно. Как и во Франции или Германии, в Индии есть традиция предпринимаемых властями попыток улучшить жуткие условия, в которых вынуждено существовать большинство населения. В десятилетия, последовавшие за провозглашением независимости страны в 1947 году, правительства, вдохновляемые социалистическими идеями, искали решение жилищного вопроса и строительство типового жилья было неотъемлемой частью их планов. Однако основная задача — улучшить условия жизни

большинства индийцев — так и осталась невыполненной. Наряду с резким ростом численности населения и миграцией из деревень в города, из-за чего достигнутые объемы строительства многоквартирного жилья оказались каплей в море, в качестве причин часто приводят непоследовательность в осуществлении жилищной политики, высокий уровень коррупции, влияние строительного лобби, неэффективность бюрократической машины, а также соотношение сил на планете, препятствующее экономическому росту Индии. В итоге массовая застройка занимает довольно необычное место в городской ткани индийских мегаполисов, и особенно Мумбаи. Она и символ неосуществившейся мечты о справедливом устройстве общества, и иллюстрация самых насущных задач, стоящих перед современной Индией.

В отличие от Чикаго или Парижа, в Мумбаи коробки и башни никогда не претерпевали репутационного краха, но и настоящим успехом тоже не стали. Лучшие из них по-прежнему популярны среди зажиточных слоев, а худшие (протекающими крышами, неработающими лифтами и обитателями за чертой бедности они очень напоминают Роберт Тейлор Хоумз в Чикаго или Сите де Катр-Миль под Парижем) все равно гораздо надежнее, чем лачуга или несколько листов полиэтилена. Массовая застройка почти не повлияла на жесточайший дефицит жилья, тем не менее в абсолютных цифрах ее роль нельзя назвать несущественной. По приблизительным оценкам, в примерно 200 000 квартир, построенных государственными агентствами с 1947-го и до начала 1990-х годов, проживает около миллиона человек, то есть примерно каждый десятый мумбаец². Это число кажется небольшим по сравнению с более чем пятью миллионами горожан, ютящихся сейчас в самодельных жилищах, но производит впечатление на фоне, скажем, 20 000 муниципальных квартир, построенных за послевоенные десятилетия в Чикаго с его населением в 3,5 миллиона³.

Как и в Париже, политика серийного сооружения жилья была в Мумбаи реакцией на зоны самовольной застройки, которые обычно обозначают термином «трущобы». В Мумбаи они есть почти в любом районе. Лачуги из кусков дерева или листов рифленого железа, кажется, попадаются тут на каждом шагу — рядом с парками, промышленными предприятиями или железнодорожными путями, а также вблизи многоквартирных

6.2 Картонные коробки и башня — самовольная застройка рядом с роскошными зданиями Нариман-пойнт

домов для среднего класса. Как и в Париже или Бразилиа, многие трущобы — это бывшие временки, где жили те, кто сначала строил, а потом обслуживал многоэтажные башни. Мумбайские трущобы сильно отличаются друг от друга в зависимости от того, какая именно прослойка городской бедноты обитает в той или иной точке, но быстрый рост — одна из объединяющих их черт. До провозглашения независимости они были редкостью, а с 1960-х годов распространены повсеместно⁴. Стремительнее всего они росли как раз в тот период, когда муниципалитет упорно — и безуспешно — пытался избавиться от них город.

В последние тридцать лет обитатели трущоб все чаще создают организации для защиты своих прав, однако подход властей к проблеме по-прежнему можно назвать половинчатым.

С начала 1960-х годов и до наших дней муниципалитет провел немало операций по зачистке трущоб, обещая насильственно выселяемым жителям площади в капитальных зданиях, которые так никогда и не были построены. После 1970-х зачистки продолжались, но основные усилия чиновников были уже направлены на реконструкцию трущоб: в них появлялись водопровод, электроснабжение и услуги по вывозу мусора⁵. Финансирование не соответствовало масштабу задачи, так что результаты были незначительными и совершенно незаметными для абсолютного большинства обитателей трущоб. Другие попытки оказались столь же неэффективны. Самая на шумевшая из них — ограничение размера земельных участков в частной собственности, предусмотренное Законом о потолке владения городской землей и ее регулировании, который действовал с 1976 по 2007 год. В теории он создавал условия для экспроприации земли под строительство многоквартирных зданий для бедноты, но на деле почти не работал⁶. Так, наряду с серийными многоквартирными зданиями трущобы представляют собой второй тип массовой жилой застройки Мумбаи.

Мегаполис
на семи
островах

Столица штата Махараштра Мумбаи — крупнейшая городская агломерация Индии. С учетом только ближайших пригородов в городе живет 12 миллионов человек, а во всей агломерации в целом — 19 миллионов⁷. В момент провозглашения независимости в 1947 году население города и округа составляло 2,8 миллиона, а территория считалась довольно богатой. В финансовом смысле разделение Британской Индии было очень выгодным для Мумбаи, поскольку сделало его единственным портом на западном побережье Индии (его главный конкурент Карачи остался на территории Пакистана). Помимо морской торговли, основным источником дохода была хлопчатобумажная промышленность, в которой в 1961 году был занят каждый второй работоспособный горожанин. Однако к 1996 году из имевшихся в отрасли в 1961-м 250 000 рабочих мест сохранилось лишь 40 000⁸. Сегодняшний Мумбаи в большей мере полагается не на промышленность, а на информационные технологии и статус финансовой столицы Индии, а также на Болливуд

с его крупнейшими в мире объемами кинематографического производства. Соседство высоко- и низкотехнологичных производств делает Мумбаи городом с очень высоким даже по индийским стандартам уровнем неравенства.

Огромное влияние на местную политику в области строительства оказывает особое географическое положение города. Мумбаи был основан на нескольких болотистых островах вблизи индийского побережья Аравийского моря. Осушение протоков между ними постепенно привело к образованию нынешнего полуострова, центральная часть которого лежит ниже уровня моря и часто затапливается в сезон дождей. Длина полуострова от его южной оконечности до северной границы Большого Мумбаи составляет около пятидесяти километров. Центр города расположен ближе к югу, в той части полуострова, которая когда-то была семью островами, а теперь известна как Айленд-сити («Островной город»). Ширина суши в этом районе варьируется от полутора до восьми километров. Часть Аравийского моря к западу и юго-западу от Айленд-сити носит название залива Бэк-Бэй («Задняя бухта», хотя по сути это открытое море), а акватория мумбайского порта, отделяющая полуостров от материка, называется Фронт-Бэй («Передняя бухта»). Исторически центр города был обращен к порту, однако в течение XX века он развернулся в сторону залива Бэк-Бэй. Чем дальше к северу, тем шире становится полуостров. Бывший остров Солсетт, образующий самую северную часть Большого Мумбаи, растянут с запада на восток на восемнадцать — двадцать пять километров и отделен от материка двумя рукавами впадающей в Аравийское море реки Алхас — Васай-крик на севере и Тхане-крик на востоке. Застроенные участки Солсетта — который не относится к числу первоначальных семи островов — в городе принято называть «пригородами». Центр Мумбаи отделен от материка заливом, который представляет собой продолжение устья Тхане-крик и достигает десяти километров в ширину. Его южная часть образует акваторию порта. Хотя предложения напрямую соединить центр города и материк десятикилометровым мостом раздаются еще с 1960-х годов, единственной связью между ними до сих пор остается узкое основание полуострова. Все эти географические особенности резко ограничивают потенциал роста агломерации. Уже в 1950-х годах городская застройка достигла пригоро-

дов на острове Солсетт. В 1970-х власти многократно пытались децентрализовать Мумбаи, и на материке напротив исторического центра был основан город Нави-Мумбаи (Новый Мумбаи). В наше время большая часть застроенной территории приходится на Солсетт и материковые районы, а население исторического центра в пределах Айленд-сити неуклонно сокращается. Тем не менее именно там по-прежнему расположен главный деловой район и сосредоточена торговая активность (причина постоянных автомобильных пробок). Цены на недвижимость в Айленд-сити растут с невероятной скоростью, а основная масса низкооплачиваемых работников вынуждена дважды в день перемещаться между пригородами и центром, что ставит улицы и железные дороги в узком основании полуострова на грань полного коллапса. Градостроительные документы называют дисбаланс между растущим населением и ограниченным количеством земли основным источником проблем агломерации. По этой же причине условия жизни здесь неуклонно ухудшаются с 1939 года, когда хотя бы для среднего класса число жилищ превышало число потенциальных нанимателей. Еще в 1960-х было объявлено — и с тех пор власти регулярно это повторяют, — что центр города достиг предела своих возможностей в смысле численности населения и объема автомобильного движения и необходима децентрализация. Национальная комиссия по урбанизации, напротив, отмечает динамизм города и его экономический потенциал: это и причины, и следствия роста численности населения. При таком подходе вера в то, что миграцию можно остановить политическими решениями, представляется крайне наивной. Острота жилищного кризиса и возможность гигантских доходов от перепродажи земли дают частным компаниям огромное влияние на ситуацию в городе⁹.

Вследствие дефицита земельных ресурсов на полуострове Мумбаи не имеет в Индии конкурентов по числу жилых высоток. В наши дни в городе сложно найти представителя среднего класса, который живет не в многоэтажном здании. До провозглашения независимости высота застройки в Мумбаи была ограничена двадцатью тремя метрами, что примерно соответствует размерам жилых домов XIX века в Париже или Берлине¹⁰. После 1947 года это правило официально перестало действовать, однако в период полного государственного контроля

за строительством новые жилые дома редко превышали пять этажей. Такое положение сохранялось до 1990-х годов, когда либерализация экономики и рост цен на землю привели к молниеносным изменениям. Сейчас высота в пятьдесят этажей не кажется чем-то исключительным для качественного многоквартирного дома в престижном районе.

Колониальные предшественники: чоулы и многоквартирные здания

В истории массовой жилой застройки в Мумбаи, которая начинается в колониальную эпоху, можно выделить три периода. В конце XIX века город из небольшой торговой фактории превратился в крупный промышленный центр. Это сформировало спрос на дешевое жилье, строительством которого занялись как частные, так и общественные институты. После провозглашения независимости государство стало проводить в жизнь собственную жилищную политику, с некоторыми изменениями она прослеживается до 1990-х годов. За это время власти осуществили немало проектов массовой жилой застройки для бедных слоев населения, которые во многом напоминали парижские, чикагские или берлинские. Упадок системы государственного контроля начался еще в 1970-х, а в 1990-х Индия официально отказалась от квазисоциалистической экономики с ее опорой на субсидированный импорт и центральное планирование, что открыло дорогу к свободному рынку. Параллельно Мумбаи превращался из регионального промышленного центра в глобальный мегаполис, сердце индийской информационной отрасли. В этой и следующих подглавах я опишу особенности жилищной политики в каждый из этих периодов и перечислю важнейшие нововведения.

Предшественниками массовой жилой застройки Мумбаи можно считать очень непохожие друг на друга западное многоквартирное здание и чоул. С первым город познакомился в 1930-х годах, когда появились жилые дома в стиле ар-деко. В основном это были четырехэтажные многоквартирные здания для городской элиты — к примеру, на осушенных участках залива Бэк-Бэй к западу от исторического центра. Типичный образец — построенный в 1934 году на площади Овал-майдан

комплекс Шив-Шанти-Бхаван с богато украшенными фасадами. Здания в стиле ар-деко выстроились и вдоль трехкилометрового приморского бульвара на новой береговой линии залива Бэк-Бэй — он подражал Оушен-драйву в Майами и потому получил название Марин-драйв (сейчас это официально Нетаджи-Субхас-Чандра-Бос-роуд). Эти дома из стали, бетона и кирпича отличаются скромной элегантностью. Для индийской элиты переезд в них означал решительный шаг в сторону западного образа жизни. Викторианский город превращался в современный космополитичный мегаполис — об этом свидетельствовали и стилистические особенности, и планировочные решения новых зданий.

Чоулы — иллюстрация темной стороны этого превращения. Развитие хлопчатобумажной промышленности в конце XIX века привело к огромному притоку в Мумбаи рабочих, которые находили пристанище в перенаселенном дешевом жилье к северу от района исторического центра, известного под названием Форт. Чоулы — архитектурный ответ на вызов быстрого индустриального роста, аналог доходных домов в Глазго или в Берлине. Это здания от одного до четырех этажей в высоту, с кирпичными стенами на несущем каркасе из деревянных балок; каждая семья жила там в одной комнате, деля с соседями общий туалет и водную колонку. Комнаты были расположены вдоль центрального коридора, как палатки в военном лагере. В первые годы обитателями чоулов по большей части были приехавшие из деревень одинокие мужчины, целые семьи стали селиться в них позднее. Первоначально чоулы строили частные компании, но к началу XX века плотность населения в них достигла катастрофических показателей, и новые, построенные уже на государственные средства чоулы стали первым примером вмешательства британских властей в жилищный рынок Мумбаи. Заказчиками выступали два государственных учреждения: сначала Бомбейский трест по переустройству города, основанный в 1898 году для улучшения санитарных условий в городе после эпидемии бубонной чумы, а позднее — Бомбейское управление развития. Оба они оказали огромное влияние на градостроительную ситуацию в Мумбаи. Несмотря на критику «трестовых чоулов», которые также были перенаселены и, по мнению многих, никак не улучшили условия жизни рабочих, Бомбейский трест по пе-

реустройству города под тем или иным названием продолжал осуществлять свою политику на протяжении большей части XX века¹¹. Чоулы Чанданвади (1904) дают представление о такой застройке. Они расположены к югу от Чанданвади-роуд в рабочем районе Калбадеви и состоят из четырехэтажных кирпичных зданий с внутренними дворами между ними. Они и сегодня крайне перенаселены, но по мумбайским стандартам здесь по-прежнему на удивление много открытых пространств. Построенные в 1923 году к северу от центра чоулы на Джиджабаи-Бхосале-марг (в непосредственной близости от многочисленных ткацких фабрик) — пример использования в строительстве ранних индустриальных методов: стены сложены уже не из кирпича, а из бетонных блоков. Чоул как тип здания существовал и после провозглашения независимости: даже в 1960-е построенные на бюджетные деньги массивы дешевого

6.3 Чоулы Чанданвади (1904), построенные Бомбейским трестом по переустройству города для промышленных рабочих

жилья зачастую состояли из примерно таких же комнат с общими туалетами и длинными центральными коридорами. В лучшем случае здания были дополнены верандами.

От независи-
мости до нео-
либерализма:
жилищная
политика
в условиях
смешанной
экономики

До 1980-х годов экономическая политика индийского правительства во многом напоминала социалистическую. Джавахарлал Неру, занимавший пост премьер-министра страны с 1947 по 1964 год, считал оправданным высокий уровень государственного контроля за экономикой и в то же время энергично поддерживал индустриализацию. Экономические задачи формулировались в пятилетних про-

граммах, которые принимала Национальная комиссия по планированию. Строительство субсидируемого из бюджета жилья было неотъемлемой их частью. В знаменитом девизе «Хлеб, одежда и крыша над головой» выражена ответственность за удовлетворение базовых нужд населения, которую брало на себя индийское правительство. Подобно многим другим освободившимся от колониальной зависимости нациям, индийцы с оптимизмом смотрели в будущее и считали, что бедность и голод уйдут вместе с империалистами, которые систематически подрывали экономические основы жизни их страны. В правительственных документах 1950-х годов постоянно говорится о важности прогресса и отдельной человеческой жизни, причем многие из этих надежд связаны с рациональным планированием. Увы, им не суждено было осуществиться. Сфера государственной ответственности расширялась и параллельно росла численность неподконтрольной никому бюрократии, погрязшей в коррупции. Движение решений о строительстве муниципального жилья по инстанциям было особенно медленным: современник жаловался, что «докладная записка должна быть подписана по меньшей мере шестью начальниками, прежде чем становится возможным хотя бы планировать какие-либо осмысленные действия»¹². В первой половине 1960-х, когда со сцены сошли лидеры круга Неру, руководившие борьбой с британским господством, из официальной риторики постепенно исчезли заявления о справедливости и все-

общем благе, а молодое поколение стало разочаровываться в политике¹³.

Тогда же, однако, начали реализовываться программы жилищного строительства, разработанные и принятые еще в 1950-е годы. Огосударствление индийской экономики никогда не было настолько полным, чтобы преобразования в строительной отрасли стали там такими же глубокими, как в Советском Союзе или Восточной Германии. Скорее, правительство страны осуществляло отдельные проекты, причем их масштаб непрерывно снижался: в 1947 году инвестиции в жилищную отрасль составили 7% бюджета, а в 1972-м — только 1%¹⁴. В Мумбаи этот процесс происходил одновременно на многих уровнях государственного аппарата. Региональный жилищный комитет и его образованный в 1976 году правопреемник Управление жилищного и территориального развития штата Махараштра были самыми крупными застройщиками — построенные ими массивы стоят сегодня по всему городу. Большая часть финансирования поступала к ним от контролируемых из Дели национальных учреждений, например Центрального департамента общественных работ. Государственные компании, такие как нефтяной монополист Indian Oil, национальная железнодорожная компания Indian Railway или банк Reserve Bank of India, часто строили жилье для своих сотрудников.

Квартиры в домах, построенных государственными учреждениями, чаще всего предназначались для жилищного найма. Подобно СССР, КНР или ГДР, Индия жестко контролировала размер взимаемой с жильцов арендной платы. В 1947-м она была заморожена, а арендодатели были лишены практически любой возможности прекратить контракт. В результате резко сократились и частные инвестиции, и число новых договоров найма между частными лицами. Правительственные организации стали практически единственным поставщиком новых арендных площадей на рынок жилья¹⁵.

Любой проект жилищной застройки в Мумбаи, как и во всей Индии, был адресован конкретной социальной группе с четко определенным уровнем доходов. Правительство различало «экономически слабые слои», «низкодоходную группу», «среднедоходную группу» и «высокодоходную группу». Жилье первых двух уровней строилось для промышленных рабочих

6.4 Комплекс Каннамвар-Нагар, построенный в 1970-е годы для «низкодоходной группы» населения

и поденных работников, а в домах среднего уровня, которые все равно были более чем скромными по западным меркам, чаще всего селились мелкие служащие государственных органов и частных корпораций. Из общего числа квартир, построенных Жилищным комитетом и Управлением жилищного и территориального развития, 75% были для «экономически слабых слоев» и «низкодоходной группы»¹⁶. В 1960-е правительственные агентства разработали множество простых типовых проектов домов для низко- и среднедоходной групп. Лучшие из них были собраны в специальном издании Национальной организации строительства как ориентиры для будущих проектировщиков¹⁷. Квартиры для групп разного дохода различались в первую очередь по площади. Такой подход к проектированию преподносился как «интеллектуальная принципиальность» в борьбе с низкокачественным жильем¹⁸.

Даже при проектировании кварталов для низкодоходной группы применялись довольно высокие градостроительные стандарты. Возьмем, например, заложенный около 1970 года комплекс Каннамвар-Нагар в северо-восточном пригороде

Вихроли. Пятиэтажные жилые дома расположены вокруг центральной площади («майдана» на хинди). Такое решение несомненно напоминает о городе-саде Эбенизера Говарда или о берлинском квартале Хуфайзен Бруно Таута, но оно и дань местной традиции. Майданы обустривались в индийских и персидских городах на протяжении многих веков; в самом Мумбаи знаменита площадь Овал-майдан в центральном районе Форт. В наше время такие майданы используются для встреч, гуляний и, главное, игры в крикет. В Каннамвар-Нагаре круглый майдан — географический и общественный центр комплекса, отделенного от остального города шестиполосным скоростным шоссе. До железнодорожной станции Вихроли отсюда полчаса пути, в том числе и по надземным переходам через шоссе — такое географическое положение усиливает ощущение уединенности и самодостаточности квартала.

Уровень архитектурного и градостроительного проектирования в Каннамвар-Нагаре и других подобных комплексах обеспечивал гораздо более высокое качество жизни, чем в трущобных кварталах, и этот контраст с самого начала создавал давление на государственные жилищные программы. С одной стороны, чиновники подвергались огромному коррупционному искушению: в теории, жильцы для новых домов должны были подбираться с помощью лотереи. С другой — немедленно возник черный рынок, на котором продавались арендные договоры, так что в предназначенных для промышленных рабочих кварталах стали жить представители среднего класса, правительственные служащие и другие белые воротнички. Исследование второй половины 1980-х показало, что из примерно 75000 квартир, построенных Жилищным комитетом и Управлением жилищного и территориального развития для экономически слабой и низкодоходной групп с 1952 по 1986 год, около 40% заняты представителями более высокодоходных групп, которые выкупили арендные договоры у первоначальных жильцов. Такие сделки, хотя они и противоречили закону, были очень распространены, поскольку в случае финансовых трудностей арендованная квартира была, особенно для самых бедных семей, единственной имевшейся в их распоряжении ценностью. Сумма, которая при этом переходила из рук в руки, была сравнима с рыночной стоимостью подобной квартиры¹⁹.

6.5 Дом для «средне-
доходной группы» на
дороге № 4 в комплек-
се Сахакар-Нагар

Обслуживание массового жилья представляло собой огромную проблему, и чем дальше, тем больше. По политическим соображениям власти не могли повышать арендную плату, которая сразу после окончания строительства фиксировалась на более или менее номинальном уровне и не покрывала стоимости даже самых необходимых ремонтных работ. Типичный жилец старого, находящегося в ужасном состоянии дома платил в 2006 году 100 рупий в месяц — примерно два с половиной американских доллара²⁰. Таким образом, и Жилищный комитет, и Управление жилищного и территориального развития должны были непрерывно инвестировать в свои здания дополнительные средства, и этого все равно всегда не хватало.

Примерно треть (из более чем девяноста) построенных ими комплексов с самого начала предназначались для жильцов со средним доходом. Типичным из них можно считать Сахакар-Нагар 1 — иногда его еще называют колонией Shell, поскольку на каком-то этапе квартиры здесь в основном получали сотрудники этой компании²¹. Комплекс, строительство которого было начато в 1976 году, состоит из зданий нескольких ти-

пов, в том числе одноэтажных садовых павильонов и — главным образом — трехэтажных многоквартирных домов, окруженных зелеными насаждениями. До настоящего времени здесь в основном живут правительственные чиновники и менеджеры среднего звена, работающие в крупных корпорациях. Они ценят тишину и покой в десяти минутах ходьбы от станции пригородной железной дороги. В целом Сахакар-Нагар 1 оставляет ощущение зеленого европейского пригорода.

Построенный Управлением жилищного и территориального развития в начале 1990-х Сахъядри-Нагар в северном районе Чаркоп — еще один пример жилого комплекса для низкодходной группы. Он предназначался для рабочих государственной строительной компании, перебравшихся в Мумбаи из округа Сатара в Махараштре²². Комплекс состоит из пятиэтажных домов, в каждом из которых от 30 до 60 квартир. Их фасады выглядят так же, как в кварталах для среднедходной группы; отличаются только площади квартир (здесь это 24, 26 или 40 квадратных метров).

Другие государственные институты строили похожие комплексы, например колонию работников Треста мумбайского порта в Вадале на востоке города²³ или колонию работников типографии Mudran Press в Андхери на западе²⁴. Обе они расположены в пригородах и построены в 1970-е годы. Сотрудники соответствующих организаций обычно обязаны были освободить жилплощадь, когда увольнялись или выходили на пенсию. В первой жили самые низкооплачиваемые работники портовых служб, а во второй — рабочие типографии, где печатались правительственные издания.

С 1993 года и до наших дней: государство как координатор жилищной политики

Начало 1990-х стало переломным периодом для индийской политики в области массового жилья. В 1991-м правительство официально отказалось от контролируемой государством смешанной экономики и провозгласило Новую экономическую политику. Постепенное ослабление регулятивных механизмов началось еще в конце 1970-х, и с тех пор этот процесс непрерывно ускорялся. Принятые в 1991 году законы стали результатом хронического дефицита государственного бюджета, кото-

рый поставил страну на грань банкротства. Новые принципы отводили государству роль не поставщика жилья, а скорее координатора жилищной политики. Его возможности влиять на то, как частные землевладельцы распоряжаются своим имуществом, были понемногу сведены на нет. В 2007-м был отменен Закон о потолке владения городской землей и ее регулировании, который ограничивал размер земельных участков и создавал правовые условия для их экспроприации, — тем более что, как не уставали твердить критики, он никогда по-настоящему не применялся. Хотя строительная отрасль функционировала теперь по рыночным правилам, а технические нормы сооружения жилья все больше учитывали интересы инвесторов, правительство не отказалось от ответственности за жилищный сектор полностью, сохранив свое влияние на разных уровнях. Кроме того, оно содействовало крупномасштабным проектам и участвовало в частно-государственных партнерствах разного типа, от строительства дорогих жилых комплексов до реновации трущоб. Законодательный контроль за размером арендной платы — второй из имевшихся у государства механизмов влияния на рынок жилья — сохранился до сих пор.

За описываемый период большая часть профинансированных из бюджета проектов массовой жилой застройки, осуществленных как Управлением жилищного и территориального развития, так и крупными государственными работодателями типа Треста мумбайского порта, были преобразованы в жилищные кооперативы. Государство таким образом косвенно признало, что главный недостаток подобного жилья — плохое техническое обслуживание. Власти были не способны обеспечивать бесконечную череду ремонтов, необходимость в которых возникала из-за низкого качества строительства, и уступили права на здания кооперативам, в которые объединились сами жильцы, ставшие, по сути, собственниками своих квартир. Получив недвижимость практически бесплатно, они одновременно приняли на себя огромные издержки по ее обслуживанию, которые, как оказалось, во много раз превосходили вносимую ими ранее арендную плату. Те, кому это было не по карману, продавали свои квартиры; многие были вынуждены вернуться в трущобы, но по крайней мере имели доход от продажи. Более обеспеченные жильцы, которые были в состоянии

платить регулярные кооперативные взносы, чаще всего принимали решение о реновации своих кварталов, которая означала снос прежних зданий и строительство на их месте новых. И описанные выше Каннамвар-Нагар и Сахакар-Нагар, и многие другие жилые комплексы за последние годы преобразованы в кооперативы и должны быть реновированы в ближайшем будущем²⁵. Финансирование таких проектов основано на высокой стоимости земли. Новая застройка оказывается выше и плотнее старой, так что продажа или сдача в аренду дополнительных квартир по рыночным ценам обеспечивает жилищным кооперативам значительный доход. Хотя этот процесс часто описывается как в равной степени выгодный и для государства, и для ставших собственниками нанимателей социального жилья, точнее было бы сказать, что он очень выгоден одним и едва выгоден другим: жители побогаче, которые могут остаться и получить прибыль от реновации, выигрывают очень много, а тем, кто вынужден переезжать, достается куда меньше. Происходящее демонстрирует решительный отказ от сформулированных тридцать лет назад принципов справедливости и целей жилищной политики (искоренение трущоб и обеспечение равных условий жизни для всего населения).

Ожесточенные споры вызвал новый механизм борьбы с трущобами силами частных застройщиков, складывавшийся начиная с первой половины 1990-х годов. Основным государственным органом, вовлеченным в этот процесс, было учрежденное в 1995 году Управление реконструкции трущоб (УРТ), и его проекты стали называть «проектами УРТ»²⁶. Частному инвестору передавались права собственности и застройки на участке, где находились трущобы, а он в ответ принимал на себя обязательство обеспечить бесплатным жильем местных обитателей. Разумеется, это было возможно только при увеличении плотности застройки: на участке должны были уместиться и новые дома для бедноты, и дополнительные жилые площади, чаще всего — роскошные высотки, продажа квартир в которых по рыночной стоимости и делала бы все мероприятие прибыльным для инвестора.

Проекты УРТ стали возможными благодаря введенному еще в 1967 году так называемому «коэффициенту полезной площади» (КПП) — мощному инструменту в руках государства

6.6 Самый высокий жилой комплекс Мумбаи — башни Империял архитектора Хафиза Контрактора

как координатора жилищной политики. КПП — это соотношение между общей площадью здания и площадью занимаемого им участка, оценка плотности застройки на данной территории. В Мумбаи, как и в любом городе с активно развивающейся экономикой, земля всегда дефицит, и ее недостаток особенно

остро ощущается в Айленд-сити. В условиях свободного рынка инвесторы всегда стремятся построить как можно более высокие здания в самых привлекательных местах центра, однако муниципальные власти вводят ограничения КПП для соблюдения минимальных требований к освещенности и циркуляции воздуха. В свою очередь, участие в проектах УРТ обеспечивает девелоперам дополнительные единицы КПП и дает возможность получать доход от продажи большего числа квартир.

В качестве примера рассмотрим башни-близнецы жилого комплекса Империял в центральном районе Тардео, рядом с бывшими ткацкими производствами к западу от Пандит-Мадан-Мохан-Малавия-роуд. Построенный компанией Shapoorji Pallonji Group по проекту Хафиза Контрактора комплекс — это два облицованных алюминием пятидесятиэтажных жилых небоскреба с бассейном, клубом, автомойкой, девятиуровневой подземной парковкой и супермаркетом и — несколько спартанских шестиэтажных зданий из бетона, где расселены 2500 семей, ранее живших в лачугах на этом участке.

Империял иллюстрирует еще одну важную особенность массовой жилой застройки Мумбаи: нигде в мире не связаны так неразрывно столь разные архитектурные явления, порожденные модернизмом, — роскошный кондоминиум и типовое жилье для бедных. В Чикаго комплекс Лейк-Шор-Драйв Апартаментс отделен от социального жилья Роберт Тейлор Хоумз расстоянием в 15 километров и пропастью размером с вселенную, а в Мумбаи роскошь существует порой лишь в нескольких шагах от нищеты. Разумеется, и там и там эти миры тесно связаны экономически, но в Мумбаи, в отличие от Чикаго, еще и пространственно. Многие состоятельные обитатели башен Империяла прагматично мирятся с этим: им удобно, что их шоферы и горничные живут прямо по соседству. Комплексы такого типа добиваются практически невозможного: не прибегая к государственному финансированию и основываясь исключительно на рыночных механизмах, обеспечивают обитателей трущоб новым «бесплатным» жильем и одновременно удовлетворяют спрос в наиболее быстро растущем сегменте рынка недвижимости в Мумбаи — на квартиры для самых богатых 5% населения.

Гениальное решение жилищной проблемы? Едва ли. Каким бы благом ни была для обитателя трущоб новая квартира,

в сочетании высоко- и низкокачественного массового жилья изначально заложено множество недостатков. Прежде всего, эта стратегия работает только для очень ограниченного числа районов в самом центре, где стоимость земли резко выросла с 1980-х годов и сейчас достаточно высока, чтобы окупить и новое строительство, и расселение прежних обитателей. Большинство трущоб находится в гораздо менее привлекательных частях города, и модель УРТ там неприменима, поскольку покупатели не могут или не хотят брать на себя дополнительные расходы. Кроме того, необходимо учитывать особенности системы с ее бесстыдной коррупцией и гигантским разрывом в возможности влиять на принимаемые решения между профессиональным инвестором и неграмотным обитателем трущоб: не существует надежных механизмов, которые гарантировали бы, что все семьи, жившие прежде на данном участке, в самом деле получают новые квартиры. Недаром вокруг многих проектов УРТ кипят споры о том, действительно ли население сносимого квартала согласно на реконструкцию. Наконец, с точки зрения справедливости довольно сложно объяснить, с какой стати власти, повышая показатель КПП, ставят участников проекта в неравные условия при извлечении прибыли: маленькая квартира, полученная местным бедняком, не идет ни в какое сравнение с гигантскими доходами инвестора. В качестве альтернативы критики выдвигают идею реконструкции трущоб без привлечения стороннего инвестора: предполагается, что жители квартала, для которых обычно характерен очень высокий уровень самоорганизации, смогут зарегистрировать собственную компанию-застройщик и таким образом оставить себе всю прибыль от дополнительных значений КПП²⁷.

Оказавшись в роли координатора жилищной политики, власти добавили в свой арсенал еще один инструмент влияния — переносимые права реконструкции (ППР). Они также представляют собой косвенную субсидию, подразумевающую более высокий показатель КПП, однако в отличие от права на увеличенную плотность застройки, предоставленного владельцу Империяла, здесь, как ясно из названия, речь идет о правах, которые не связаны с конкретным участком. Это значит, что инвестор, обеспечивший бесплатным жильем сколько-то обитателей трущоб, получает право построить определенное коли-

6.7 Комплекс Васи-Нака, построенный для переселения обитателей трущоб

чество квартир с более высоким КПП, которым он может воспользоваться в любой точке города, расположенной севернее того места, куда были переселены бедняки. Последнее условие направлено на то, чтобы снизить нагрузку на Айленд-сити и увеличить плотность населения в северных пригородах.

Недостатки стратегии ППР лучше всего видны на примере жилого комплекса Васи-Нака (он же Шастри-Нагар) в районе Чембур²⁸. В 2002 году девелоперская компания Anik Development Corporation начала здесь строительство многоэтажек для тысяч обитателей трущоб, вынужденных покинуть свои дома из-за строительства автомобильных дорог. Всего планировалось соорудить 25000 квартир. Для застройщика дело оказалось крайне выгодным. Поскольку Васи-Нака расположен довольно близко к южной оконечности полуострова, полученные таким образом переносимые права реконструкции можно было использовать в наиболее прибыльных районах Мумбаи, включая новый деловой центр города в Бандра-Курле. Для переселенцев новые дома оказались меньшим подарком: они удалены от большинства ра-

бочих мест, до общественного транспорта добираться неудобно. Кроме того, качество жизни в свежепостроенных высотках ниже, чем в большинстве прежних трущоб. Восьмиэтажные здания на 64 квартиры площадью 24 квадратных метра каждая стоят в менее чем пяти метрах друг от друга, так что не остается доступа ни для света, ни для свежего воздуха. В случае ремонта, который иногда уже явно необходим, нигде даже возвести леса. Жители лишены многих традиционных источников дохода, поскольку переоборудовать в обувную мастерскую или склад металлолома квартиру в многоэтажном здании гораздо сложнее, чем лачугу из рифленого железа. Хуже всего, вероятно, то, что, вопреки обещаниям девелопера, многие не имеют в квартирах водопровода и вынуждены таскать всю необходимую воду на себе²⁹. Неудивительно, что жилищные активисты объявили этот проект антигуманным и считают, что лучшим решением было бы просто «заложить под него динамит»³⁰.

Рынок пока не привел к разрешению жилищного кризиса, оставшегося в наследство от плановой экономики, зато постепенный отказ от принципа справедливости можно считать завершившимся. Наиболее ярким воплощением нового социального расслоения стали два типа башен — высотные кондоминиумы для богатых, как Империял, и лишенные элементарных удобств многоэтажки для бывших обитателей трущоб, как здания комплекса Васи-Нака. Модернистская парадигма «коробок и башен» остается в Индии господствующей, но изменения, которые в нее вносит усиливающаяся поляризация общества, указывают на смерть эгалитаризма, который когда-то вызвал ее к жизни.

«Высотные
трущобы
для богачей»:
осушение
залива
Бэк-Бэй

Самые ожесточенные споры идут в Мумбаи вокруг самых знаменитых проектов массовой жилой застройки — это Нариман-пойнт и Кафф-пэрэйд, расположенные на территориях, появившихся в результате частичного осушения залива Бэк-Бэй. В них нет ничего типичного: они были построены для богатых,

а не для бедных и находятся не на окраине, а в самом центре, на западном, обращенном к Аравийскому морю берегу южной око-

6.8 Кафф-пэрэйд

нечности Айленд-сити. Начиная с 1920-х годов мелиорация стала для Мумбаи способом преодолеть острую нехватку земли в центре города. Именно в 1920-е впервые возник проект осушения прибрежной полосы залива Бэк-Бэй от пляжа Чоупатти до мыса Колаба-пойнт³¹, который забуксовал в 1930-е и был возобновлен только в 1958 году. На отвоеванных у моря 80 гектарах земли было решено построить два района высотных зданий с роскошными многоквартирными домами и офисными башнями. Застройка Нариман-пойнт началась в 1967 году, как раз когда в Париже споры о комплексах массового жилья были в самом разгаре, а атака на берлинские высотки должна была начаться со дня на день. Кафф-пэрэйд относится уже к 1970-м. Нариман-пойнт, застроенный облицованными стеклом бетонными коробками, вскоре получил прозвище «Мумбайского Манхэттена». На его небольшой территории уместилось более сорока небоскребов в среднем по пятнадцать этажей каждый. Единственным низкоэтажным зданием в районе стал Национальный центр исполнительских искусств. До сих пор в Нариман-пойнте сосредоточены одни из

самых высоких зданий города, включая такие известные, как штаб-квартира компании Indian Express (1967–1970) работы живущего в Дели американского архитектора Джозефа Стайна и пятизвездочный отель Oberoi. Рядом с офисными башнями разместились зарубежные консульства и роскошные кондоминиумы. Кафф-пэрэйд, расположенный в километре к югу от Нариман-пойнт на другом берегу небольшого залива, состоит из многоквартирных зданий, между которыми почти нет открытого пространства.

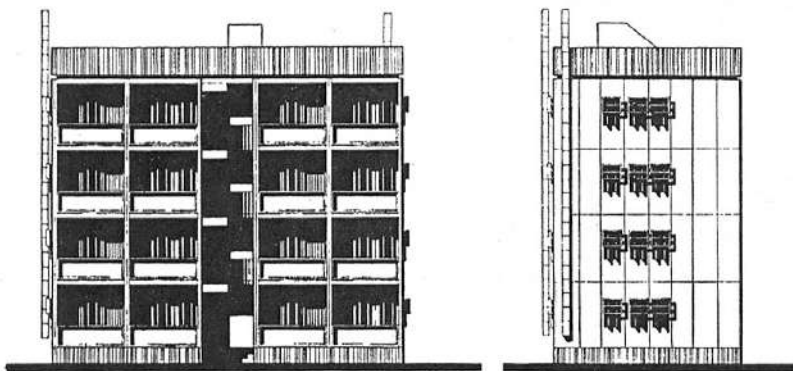
Критики были с самого начала беспощадны к обоим проектам. Называли их «крупнейшим в истории Индии градостроительным мошенничеством»³², «бетонными джунглями... [и] новым адом для нуворишей, где они варятся в собственном соку», а также «символом бесстыдной коммерциализации»³³. Некоторые доводы против массовой жилой застройки для богатей могли возникнуть только в контексте Мумбаи. Результат осушения залива Бэк-Бэй называли «идиотской метафорой псевдо-западной архитектуры»³⁴ и ругали за трату бюджетных средств на мелиоративный проект, который выгоден только имущим классам³⁵. У других претензий есть прямые аналоги в дискуссиях о высотном жилье в Париже или Берлине: неуважение к существующей застройке и низкое качество градостроительных решений. Во-первых, не были достаточно проработаны транспортное сообщение и общественные пространства. Наблюдатели твердили о территории, «забитой шеренгами небоскребов»³⁶, и о «чудовищной грибнице», где игнорируются интересы пешеходов³⁷. Во-вторых, весь проект осушения противоречил попыткам децентрализации перенаселенного Айленд-сити, кульминацией которых стало основание Нави-Мумбаи. Критики отмечали, что застройка прибрежной полосы залива Бэк-Бэй просто расширила существующий деловой центр и привела к тому, что в район, и без того находящийся на грани транспортного коллапса, ежедневно прибывает еще 300 000 человек. Теперь он «днем напоминает сумбурный базар, а по ночам — пугающий город призраков»³⁸. В-третьих, оборудованные лифтами здания со стеклянными фасадами воспринимались как бесстыдное транжирство ресурсов в стране с миллионами обитателей трущоб и пугающая бессмыслица в регионе с жарким летом и частыми перебоями в электроснабжении³⁹. Наконец, в-четвер-

тых, существенный вред причинен жителям округи. Береговую линию между районами Нариман-пойнт и Кафф-пэрэйд на протяжении многих столетий населяли рыбаки-коли — их деревни в итоге оказались со всех сторон окружены башнями⁴⁰. Непрерывающаяся критика проекта привела к тому, что в середине 1980-х годов было решено прекратить дальнейшее осушение залива⁴¹. Все это, впрочем, никак не сказалось на популярности квартир в высотках на берегу моря: для тех, кто может себе их позволить, и Нариман-пойнт, и Кафф-пэрэйд остаются в числе самых престижных адресов города.

Почему
в Индии нет
панельного
строитель-
ства?

При сравнении с Москвой, Берлином или Парижем бросается в глаза почти полное отсутствие в Мумбаи использования готовых конструкций. Как и по всей Индии, коробки и башни в нем почти всегда строятся прямо на месте. На самом деле панельное строительство здесь есть, но по ряду причин оно так и не получило широкого распространения.

В 1960-е и 1970-е годы индустриальный метод предлагали использовать, чтобы увеличить объемы производства массового жилья, сделать это производство более экономичным, а также добиться более высоких жилищных стандартов для самых бедных, — то есть обсуждение этого вопроса в Индии более или менее соответствовало ходу мысли прогрессивных европейских теоретиков⁴². Более того, существует прямая связь между панельным жильем в Восточной Европе и Индии. В начале 1970-х Фонд Форда выделил средства на приспособление к индийским условиям системы, разработанной инженером Зеноном Зелинским⁴³. Зелинский родился и получил образование в Польше, с 1950 по 1962 год возглавлял Управление проектирования и стандартизации готовых и предварительно напряженных железобетонных конструкций в Проектно-исследовательском институте индустриального строительства в Варшаве. Как раз тогда Польша осуществляла грандиозную программу восстановления разрушенных войной городов. В 1962-м Зелинский эмигрировал, а в 1965-м стал консультантом в Фонде Форда. С 1967 по 1971 год он строил панельные

6.9 Система UCOPAN (Universal Concrete Panel System — «Универсальная система бетонных панелей»), разработанная Зеноном Зелинским для Градостроительной организации Большой Калькутты

жилые комплексы в Калькутте, а позже основал в Монреале проектное бюро UCOPAN, которое занималось разработкой панельных систем для Канады, Индонезии и Ирана. Запатентованную Зелинским систему UCOPAN (Universal Concrete Panel System — «Универсальная система бетонных панелей») впервые применила Градостроительная организация Большой Калькутты при строительстве новых домов в городе Дургапур. Для семей с низким доходом вводилось в строй около 200 квартир, простых настолько, что внутри квартир одного из трех типов даже не было туалетов. Панели системы Зелинского были размером 292×90 см и максимальным весом 360 кг, их можно было использовать для стен, крыш и перекрытий. Относительно небольшой (по сравнению с аналогичными французскими или советскими системами) размер панелей позволял передвигать их вручную с помощью рычагов и блоков. Заодно решалась проблема транспортировки готовых деталей в стране с низким уровнем развития инфраструктуры: эти панели можно было изготавливать прямо на строительной площадке.

И все же применение индустриальных методов в строительстве осталось в Индии исключением. Здесь можно указать три основных причины. Во-первых, отсутствовал влиятельный орган власти, который запустил бы программу всеобъемлющей индустриализации строительной отрасли в советском духе. Во-вторых, и это, вероятно, важнее всего, переизбыток дешевой рабочей силы позволял не задумываться о повышении производительности труда. Ну а в-третьих, в Индии отсутствовала необходимая технологическая инфраструктура. М.Б. Ачвал, профессор архитектуры в Университете города Барода, в 1971 году

6.10 Панельное строительство в элитном секторе: комплекс Пети Холл (1967) в районе Малабар-хилл

формулировал это так: поскольку строительство является в Индии «не индустрией, а хаотичным ремеслом... там бессмысленно пытаться внедрить слишком совершенные материалы и методы»⁴⁴. В наше время транспортировка готовых деталей все еще дороже изготовления их прямо на месте; к тому же

при централизованном производстве панелей на специальном предприятии взимается налог 15%⁴⁵.

В итоге из готовых конструкций в Индии строится жилье не для бедных, а для богатых. Таковы, например, расположенный в пригороде Западный Андхери комплекс жилищного кооператива Амболи (1969) — семиэтажные дома для семей среднего дохода — и два из трех небоскребов комплекса Пети Холл (1967) в престижном районе Малабар-хилл. И в том и в другом случае сборка из готовых конструкций была выбрана по причине их долговечности и лучшей гидроизоляции⁴⁶.

Как мы увидим в главе про Шанхай, похожая осторожность во внедрении индустриальных технологий строительства была поначалу характерна и для Китая. В обеих странах выбор в пользу изготовления конструкций прямо на стройплощадке был обусловлен низким технологическим уровнем, изобилием дешевой рабочей силы, недостатком материалов и сильным влиянием государства на экономику. Тем не менее, как только в 1970-е годы в Китае улучшилась ситуация с инфраструктурой, строить из готовых конструкций стали больше. Поскольку впоследствии страна сохранила крупномасштабное планирование и централизованную систему принятия решений, которые делают выгодным индустриальное строительство, — то и переход к рыночному капитализму не переломил этой тенденции. В Индии же с ее неизменно отвратительной инфраструктурой и неповоротливой бюрократией сборное строительство не слишком повышало эффективность производства, хотя и обеспечивало более высокое качество. Технология, которая когда-то разрабатывалась, чтобы обеспечить жильем бедных, стала вместо этого источником дополнительных преимуществ для богатых.

Альтернативные подходы: «участки и услуги»

Рассказывая о массовой жилой застройке в Мумбаи, надо упомянуть и расселение бедных горожан в зданиях, которые не являются серийными многоквартирными домами. Поскольку в индийских реалиях доступное по западным меркам жилье оказывалось совершенно недоступным для большинства населения, требовались более прагматичные решения.

Одной из удачных оказалась так называемая стратегия «участков и услуг». Государство обеспечивало обитателям трущоб участки под будущие дома и услуги: водопровод, электричество, канализацию, асфальтирование дорог и вывоз мусора. После этого бедняки строили себе жилье в рамках своих скромных возможностей — часто из тех же кирпичей и рифленого железа, — однако качество их жизни оказывалось в итоге значительно выше.

Осуществляемая на деньги Всемирного банка Программа переселения низкодходных групп населения, чаще называемая просто Программой участков и услуг, была запущена в 1985 году. Наряду с программой реконструкции трущоб она составляла часть разработанного Всемирным банком Проекта градостроительного развития Бомбея. Под влиянием принятой в мире оценки самостроя — в первую очередь воззрений Джона Тернера — индийские специалисты склонялись к тому, чтобы решать проблему силами жителей и использовать местные материалы⁴⁷. Программа Всемирного банка осуществлялась до 1994 года⁴⁸ и обеспечила участками 85000 семей. В результате появились районы «участков и услуг» в отдаленных северных пригородах Чаркоп и Гораи⁴⁹. Несмотря на обычные проблемы с выбором получателей помощи, распределением конкретных участков и последующим сбором арендных платежей, которых едва хватало на то, чтобы компенсировать амортизацию инфраструктуры, этот проект чаще всего оценивают как очень успешный⁵⁰. В любом случае программа обеспечила больше единиц жилья за более короткое время, чем подавляющая часть предшествующих. Но масштаба, необходимого для полного разрешения проблемы мумбайских трущоб, она не достигла, тем более что дефицит земельных участков начал к этому времени ощущаться даже в северных пригородах. В итоге Всемирный банк прекратил программу. Выделяют четыре ее основных недостатка. Во-первых, строительство одноэтажного жилья в городе с такой нехваткой территорий многие считают разбазариванием пространства, и коммерческие застройщики часто давили на власти, чтобы те прекратили бесплатную раздачу участков обитателям трущоб. Во-вторых, несмотря на асфальтированные дороги и упорядоченную планировку, выглядели новые районы все равно как трущобы. В-третьих, власти очень вяло поддер-

6.11 План жилой застройки по методу «участков и услуг» в районе Горан

живали программу, отчасти потому, что в ней отсутствовала эффективность, которую так любят политики, и инженеры, а отчасти потому, что она не подразумевала крупных контрактов. Ну и в-четвертых, для многих из тех, кому посчастливилось получить такой участок, построенный своими руками дом не стал долговременным решением проблемы. Подобно малоимущим обитателям профинансированного из бюджета массового жилья они часто были вынуждены продавать свою недвижимость, поскольку это была единственная имевшаяся у них ценность. Хотя для тех, кто избежал этой участи, районы «участков и услуг» и сейчас хороши, в разрешении жилищного кризиса власти в большей мере полагаются на рыночные механизмы.

Стандарти-
зированное
жилье
для элиты

В Мумбаи, в отличие от Чикаго, Берлина или Парижа, образ модернистского многоквартирного дома оставался в целом положительным на протяжении всего времени. В значительной мере это следствие крайне высокой экономической поляризации в Индии. Огромное большинство населения страны слишком бедно, даже у богатых почти нет перспектив узнать какое-либо иное жилье, кроме квартир в многоэтажках. У нас практически нет данных о предпочтениях, отдаваемых индийцами тому или иному архитектурному типу здания. Сравнения касаются исключительно площади квартиры, имеющих удобств, качества строительства и расположения дома — наиболее престижны центральные кварталы на западном берегу Айленд-сити, обязательно с видом на море.

В Мумбаи не произошло ничего похожего на «возрождение старых центров» в западных странах, несмотря на то что в городе, и особенно в центральной части Айленд-сити, немало зданий начала XX века⁵¹. Некоторые дома, построенные для элиты викторианского Бомбея, по-прежнему принадлежат богатым людям, но вообще любой, кто может себе это позволить, переезжает в жилую многоэтажку, причем чем она выше, тем лучше⁵². Самые роскошные из них расположены в холмистых районах Малабар-хилл и Камбала-хилл на западном побережье Айленд-сити: это здания в тридцать и более этажей с панорамными видами на залив Бэк-Бэй. Именно там недвижимость стоит дороже, чем где бы то ни было в городе, и именно там живут богатейшие люди Мумбаи, включая многих звезд Болливуда.

Тем не менее индийский сюжет не стоит воспринимать как изолированный. Взлеты и падения международной репутации модернистской массовой застройки отражены и в восприятии коробок и башен Мумбаи, хотя и в несколько сглаженном виде. С 1960-х годов и до наших дней здесь слышны речи о «внушающем надежду масштабе нового строительства» и о том, как всестороннее планирование и вертикальные здания в духе Ле Корбюзье помогут справиться с хаотичной застройкой⁵³. Многие подобные предложения были ничуть не менее утопичными, чем их аналоги в Европе или Северной Америке. Точно так же в Индии находила отклик — причем с оттенком неприятия западного подхода — и антимодернистская критика, ко-

торая в конце 1960-х годов громила комплекс Pruitt-Ийгоу в Сент-Луисе и западноберлинский Меркишес Фиртель. Разбирая в 1982 году знаменитый памфлет Питера Блейка «Форма следует за фиаско», индийский автор Абу Надим проводил множество параллелей с модернистскими фиаско в своей стране⁵⁴. Он осуждал «безоглядное подражательство» западному модернизму — и особенно «неиндийскому небоскребу», который делает невозможным общение между людьми и не соответствует индийским реалиям, таким как низкий уровень автомобилизации и современных технологий. Выход он видел в возвращении к традициям индийской архитектуры (ср. с раздававшимися в те же годы в Европе и Северной Америке призывами обращать больше внимания на местное наследие). Другим не нравились тоскливые градостроительные решения финансируемой из бюджета массовой застройки 1970-х годов и презрение к нуждам людей при проектировании «новых трущоб»⁵⁵. Наконец, борьба с насильственным переселением бедноты часто выливалась в полное отрицание централизованного планирования и вообще «западных планов», которое очень напоминало встречающийся и на Западе радикализм⁵⁶.

Почему же, спросите вы, вся эта критика не повлияла на популярность модернистской массовой застройки? Во-первых, социогеографическая структура Мумбаи не менялась резко на протяжении последних десятилетий. Предприятий текстильной промышленности нет в городе с 1980-х годов, однако в отличие от Нью-Йорка, Берлина или Парижа сформировавшиеся в конце XIX и начале XX века рабочие кварталы так и остались здесь местами проживания бедноты с крайне высокой плотностью населения. Местный застройщик столкнулся бы с серьезными проблемами, если бы вздумал реконструировать чоул начала XX века, ориентируясь на пример своих коллег, перестраивавших нью-йоркские лофты или берлинские доходные дома. Ему бы не удалось выселить прежних обитателей здания, которые за многие поколения выстроили целый лабиринт субарендных контрактов и к тому же находятся под защитой все еще работающих законов о регулировании рынка жилого найма. Кроме того, ему вряд ли удалось бы найти богатого человека, который согласился бы жить в таком реконструированном чоуле: мало кто из имеющих выбор предпочтет шумный и гряз-

ный район, запруженный нищими, разносчиками овощей и палатками с вада пав, и совсем уж немногим понравится делить узкую проезжую часть с бесчисленными грузовиками, такси, тачками и погонщиками буйволов.

Во-вторых, как и во многих бедных странах, архитектура модернизма не была в Индии модернистской в технологическом смысле и потому скорее воспринималась как символ определенного образа жизни. Использование машин повышает эффективность производства — здесь этот аргумент в пользу простой геометрии и стандартизированных деталей не работал. Индийские небоскребы строились с минимальным применением индустриальных методов и максимальным использованием ручного труда. Вот как индийский архитектор описывал этот процесс в 1971 году:

Тут не встретишь даже самых простых механических приспособлений. Кирпичи на пятый этаж затаскивают работницы в корзинах на головах. Человеческий труд очень дешев, а осел или вол по-прежнему являются самыми экономически оправданными средствами транспортировки... Любое материальное производство, складские запасы и поставки — вот в чем никогда нельзя быть уверенным. Время тут никого не волнует потому, что его всегда вдоволь⁵⁷.

Таким образом, многие характерные особенности модернистской массовой застройки являются в Мумбаи плодом работы архитектора, а не следствием технологической рационализации, и потому сохраняют свою привлекательность в чисто эстетическом плане.

В-третьих, очень сильна была связь между модернизмом и национальным проектом независимого государства; она заметна и сейчас, хотя и не в такой яркой форме. Начиная с ардеко 1930-х годов мумбайскому модернизму был органически присущ антиколониальный подтекст. В противовес ориенталистским зданиям с куполами и псевдоиндийским орнаментом, которые британские власти строили на рубеже веков, архитектура модернизма ассоциировалась не только с прогрессом и развитием, но и с национальным самоопределением и равноправными отношениями с Западом.

Массовая застройка в Мумбаи не помогла преодолеть жилищный кризис и никогда не становилась жильем для масс. Относительно привилегированное меньшинство населяет даже отвратительно обслуживаемые жилые комплексы с их осыпающимися фасадами, протекающими крышами и вечно неисправными трубами. В Индии представления о равных жилищных условиях заложены в проектах типовых многоквартирных зданий так же, как в Берлине или Париже, однако входят в противоречие с невероятно высоким социальным неравенством. В то же время для страны всегда было характерно пространственное смешение различных общественных групп, немыслимое ни в Европе, ни в Северной Америке: ни в одном из описанных в этой книге городов богатые и бедные не живут в таком тесном соседстве. Успеху поощряемой государством социальной гомогенизации районов помешали демографический рост, неповоротливость местной бюрократии и мощное девелоперское лобби, так что Мумбаи не довелось испытать на себе болезненные последствия жилищной политики государства всеобщего благосостояния — точнее будет сказать, что в известном смысле эта политика даже не начинала тут проводиться. То же и сейчас, даже несмотря на то что в Индии — как в Китае или в России, но в противоположность Бразилии или США — государство сохраняет значительное влияние на жилищную ситуацию и после решительного перехода к рыночным механизмам. Хотя большинство населения Мумбаи по-прежнему обитает в не имеющем официального статуса жилье, два архитектурных типа, порожденных модернистской мечтой о квартирах для масс, — дешевая многоэтажка и роскошный кондоминиум — служат различным прослойкам нового привилегированного класса.

ГЛАВА 7.

ПАНЕЛЬНАЯ МОСКВА

Индустри-
ализация
советского
строитель-
ства

В канун Нового года российское телевидение неизменно напоминает о советской массовой жилой застройке. Герой фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром» (1975) просыпается в своей, как он считает, квартире и обнаруживает себя в обществе незнакомой женщины. Постепенно выясняется, что он не дома, в Москве, а в Ленинграде, просто квартира и дом там такие же и даже адрес совпадает. Эта комедия ошибок — сатира на однообразие типового жилья, где неотличимы друг от друга не только улицы, дома и подъезды, но и ванные комнаты, мебель и даже ключи от квартир. Смелость, с которой высмеивается осуществленная государством унификация архитектуры, может показаться неожиданной для фильма, снятого в условиях авторитарного социализма, однако «Ирония судьбы» — это еще и лукавая зарисовка типичной среды обитания советского человека.

В самом деле, после беспрецедентного подъема массового жилого строительства, инициированного правительством Хрущева в 1950-е годы, стандартизированные многоквартирные дома стали самым распространенным типом застройки. В абсолютном большинстве случаев здания строились из готовых деталей. В 1970-е годы советские власти с гордостью провозглашали, что почти половина объемов индустриального жилого строительства на всем земном шаре приходится на СССР¹. Когда в 1991 году на обломках Советского Союза возникла Российская Федерация, на типовое панельное жилье хрущевской эпохи приходилось полмиллиарда из 2,8 миллиарда квадратных метров жилищного фонда страны². Как и в других странах со-

циализма, невзрачный многоквартирный дом, начавший приходить в упадок почти сразу после завершения строительных работ, является здесь символом не только специфической жилищной политики советских властей, но и всей повседневной жизни при «диктатуре пролетариата»³.

Масштабная строительная программа была запущена в СССР в ситуации острой нехватки жилья. Городское население страны неуклонно росло начиная с XIX века. К началу 1950-х на одного городского жителя приходилось меньше жилой площади, чем в 1920-е годы; в наше время подобный кризис невозможно представить почти ни в одной промышленно развитой стране планеты⁴. Общая площадь жилья на душу населения упала с 8,2 квадратного метра в 1926 году до плачевных

7,4 квадратного метра в 1955-м⁵. Если учесть, что это средние по стране цифры и они к тому же включают площадь кухонь, ванных комнат и коридоров, выходит, что в реальности многие советские граждане имели в своем распоряжении гораздо меньше личного пространства. Советское руководство видело только одно решение — любой ценой повысить эффективность строительства. Для достижения этой цели власти были готовы радикально преобразовать всю отрасль.

Когда-то Советский Союз находился на переднем крае индустриального строительства. В 1920-е годы архитекторы Моисей Гинзбург, Андрей Буров и Борис Блохин осуществили множество модернистских проектов, и даже подавление Сталиным архитектурного авангарда в начале следующего десятилетия не смогло полностью положить конец экспериментам в этом направлении⁶. Тем не менее в сталинскую эпоху жилое строительство велось главным образом традиционными методами. Неоклассические многоэтажные здания с толстыми кирпичными стенами, просторными квартирами и богато украшенными фасадами предназначались для привилегированного меньшинства и почти никак не способствовали преодолению дефицита жилья среди обычных граждан.

Инициатором перехода к индустриальным методам домостроения выпало стать Никите Хрущеву. В 1951 году, еще будучи первым секретарем Московского городского комитета ВКП(б), он добился создания Архитектурно-планировочного управления Мосгорисполкома, где группа архитекторов начала работу над удешевлением строительства⁷. Став главой государства, он сделал жилищный вопрос одним из приоритетных. Осознавая остроту кризиса, Хрущев решительно отверг призывы к высоким стандартам в строительстве. В его мемуарах есть такое рассуждение: «Что лучше — построить тысячу нормальных квартир или семьсот хороших? И разве люди не предпочтут нормальную квартиру сейчас очень хорошей через десять-пятнадцать лет?»⁸ Хрущевская строительная программа была тщательно взвешенным компромиссом: квартиры низкого качества максимально широко распределялись среди населения⁹. В декабре 1954 года в Москве прошло Всесоюзное совещание строителей, архитекторов и работников промышленности строительных материалов, участники которого от-

стаивали идею повышения темпов строительства под девизом «лучше, быстрее, дешевле»¹⁰. Спустя год ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление, в котором говорилось, что «советской архитектуре должна быть свойственна простота, строгость форм и экономичность решений», а сталинские здания критиковались как чересчур дорогие и пышные¹¹. Наконец, в феврале 1956 года XX съезд партии, на котором Хрущев выступил с разоблачением культа личности Сталина, принял решение создать Государственный комитет по гражданскому строительству СССР (Госгражданстрой), который должен был контролировать процесс стандартизации¹².

В конце 1950-х годов возникли первые домостроительные комбинаты (ДСК), в задачу которых входило производство готовых деталей для типовых зданий. Соответствующие проекты еще с 1951 года разрабатывались в Архитектурно-планировочном управлении¹³. Ключевую роль в осуществлении идеи Хрущева об эффективной строительной отрасли сыграл инженер Виталий Лагутенко (1904–1967), главный конструктор Архитектурно-планировочного управления и энтузиаст панельного домостроения¹⁴. Он создал несколько серий типового массового жилья, которыми впоследствии застраивалась вся страна; новые квартиры впервые стали доступны значительной части советского населения. 98% построенных в 1962 году московских квартир располагались в серийных зданиях, разработанных Архитектурно-планировочным управлением¹⁵. Это были пятиэтажные многоквартирные дома, которые могли достигать любой длины благодаря повторяющимся подъездным секциям. Лестница в каждом подъезде обеспечивала доступ к квартирам, расположенным по четыре на площадке. Самым знаменитым произведением Лагутенко стала серия пятиэтажек без лифта с кодовым обозначением К-7. В этих домах двухкомнатная квартира имела площадь 44 квадратных метра и включала небольшую прихожую, шестиметровую кухню и кубический блок ванной комнаты с так называемой «сидячей ванной» в 1,2 метра длиной. Блок полностью монтировался еще в цехе ДСК, так что на месте требовалось лишь присоединить его к соответствующим трубам.

Пятиэтажки без лифтов, строившиеся в 1950-е и 1960-е годы конвейерным способом, и особенно дома серии К-7, получи-

7.2 Хрущевка на улице Малые Каменщики в Москве

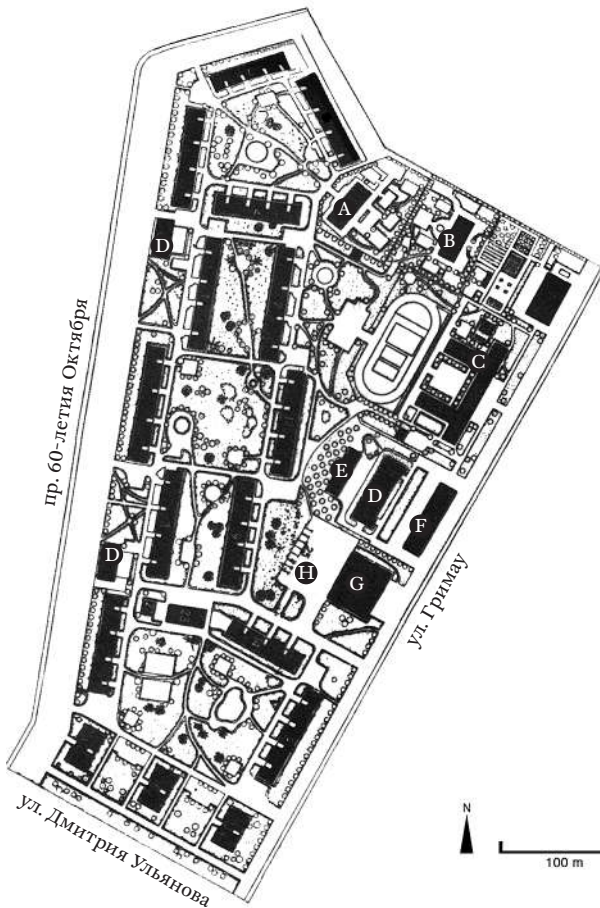
ли в народе прозвище хрущевок. Первое время они были кирпичными, однако очень скоро главным методом стала сборка из готовых деталей прямо на площадке, которую обозначал термин «крупнопанельное строительство». Согласно методике Лагутенко, такой панельный дом сооружался без использования строительного раствора и подводился под крышу за двенадцать рабочих дней. Проектная документация предполагала, что качество строительства будет невысоким, поскольку здания задумывались как временные. Их планировалось снести уже в ближайшие десятилетия: к тому моменту советское правительство должно было обеспечить граждан лучшими квартирами. Для так называемых сносимых серий предполагаемый срок службы составлял двадцать пять лет. Имелись и рассчитанные на более долгий период несносимые серии, однако даже в них использовались относительно дешевые и не самые качественные материалы. Потребность в жилье с годами не исчезла, и нет ничего удивительного в том, что многие из таких домов стоят до сих пор.

Девиз «лучше, быстрее, дешевле» не предполагал споров о том, что предпочтительнее — высотное или малоэтажное жилье, смешанная застройка или функциональное зонирование, историзм или модернистская архитектура. Казалось, что и политики, и архитекторы радовались каждому дополнительному квадратному метру жилой площади. Спрос рос, новостройки увеличивались в размерах — настолько, насколько позволяли современные технологии. К концу 1960-х годов средний многоквартирный дом был уже одиннадцатизэтажным¹⁶. Эти появившиеся при Брежневе жилые башни, часто с балконами, лифтами и отдельными санузлами, известны как брежневки. В Советском Союзе с его довольно низкой плотностью населения высотное жилье строилось скорее из соображений технологической эффективности, а не экономии места. В рамках созданной Лагутенко и его коллегами производственной системы прокладка водопровода, отопления и канализации обходилась дешевле всего в больших зданиях, а процесс строительства требовал наименьших затрат при условии огромного масштаба застройки и использовании стандартных готовых деталей. В основе этих решений практически никогда не лежали долгосрочные расчеты. Хороший пример — знаменитая однотрубная система отопления: для экономии материалов батареи чаще всего соединялись в один непрерывный контур, так что единственным способом регулировать температуру в конкретной комнате становилось открывание окон. В дальней перспективе убытки от разбазаривания тепловой энергии сильно превосходили первоначальную экономию на меньшем количестве труб. По той же логике сиюминутного выигрыша в эффективности на смену кирпичным домам небольшой этажности приходили блочные и одиннадцатизэтажные.

Преобразования Хрущева положили конец характерному еще для сталинского времени компактному городу, в котором исторический центр сохранял свое значение как единая точка отсчета. Новая застройка чаще всего шла на окраинах. Лишь изредка меры, напоминающие городское обновление в западноевропейском или американском понимании, осуществлялись в существующих районах, хотя многие партийные начальники мечтали избавиться от «устаревших» исторических зданий. Вместо этого нормой стало строительство жилых домов одно-

7.3 Жилые дома
брежневского време-
ни на Мосфильмов-
ской улице

7.4 Генеральный
план 9-го экспери-
ментального кварта-
ла Черемушек (1956–
1958), архитектор
Натан Остерман

- Ⓐ Ясли
- Ⓑ Детский сад
- Ⓒ Школа
- Ⓓ Продуктовые
магазины
- Ⓔ Телефонная
станция
- Ⓕ Универмаг
- Ⓖ Кинотеатр
- Ⓗ Парковка для
нескольких
автомобилей

временно с социальной инфраструктурой (школами, магазинами, детскими садами и спортивными площадками) — возникал так называемый микрорайон.

К территориям микрорайонной застройки 1950-х годов относились Черемушки на юго-западе Москвы, Кузьминки на юго-востоке, Хорошево-Мневники на северо-западе и Измайлово на северо-востоке города¹⁷. Одним из первых крупных массивов жилья для непривилегированных семей стал 9-й экспериментальный квартал Черемушек (1956–1958, архитектор Натан Остерман) с его рассчитанными на 3000 человек домами, продуктовыми магазинами, яслями, детским садом, школой и кинотеатром. Новоселы получали здесь отдельные двух- или трехкомнатные квартиры с кухнями и ванными комнатами, оборудованными по весьма высокому для своего времени стандартам¹⁸.

Советские идеологи постоянно выражали энтузиазм по поводу такого типа городской застройки. Еще в 1920-е годы деятели авангарда считали архитектуру важной движущей силой в деле создания нового общества. С тех пор жилье нового типа с современными удобствами неизменно воспринималось не только как результат прогрессивного общественного уклада, но и как одно из условий для формирования «передового человека», человека эпохи социализма. Панельные микрорайоны послевоенной эпохи несли на себе печать той же веры в социальные преобразования методами строительства. Каждая такая совокупность многоквартирных домов, детских садов, школ, магазинов и спортивных площадок воспринималась как колыбель социалистического общества. Микрорайоны должны были создавать особую жилую среду, которой, по мнению советских специалистов, внутренне присущ коллективизм¹⁹. Их описывали как «соединяющие в себе и семейный, и общественный характер»²⁰. Советские градостроители придавали огромное значение деятельности самих жителей микрорайона, особенно выделяя их «культурную, просветительскую и идеологическую работу среди населения... соседскую взаимопомощь, заботу о зеленых насаждениях и чистоте зданий и дворов, мелкий ремонт помещений»²¹.

Вопрос о том, насколько успешно архитектура может способствовать коллективизации жизненного уклада, так и остался нерешенным, но для все большего числа советских граждан реальность микрорайонов становилась совместно переживае-

7.5 Хрущевка на улице Кулагина в Томске

мым опытом. В 1964 году Никита Хрущев был отстранен от власти, но и при занявшем его пост Леониде Брежневле одинаковые микрорайоны возникали по всему Советскому Союзу и постепенно стали самым распространенным типом застройки. К 1980 году 70% московского жилья было собрано из готовых деталей²². К этому моменту практически неотличимые друг от друга коробки и башни можно было встретить по всей стране от среднеазиатских степей до Северного Ледовитого океана.

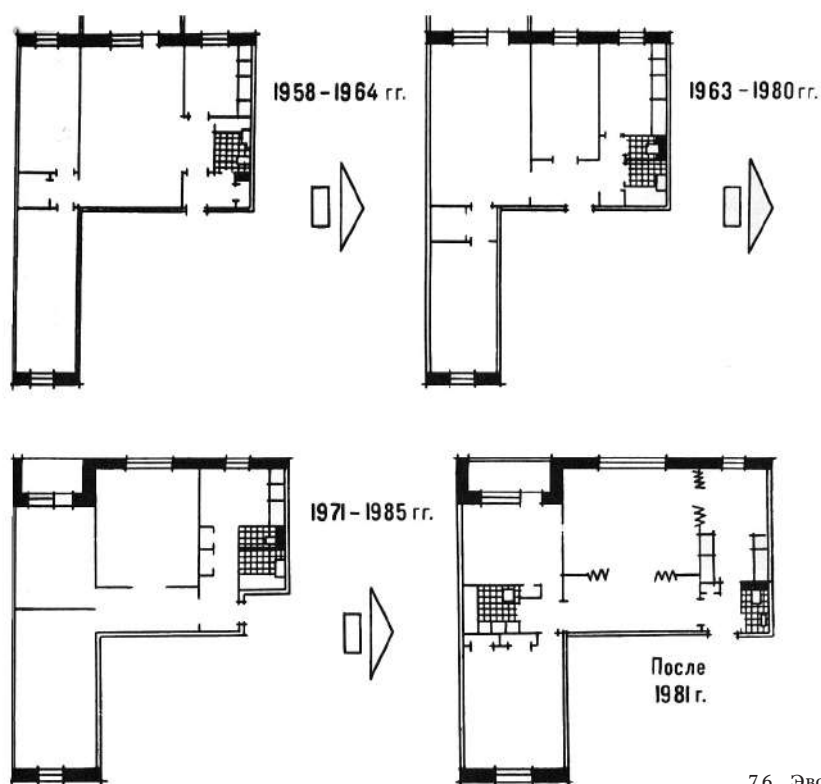
Кислород
на рынке
жилья

Люди реагировали на эту волну массовой жилой застройки неоднозначно. Дешевые квартиры хрущевской эпохи изначально строились для нуклеарной семьи из трех-четырех человек, но зачастую в них теснились шестеро и более родственников, что отразилось в ироническом именовании этих квартир хрущобами (от «хрущевка» и «трущобы»)²³. Народное остроумие также отмечало, что после того как советская архитектура

смогла успешно соединить ванну и душ, неостановимый прогресс приведет к созданию квартир, где пол будет соединен с потолком.

По результатам опроса 1982 года, 60% жителей московских многоквартирных домов вообще не общались со своими соседями²⁴. Не соответствовала амбициозным планам и унылая реальность неухоженных дворов и запущенных подъездов, в которых к тому же часто было очень темно (электрические лампочки воровали постоянно; по слухам, на российских барахолках можно до сих пор дешево приобрести перегоревшие лампочки, спрос на которые объясняется исключительно тем, что их можно вкрутить вместо работающих в каком-нибудь общественном месте).

Однако ни риторика государственной идеологии, ни зубоскальство критиков не затрагивали важнейшего, по мнению самих обитателей новых квартир: проводимая при Хрущеве и Брежневле политика массовой жилой застройки успешно удовлетворяла их самые острые потребности, обеспечивая отдельным жильем невероятную по меркам прошлых десятилетий долю граждан и тем самым делая их жизнь по-настоящему современной. Советские дети не только приобщались к ценностям коллективизма в районных детских садах и школах, но и привыкали к передовым для своего времени удобствам: к 1975 году 98% московских квартир были обеспечены центральным отоплением, а 79% — горячим водоснабжением²⁵. Это больше, чем, например, в Западном Берлине, где в 1970 году только в 43% квартир была система современного (то есть не угольного) отопления и в 75% — горячая вода из крана²⁶. Для тех семей, которые ютились в комнатах, а то и в углах, отделенных занавесками, в коммуналках, тесные панельные квартиры означали существенное улучшение качества жизни. Многие воспринимали их как залог своей новообретенной свободы и знак невероятного прогресса, достигнутого советским рабочим классом²⁷. По официальной статистике, доля москвичей, живущих в коммуналках, упала с 60%²⁸ в 1960 году до 30%²⁹ в 1974-м. Хотя точное число новых квартир, построенных в 1950-е и 1960-е годы, является предметом споров (отсутствуют надежные сводные данные), все авторы согласны с тем, что хрущевская политика значительно снизила остроту дефицита жилья в Советском Со-

7.6 Эволюция планировок стандартной трехкомнатной квартиры в московском панельном доме с 1958 по 1981 год

юзе³⁰. Для огромной части населения это было равносильно глотку кислорода.

Расслоение
социалисти-
ческого
мегаполиса

В Советском Союзе жилье всегда считалось не товаром, а общественным благом. Приемлемые жилищные условия с XIX века были одной из основных целей рабочего движения.

В 1928 году советские власти с гордостью отмечали, что зафиксированная ими ставка арендной платы для населения является самой низкой в мире, а позднее в Конституции СССР было провозглашено право граждан на жилище³¹. Кроме того, важную роль играла и особая идеологическая составляющая. Стандартизация и массовое производство прекрасно соответствовали тому идеалу, который со времен Фридриха Энгельса определял социалистический образ мышления: качество жилья должно было быть всегда одинаковым, а его размер — определяться исключительно потребностями тех, кто в нем обитает. Разумеется, при всех социалистических режимах

этот благородный принцип часто не соблюдался уже с первых дней, и привилегированные слои в Советском Союзе неизменно получали жилье получше. Иногда такие различия признавались как совершенно оправданные и на официальном уровне — например, архитекторам и художникам дополнительные площади были положены для профессиональной деятельности, а передовикам производства, деятелям партии и ветеранам более просторные квартиры доставались за их заслуги³². В других случаях размер жилья был результатом влияния или личных связей. Наиболее ярко привилегии социалистической элиты видны в жилой архитектуре сталинского периода: многие из самых представительных зданий Москвы с их великолепным качеством работ, высокими потолками, большими комнатами и пышными фасадами совершенно официально строились для высокопоставленных представителей номенклатуры. Ансамбль на Калужской заставе был, к примеру, предназначен для офицеров госбезопасности, а многоквартирные дома на Ленинском проспекте — для членов Академии наук СССР. То же относится и к высотке на площади Восстания (ныне Кудринской), и к роскошной застройке радиальных магистралей Ленинградского, Кутузовского и Ленинского проспектов³³. Типовое жилье хрущевской эпохи внесло некоторые поправки в это зримое разграничение. Представители элиты сохранили свои привилегии, и многие из них продолжили жить в сталинских зданиях, а риторике одинаковых жилищных условий для всех соответствовали отныне панельные новостройки. По крайней мере, равенства в них было больше.

Но означало ли это новое жилищное равенство во всех, кроме нескольких центральных, районах столицы, что разницы между этими районами больше не существовало? Отнюдь нет. Несмотря на насаждаемое несколько десятилетий однообразие, люди по-прежнему воспринимали одни части города как «хорошие», а другие — как «плохие», так что и типовая застройка становилась более и менее престижной. Одинаковые с виду массивы коробок классифицировались теперь по множеству критериев, таких как количество парков в округе, транспортная доступность, близость к рабочим местам и качество социальной инфраструктуры.

Представления о разной ценности однотипных микрорайонов особенно прочно укоренились в Москве и Ленинграде, где

были сосредоточены компактные группы привилегированных советских граждан. Эти советские мегаполисы были гораздо более гомогенны, чем капиталистические города сравнимого размера³⁴. Имевшиеся различия, однако, очень примечательны, поскольку они противоречили не только официально провозглашенной цели равенства жилищных условий, но и, если говорить о престижных районах массовой застройки, очевидной одинаковости архитектуры. Классовые различия в социалистическом обществе плохо поддаются оценке, однако сравнение доли жителей с высшим образованием показывает, что в Москве на протяжении большей части позднесоветского периода образованная часть населения была сконцентрирована внутри Садового кольца, на севере, а также на юго-западе в окрестностях МГУ. В этих же районах были самые большие квартиры³⁵. Представители рабочего класса чаще селились на востоке и юго-востоке города³⁶. Примерно так же выглядело распределение по районам количества жилой площади на душу населения — в центре и на западе города оно было заметно выше³⁷.

Сходной была и география привлекательных, по мнению москвичей, районов, хотя в эпоху, когда даже помыслить о свободном выборе места жительства могли очень немногие, такие индивидуальные предпочтения чаще всего оставались невысказанными. В 1970-е годы, однако, острота жилищного кризиса спала и усилилась градация массового жилья по географическому признаку: представления о том, что одни районы лучше других, стали более распространенными. Советские ученые признали, что классовые различия существуют, и начали их изучение, несмотря на то что это противоречило базовым установкам социалистической идеологии. Поскольку при проведении любого анкетирования требовалось разрешение властей, а давали его неохотно, некоторые специалисты, изучая престижность московских районов, прибегли к анализу открытых баз так называемых заявок (то есть объявлений об обмене жилья)³⁸.

Самыми престижными, по мнению москвичей, районами города были кварталы к западу от Кремля — вокруг проспекта Калинина (ныне Новый Арбат), от улицы Герцена (ныне Большая Никитская) на севере до Кропоткинской (ныне Пречистенка) на юге. Эта часть города, популярная еще у доре-

волюционной элиты, теперь застраивалась самыми разными зданиями, включая типовые башни и коробки. Престижными считались и северо-западный сектор вдоль Ленинградского проспекта и Ленинградского шоссе, а также длинная полоса от Октябрьской (ныне Калужской) площади мимо парка Горького и зданий МГУ до районов Тропарево и Теплый Стан, расположенных вблизи МКАД³⁹. Хрущевки и брежневки за пределами Садового кольца пользовались значительно меньшей популярностью. Наименее престижными были районы на юго-востоке, востоке и северо-востоке города, где было сосредоточено большое количество промышленных предприятий⁴⁰.

Такое распределение оставалось практически неизменным, в том числе и в постсоветскую эпоху. В начале XXI века наиболее престижными и самыми дорогими остаются квартиры в дореволюционных или в роскошных сталинских домах внутри Садового кольца и на западной периферии города⁴¹. Это районы по берегам Москвы-реки, а также уже упомянутые кварталы вдоль Тверской улицы, Ленинградского, Кутузовского и Ленинского проспектов. Более бедные слои населения обычно живут в панельных районах за пределами Садового кольца, худшие из которых расположены на восточных окраинах. Самые непрестижные части города находятся за Московской кольцевой автодорогой⁴².

И исследования расселения привилегированных групп, и данные о престижных районах города служат доказательством того, что социальная география Москвы в целом не менялась с дореволюционного времени; можно даже сказать, что в течение советского и постсоветского периодов ее тенденции проявились еще ярче. Исторически схожая поляризация (буржуазный запад и пролетарский восток) наблюдалась почти во всех крупных мегаполисах северного полушария, где господствующие западные ветра уносили чад промышленных предприятий к востоку от города. Однако устойчивостью такого разделения Москва отличается от многих европейских столиц, где география престижных и непрестижных районов изменялась на протяжении XX века, а предпочтения привилегированных групп переключались с центра города на пригороды и обратно. Возможно, самой яркой особенностью Москвы в общеευропейском контексте является полное отсутствие в ней этнических районов. В том, что касается культуры, столица

СССР была на удивление гомогенным образованием, несмотря на то, что страну населяли более чем две сотни отдельных этнических групп. Доля нерусского населения среди москвичей колебалась в районе 10%, а данные о сосредоточении представителей той или иной национальности в каком-то определенном районе полностью отсутствуют⁴³.

География наиболее престижных районов лишь отчасти коррелирует с распространенностью дореволюционных и сталинских жилых домов — их много в историческом центре, но значительно меньше на севере и юго-западе города. Таким образом, одинаковые типовые модернистские здания становились или не становились престижными в зависимости от того, в каком районе они построены, причем это различие было во многом обусловлено такими факторами, как доступность общественного транспорта, близость к рабочим местам и «качество жилой среды»⁴⁴.

В том, что касается каждого отдельного здания, современная массовая застройка серьезно проигрывала предшествовавшей. В 1970-е годы идеальные представления среднего советского человека о жилище — это скорее квартира в неоклассическом сталинском здании, чем в хрущевке или брежневке: кирпичный или каменный дом с балконами и высокими потолками расположен в центре города; в дополнение к гостиной имеется по комнате на каждого члена семьи; есть все современные удобства, включая газ, горячее водоснабжение, лифт и телефон. Приемлемыми считались все этажи, кроме последнего, где квартиру могло заливать при протечке крыши, и двух нижних, недостатками которых считались шум с улицы и высокий риск краж⁴⁵.

Почему же появившееся при Хрущеве и Брежневем массовое жилье считалось скорее приемлемым, чем привлекательным? Во-первых, из-за низкого качества строительства. Проведенное в Санкт-Петербурге исследование показало, что при приватизации социального жилья наиболее глубокие сомнения испытывали жители хрущевок, в отличие от нанимателей лучше оборудованного и менее изношенного жилья брежневского времени и тем более от тех, кто жил в надежных домах сталинской и дореволюционной эпох⁴⁶. Во-вторых, из-за маленького размера и низких потолков хрущевских квартир, которые часто высмеивались как «хоревники». Кроме того, жители

жаловались на однообразие типовых микрорайонов, а интеллектуалы осуждали так называемое «квадратно-гнездовое строительство», которое казалось им идеальным отражением приземленного образа мысли большинства советских граждан. В 1974 году треть опрошенных москвичей неодобрительно высказывались о безликости своих домов — это соответствовало настроениям в других социалистических странах, например в ГДР⁴⁷. Ну и наконец, панельные дома редко располагались в центре города: те московские районы, в которых благодаря их «социальному микроклимату, ритму жизни и престижности»⁴⁸ с конца 1980-х годов стремились жить привилегированные слои населения, одновременно были и местом сосредоточения большей части сталинских и дореволюционных зданий⁴⁹.

Незавидная репутация модульных жилых высоток имеет и другие объяснения. В отличие от прочих городов России, в Москве — как и в Санкт-Петербурге — в историческом центре много удачно расположенных качественных дореволюционных и сталинских зданий с великолепными видами из окон. Изменчивость архитектурных и прочих факторов легко проследить на примере петербургских домов XIX века: когда в них сплошь коммуналки с общими кухнями и санузлами, это один из наименее престижных типов застройки в городе, значительно проигрывающий панельным зданиям; как только такую квартиру удастся выкупить целиком, она превращается в высококлассное жилье⁵⁰. Таким образом, отношение к коробкам и башням в огромной мере зависит от контекста: в условиях дефицита они считаются вполне приемлемым вариантом, но стоит появиться более привлекательной альтернативе, как их престиж резко падает.

Приватизация и дифференциация

Значение панельных башен и коробок не будет до конца понятно, если не учитывать особенности рынка жилья в бывшем Советском Союзе, и особенно в России. Как и в большинстве социалистических стран, свободы передвижения в СССР по сути не существовало. В 1932 году Сталин ввел институт прописки, обязавшей граждан жить по тому адресу, где они прописаны, — впрочем, схожие ограничения существовали и при царском ре-

жиме⁵¹. Для прописки в каком-то другом городе требовалось официальное разрешение, которое обычно выдавалось только в случае брака, поступления в учебное заведение или перехода на новую работу. В Советском Союзе крупные города имели огромные преимущества перед сельской местностью в плане снабжения, культурной жизни и возможностей образования, что создавало гораздо более выраженный, чем в западноевропейских странах, контраст между городом и деревней⁵². Так, переезд в Москву или Ленинград был особенно желанным и в то же время практически недостижимым для большинства жителей малых городов; известно множество случаев фиктивного брака для получения вожделенного разрешения. Кроме того, система прописки была попыткой ограничить дальнейший рост российских мегаполисов, где очередь на получение жилья и так превышала возможности властей. Прописка была формально отменена в 1993 году, когда на смену ей пришла регистрация по месту жительства. Запретительный характер системы нашел, впрочем, свое продолжение в многообразной практике, особенно распространенной в Москве, когда незарегистрированным гражданам отказывают в определенных социальных благах, в том числе в предоставлении жилья, выплате пенсий или медицинском обслуживании. Без регистрации человек подвергается гораздо большему риску стать бродягой, безработным или жертвой полицейского произвола. Кроме всего прочего, действительную регистрацию особенно сложно получить беднякам и представителям определенных этнических групп — в частности, выходцам с Кавказа⁵³. В советский период, однако, ограничения, накладываемые на свободу передвижения, имели и позитивные стороны. Те граждане СССР, которые получали в пользование принадлежащие государству квартиры, оказывались в гораздо более устойчивой ситуации, чем наниматели жилья при капитализме. Они должны были платить крайне низкую арендную плату, и им практически не угрожало принудительное выселение — теперь обе эти особенности ностальгически ассоциируются для многих с массовым панельным жильем.

В 1990-м, в последний полный год существования Советского Союза, 67% всего жилья в РСФСР предоставляли на условиях социального найма местные власти, государственные предприятия и учреждения; 4% относилось к кооперативам,

которые чаще всего организовывали для своих сотрудников предприятия; и только 26%, в основном в сельской местности, принадлежало частным лицам⁵⁴. Своего рода приватизация началась уже на закате советского периода: в декабре 1988 года нанимателям было разрешено выкупать свои квартиры у государства. Это означало, что после внесения символической пошлины за оформление сделки жилец получал право пожизненного наследуемого пользования квартирой без каких-либо арендных платежей, беря на себя в обмен обязательства по ее ремонту и обслуживанию⁵⁵. Введение рыночного капитализма в начале 1990-х годов привело к тому, что жилец мог теперь еще и продать это право, тем самым продавая саму квартиру. Таким образом, в России возникал рынок жилья, сравнимый с западным. В Москве такая свободная купля-продажа недвижимости стала нормой уже к 1993 году. К концу десятилетия примерно 25% российских домохозяйств «выкупили» свои квартиры, тогда как другие 25% уже жили в частных домах⁵⁶. Как правило, ни земельные участки под многоквартирными домами, ни помещения общего пользования внутри самих зданий (чердаки и лестничные клетки) не переходили из рук в руки; их формальными владельцами до сих пор остаются государство или местные власти⁵⁷.

Разумеется, эти перемены вызвали немало критики, поскольку самые большие выгоды доставались тем, кто занимал наиболее престижные квартиры. Многие высокопоставленные партийные функционеры и чиновники практически бесплатно получили в собственность просторные апартаменты в центре Москвы, тогда как менее привилегированным горожанам достались крохотные квартиры на окраинах, а то и вовсе ничего. Жильцы, которые занимали свои квартиры «незаконно» (то есть без прописки), остались с пустыми руками. Кроме того, в годы хаоса, последовавшего за распадом Советского Союза, перед мошенниками открылись практически бескрайние возможности для обмана наивных обитателей привлекательной недвижимости. Всеобъемлющая законодательная база для растущего рынка частного жилья до сих пор не совсем готова. Приватизация между тем идет своим чередом.

К началу XXI века в Москве на рынке жилья находилось 47% всех квартир — то есть право их использования могло свобод-

но продаваться и покупаться⁵⁸. В свою очередь, половина российских домохозяйств по-прежнему участвует в жилищных правоотношениях, восходящих к советскому периоду, и еще не воспользовалась своим правом на приватизацию. Большинство таких семей занимают свои квартиры на основе договоров социального найма⁵⁹, то есть платят совсем небольшую арендную плату и, в отличие от новоиспеченных собственников, не несут расходов на обслуживание зданий. Это серьезная проблема для властей, поскольку доходы от аренды не компенсируют им расходы на текущий ремонт, тогда как даже в советский период вложения в обслуживание зданий чаще всего были недостаточными. В то же время муниципалитеты по-прежнему ведут списки очередников, ожидающих переезда в такие квартиры, хотя теперь это происходит очень редко — по сути, только в случае внезапной смерти предыдущего нанимателя, поскольку в любой иной ситуации он, скорее всего, воспользуется правом приватизации и продаст свою квартиру. Кроме того, существуют договоры коммерческого найма, в соответствии с которыми, вопреки названию, размер арендной платы подлежит определенному регулированию, однако наниматель не имеет права на приватизацию. Этот тип муниципального жилья также теперь редкость. В целом советская и постсоветская приватизация обеспечила значительной доле населения ту стабильность, которая и так уже имелась в рамках прежней системы, а именно низкие ставки аренды и защиту от выселения. Для остальных, однако, ситуация стала более рискованной. Любой человек, который переехал из другого города или просто слишком молод, чтобы иметь полученную в советский период квартиру, полностью зависит от свободного рынка и вынужден мириться со ставками аренды, которые в больших городах абсолютно непосильны для получателя среднего заработка⁶⁰. Особенно печальная судьба ожидает на рынке жилья самые незащищенные группы — мигрантов и беженцев. Количество бездомных, незначительное при советской власти, непрерывно растет⁶¹.

В ситуации с жильем отражены общие тенденции развития российского общества. С момента распада Советского Союза разрыв между небольшим меньшинством очень богатых и огромным большинством очень бедных непрерывно растет. Хотя в период с 2001 по 2005 год среднемесячная зарплата прак-

тически утроилась, увеличившись со 112 до 302 долларов, ее получателю все равно почти невозможно выжить в Москве, входящей в число самых дорогих городов мира⁶². Значительная часть россиян живет в условиях безнадежной бедности⁶³. На другом краю социальной пропасти находятся так называемые новые русские, бенефициары капиталистической системы, про которых рассказывают анекдоты, напоминающие прежние шутки о партийной элите. Их количество является предметом обширной дискуссии; вероятнее всего, оно составляет менее 5% всего населения⁶⁴. Тем не менее новые русские в основном сосредоточены в Москве, где их присутствие задает параметры рынка жилья. В этом свете многоквартирные коробки и башни — символ постсоветского общества. Они — убежище для множества бедняков, которые по крайней мере владеют своими квартирами и потому не рискуют стать бездомными, — и они же наглухо закрыты для других, не менее бедных и тоже нуждающихся в жилье. Так или иначе, типовое жилье социалистической эпохи, ушедшей в прошлое, определяет повседневную жизнь и в современной России.

Панельные
здания в со-
временной
России

В современной России к панельным многоэтажкам нет такого негативного отношения, как в Западной Европе. Одна из причин — их повсеместная распространенность: только пятиэтажные хрущевки — это полмиллиарда из всех 2,8 миллиарда квадратных метров жилья в стране⁶⁵. Другое объяснение характерно для любой страны с ограниченными ресурсами и с многодесятилетней историей глубокой вовлеченности государства в решение жилищного вопроса: массовое панельное жилье здесь представляет собой не гетто для маргинальных слоев, а среду обитания с высоким уровнем социального разнообразия⁶⁶. Наконец, в отличие от многих других стран, эта застройка не воспринимается в России как пережиток прошлого. Государство по-прежнему вовлечено в обеспечение населения квартирами. В последние годы XX века власти, наряду с бывшими советскими предприятиями и учреждениями, владели 40% всего жилья⁶⁷. Муниципалитеты продолжают контролировать крупные строительные компании, а на жилищные

и инфраструктурные субсидии в этот период уходит около 3% валового внутреннего продукта страны — больше, чем на военные расходы⁶⁸. Продолжают проектироваться и типичные для советского периода микрорайоны со школами и детскими садами — хотя многоквартирные дома там нередко строят частные подрядчики⁶⁹.

И все же за время, прошедшее с момента распада Советского Союза, приоритеты существенно изменились. Очевиднее всего это в Москве, где сосредоточены основные богатства страны и где рынок жилья испытывает огромные перегрузки из-за непрерывно растущих цен на недвижимость. Мэрия планирует заменить хрущевки, особенно «сносимых серий», более качественной, высотной и плотной застройкой⁷⁰. В частности, решено избавиться от всех зданий серий II-32, II-35 и 1605-АМ/5, так же как и от знаменитой серии К-7 инженера Лагутенко, — этот проект сулит весьма значительные прибыли⁷¹. Заявления советских властей о том, что хрущевки должны простоять не более тридцати лет, развязали руки свободному рынку — едва ли кто-то из дававших эти прогнозы вкладывал в них такой смысл. Нынешние сносы ведут к более сильной социальной поляризации, а не к повышению качества жилья для всего населения. По плану мэрии, выселенным жильцам будут предоставляться другие квартиры, однако, даже если власти сдержат свои обещания, новое жилье, скорее всего, будет расположено в менее привлекательных районах⁷². С другой стороны, московские чиновники по-прежнему ищут экономичные способы решения жилищной проблемы: к примеру, запущена пилотная программа по переработке панелей снесенных хрущевок для использования полученных материалов в новом строительстве⁷³.

Подобно Мумбаи, Чикаго и многим другим городам, Москва в последние годы обзаводится фешенебельными многоквартирными комплексами. Роскошные кондоминиумы, построенные каждый по особому проекту, имеют мало общего с советскими панельными зданиями, однако принадлежат все к тому же типу повторяющихся башен посреди парка, характерному для массовой застройки. Они построены из кирпича или железобетона, для их фасадов не жалеют дорогостоящих материалов, а во внутренней отделке квартир использованы

многочисленные неоклассические детали. Какие-то из них появились на месте снесенных хрущевок, какие-то — на новых участках на окраинах. Среди самых известных подобных комплексов, построенных в начале XXI века, можно назвать «Воробьевы горы» на юго-западе Москвы неподалеку от МГУ и «Алые паруса» на северо-западе⁷⁴. И тот и другой расположены в выгодных точках города вблизи Москвы-реки; от «Воробьевых гор», кроме того, не так уж далеко до некоторых престижных мест, где в 1980-х годах строили жилье для партийной элиты⁷⁵. Оба комплекса обеспечены собственной социально-бытовой инфраструктурой, а территория огорожена и охраняется. Их кирпичные башни высотой от 24 до 48 этажей построены с использованием несущих конструкций из монолитного железобетона, а фасады оформлены цветными панелями, керамикой и природным камнем. Стоимость квартир в подобных зданиях — одна из самых высоких в мире, а с учетом средней для России месячной зарплаты в районе 300 долларов она кажется еще более запредельной⁷⁶. В 2007 году 140-метровая квартира в «Алых парусах» сдавалась за 7500 долларов в месяц. Ее счастливые обитатели получают множество преимуществ, характерных и для зданий сталинской эпохи: надежные кирпичные стены с неоклассической лепниной, просторные комнаты с высокими потолками до 3,2 метра и большие балконы с живописными видами. Другие особенности такого жилья характерны только для постсоветской реальности: подземная парковка, супермаркеты, аквапарк, баня и сауна, футбольное поле, беговые дорожки и яхт-клуб. Разница в том, как воспринимают такие комплексы живущие в них нувориши и иностранные архитектурные критики, огромна. Первые пребывают в восторге и готовы платить заоблачную арендную плату, а вторые видят в этих постройках крайнее воплощение дурного вкуса. Довольно любопытно, однако, что пишущие про «вульгарный кошмар во флорентийском духе» западные специалисты плохо различают дорогое и дешевое массовое жилье⁷⁷. К примеру, либеральная немецкая газета *Süddeutsche Zeitung* технически совершенно необоснованно назвала «Алые паруса» панельным зданием, тем самым уравнивая комплекс с типовыми многоквартирными высотками в ГДР, пользующимися дурной репутацией. Заявляя, что две трети строящегося сейчас в Москве жилья пред-

ставляют собой подобные «коробки», автор смешивает в одну кучу модернистские панельные здания эпохи социализма и современные кондоминиумы и делает вывод о неизбывной русской традиции, способной исключительно на умножение однообразного кошмара серийной застройки⁷⁸.

Хотя в современной России нет негативного отношения к массовому жилью в целом и многоквартирным высоткам в частности, их отдельные отличия являются предметом обостренного внимания. При оценке зданий советского периода качество материальной ткани оказывается куда важнее типологических особенностей. Москвичи, к примеру, уверены, что десятиэтажные брежневки лучше, чем некоторые из пятиэтажных хрущевок сносимых серий. Старые дома, где капитальный ремонт откладывался на протяжении многих десятилетий, менее популярны, чем более новые и менее изношенные. Наконец, спрос на надежные сталинские здания невозможно даже сравнить со спросом на низкокачественные многоквартирные коробки 1950-х и 1960-х годов. Некоторые исследователи трактуют эту ситуацию как утвердившееся в общественном сознании бинарное противопоставление, опирающееся на качество постройки, где на одном полюсе дешевое панельное жилье, а на другом — престижные дома сталинской эпохи с их классической эклектикой фасадов, которую теперь сплошь и рядом копируют дорогие новостройки⁷⁹.

Подводя итог, можно сказать, что политика, которую сейчас проводят власти в отношении панельных зданий советской эпохи, глубоко противоречива. С одной стороны, велико искушение распродать обветшалые панельные дома в престижных районах частным компаниям, которые их снесут и осуществят новую застройку освободившихся участков — причем во многих случаях эти планы основаны на весьма сомнительных мотивах, а то и прямой коррупции⁸⁰. С другой, если условием сделки с девелопером оказывается строительство нового дешевого жилья, то город тем самым демонстрирует определенный уровень ответственности по отношению к своим жителям, которым по большей части не по карману арендные платежи по рыночным ставкам. К сожалению, эта ответственность непрерывно ослабевает. До 2006 года Москва обязывала застройщиков обеспечить некоторое количе-

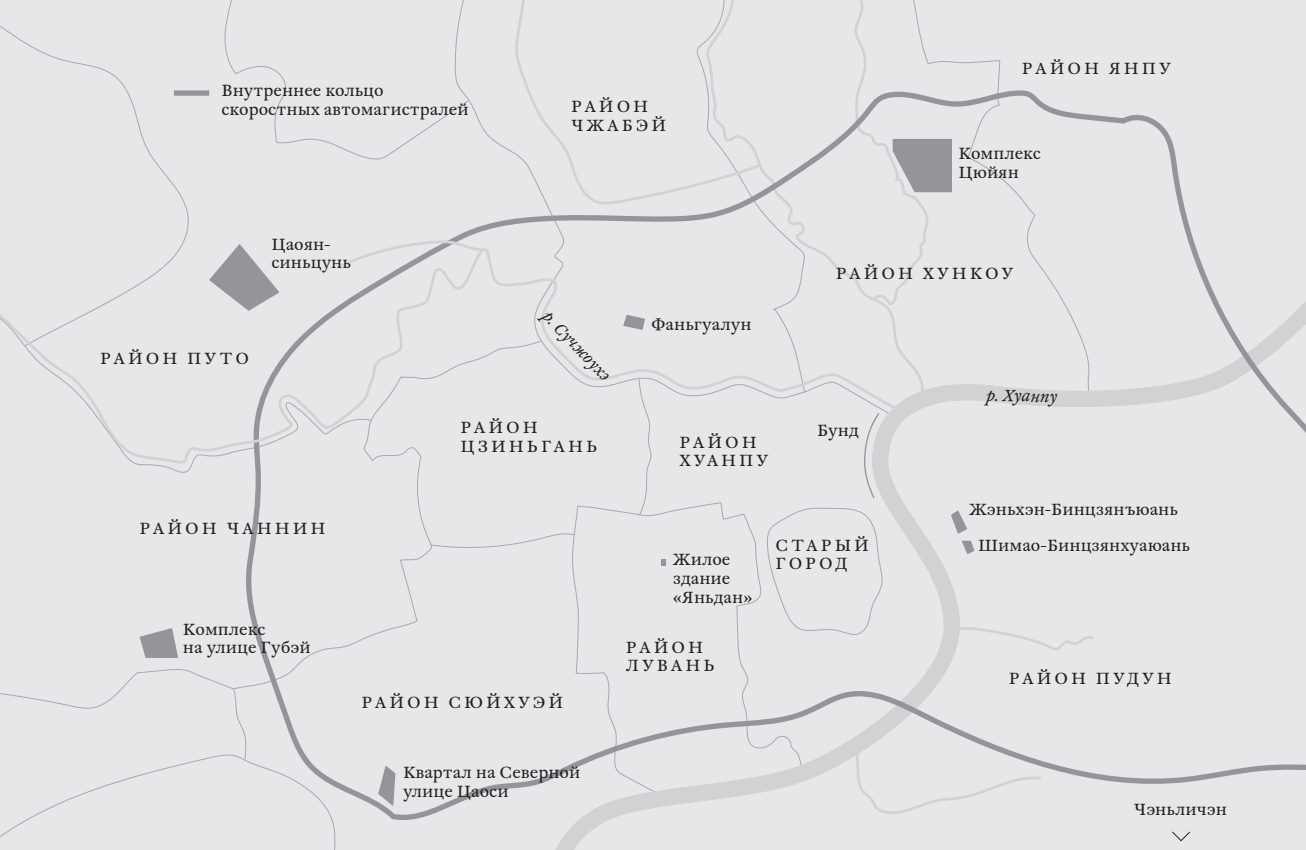
ство новых квартир за каждую снесенную хрущевку. Теперь же частные компании должны всего лишь внести в бюджет фиксированную сумму, а дальше уже сам город решает, инвестировать ли эти деньги в строительство жилья. В тех случаях, когда новые жилые дома все-таки появляются, тенденция складывается очевидная: для небогатых нанимателей строятся дешевые и низкокачественные панельные здания, а для богатых покупателей — кирпичные⁸¹. Хотя доля тех, кто имеет возможность выбирать между разными типами жилой застройки, увеличилась с момента распада Советского Союза, огромному большинству москвичей по-прежнему никуда не деться от своих квартир в панельных домах 1950–1980-х годов. Сохранению этой ситуации способствуют чисто экономические ограничения. Поскольку у нанимателей нет финансовых возможностей для переезда, они придерживаются весьма прагматичных взглядов на свою среду обитания. Никто, кажется, не способен даже вообразить город без таких зданий; эта особенность восприятия препятствует возникновению в общественном сознании какого-либо стремления к жилью иного типа. Немногочисленные богатые и очень богатые люди живут как-то иначе, а родным домом для обычных горожан остаются коробки и башни из готовых деталей — и эта ситуация едва ли изменится в обозримом будущем.

ГЛАВА 8. ВЫСОТНЫЙ ШАНХАЙ

Силуэт
Шанхая

На самой популярной шанхайской открытке изображена панорама сверкающих небоскребов, которые, кажется, буквально в один день выросли на болотистом восточном берегу реки Хуанпу. Второй по величине город Китая до такой степени ассоциируется с высотным жильем, что соперничать с ним в этом отношении может разве что Нью-Йорк. Многоквартирные башни в Шанхае очень разные. На территорию роскошного жилого комплекса, расположенного на набережной рядом с деловым районом, посетители въезжают через ворота с вежливой охраной. Машина остается на подземной парковке, а водитель, пройдя по безупречно подстриженной лужайке, попадает в мраморный вестибюль, откуда лифт уносит его в просторную квартиру с видами на реку. А может быть и так, что велосипед едва пролезает в калитку в ржавом заборе, взбираться по бетонным лестницам давно не крашенного подъезда нужно пешком, а жилье представляет собой узкую каморку (кухню и санузел приходится делить с соседями).

Массовая застройка здесь повсеместна. В начале XXI века большинство жителей Шанхая обитают в типовых многоэтажках и, похоже, не имеют ничего против — таков итог беспрецедентной по масштабам строительной программы. Явная благосклонность, с которой люди вне зависимости от своего социального статуса относятся к массовому жилью, резко контрастирует с противоречивой репутацией подобных зданий во многих западных странах. Это отчасти объясняется местными реалиями: огромная плотность населения вынуждает людей совместно пользоваться относительно небольшой территорией, а вечные автомобильные пробки при плохо развитом метропо-

8.1 Шанхай

литене делают не слишком привлекательной жизнь в пригородах. Однако в значительной мере нынешнее восприятие шанхайских высоток определяется социальными и культурными факторами, а также тем, как город приспособил для своих нужд эту архитектурную форму.

История массового жилья в Шанхае складывалась в контексте ряда характерных особенностей. Во-первых, определяющими в развитии китайских городов на протяжении долгих столетий были высокая плотность населения и ограниченная территория. Таким образом, многие типы исторической жилой застройки, включая знаменитый лилун (о котором ниже), можно считать прообразами современного массового жилья. В десятилетия, предшествовавшие началу Второй мировой войны, Шанхай стал одним из первых городов в Азии, где началось строительство домов на несколько семей со всеми современными удобствами. Это были и модернизированные лилуны, где к традиционной китайской планировке добавлены душ и балкон, и разнообразные многоквартирные здания в европейском духе. Во-вторых, на протяжении всего XX века государственные

власти Китая сохраняли очень плотный контроль над многими аспектами повседневной жизни граждан. Сильное государство характерно отнюдь не только для периода планового хозяйства, так что экономические реформы во многих отношениях ничего не изменили. Жилье было компонентом политики «железной чашки для риса» — государственной системы удовлетворения базовых потребностей населения, и вмешательство властей в эту область всегда воспринималось как нечто само собой разумеющееся. В разные периоды такое вмешательство осуществлялось по-разному, но его основополагающие принципы никогда не ставились под сомнение и тем более не становились предметом открытых дискуссий. Инструменты, посредством которых государство управляло повседневной жизнью гражданина, не ограничивались жилищной политикой; к ним следует отнести и тщательный надзор со стороны обязательного для каждого китайца места работы, и систему прописки (подробнее о ней ниже). В-третьих, по сравнению с вынужденным сосуществованием нескольких семей в одном помещении, которое было правилом в первые десятилетия после образования КНР, отдельные квартиры в типовых многоэтажных домах казались многим огромным шагом вперед: это была надежная защита от соседских свар, сплетен и доносов. Наконец, в-четвертых, китайские лидеры никогда не провозглашали целью равенство жилищных условий для всех граждан, по крайней мере так отчетливо, как это делали власти в других социалистических странах. Ни в одной плановой экономике практика распределения жилья не соответствовала до конца этому идеалу, а в Китае об этом не могло быть и речи. Количество квадратных метров, на которые мог претендовать китайский гражданин, высчитывалось по сложной схеме, и результат зависел не только от семейного положения и наличия детей, но и от возраста, профессии и служебного положения. Тесная связь между жилищными условиями и социальным статусом была, таким образом, в Китае очевиднее чем, например, в СССР. Кроме того, в отличие от советских жилых многоэтажек, китайская массовая застройка никогда не становилась важным инструментом в деле создания социалистического общества, так что на протяжении десятилетий строительство находилось в тени таких отраслей, как угольная или сталелитейная.

В Шанхае гордятся своей долгой историей многоэтажного жилого строительства. В 1930-е годы именно здесь появились первые азиатские высотки. Среди выросших в тот период небоскребов в стиле ар-деко были не только банки или офисы крупных корпораций, но и роскошные жилые дома, например двенадцатиэтажный отель Cathay — построенная в 1926 году на бульваре Бунд городская резиденция богатейшего шанхайского коммерсанта Виктора Сассуна. Расположенный неподалеку двадцатидвухэтажный Park Hotel (1934) оставался самым высоким зданием Азии до 1980-х годов. Традиция высотного строительства в Шанхае прерывалась только в первые два десятилетия существования КНР, когда политические и экономические проблемы не позволяли развивать такую архитектуру. В последующие годы жилищную политику в Шанхае определяли решения партийного руководства и бурный рост населения агломерации — с примерно пяти миллионов в 1950 году до почти тринадцати миллионов в 2000-м¹.

Вторую половину китайского XX века можно разделить на четыре этапа: первые годы народной республики (1949–1966), эпоха Культурной революции (1966–1978), период рыночных экспериментов (1978–1992) и полностью сложившаяся рыночная экономика (после 1992 года). В момент основания КНР в 1949 году Китай был малоразвитой страной, опустошенной многолетними военными действиями. Шанхай, который до 1930-х годов был, с одной стороны, плацдармом, откуда иностранные державы осуществляли разграбление китайских богатств, а с другой — точкой интенсивного взаимодействия западной и восточной культур, по-прежнему оставался одним из шести наиболее многолюдных городов мира, однако в большой мере утратил свое экономическое значение. Первые два десятилетия коммунистической власти стали в Китае временем антропогенных катастроф: в 1959–1961 годах жизни 20 миллионов человек унес голод, вызванный политикой «большого скачка вперед» (коллективизации сельскохозяйственного производства и насильственного насаждения тяжелой индустрии), а с 1966 года и до смерти Мао Цзэдуна в 1976-м в стране бушевала Культурная революция, приведшая к экономическому спаду, жестокому преследованию настоящих и воображаемых инакомыслящих, а также не имеющему аналогов в истории уничто-

жению культурного наследия. Начиная с 1970-х годов Китай вошел в период относительной политической и экономической стабильности и высотное строительство снова стало одним из уникальных преимуществ Шанхая. Хотя ситуация с правами человека по-прежнему оставляла желать лучшего, а всякая оппозиционная политическая деятельность жестоко подавлялась, китайская экономика быстро росла. После 1978 года власти начали постепенно внедрять рыночные механизмы. В 1992-м законодательство претерпело новые изменения, и уровень экономической свободы в Китае теперь практически не уступает западному. К началу XXI века двузначные показатели роста ВВП превратили страну в экономическую сверхдержаву.

До совсем недавнего времени условия жизни в Шанхае, как и в других китайских городах и городках, определялись дефицитом жилья, остроту которого трудно вообразить. По статистике, в 1958 году средний житель Шанхая располагал всего 3,8 квадратного метра «чистой жилой площади» (то есть без учета кухни и санузла), и это значение практически не менялось до 1980-х годов². Таким образом, шанхаец обитал на площади, меньшей, чем стандартная американская двуспальная кровать (3,92 квадратного метра). Это было крайне мало даже для социалистической страны: на среднего советского гражданина в 1950-е приходилось более 7 квадратных метров³. С середины 1980-х до 2007 года жилая площадь на душу населения увеличилась в Шанхае более чем в четыре раза и теперь составляет около 20 квадратных метров⁴.

<p>1950-е годы: стандартные планировки, индивиду- альное строи- тельство</p>	<p>Массовая модернистская застройка вводилась в КНР в два этапа. В 1950-е и 1960-е типовые многоквартирные здания строили в относительно ограниченном количестве, по стандартным проектам, но с использованием традиционных методов работы. К этому же времени относятся и локальные эксперименты со строительством из готовых деталей и индустриализацией отрасли, однако сколько-нибудь значительного масштаба они достигли только в конце 1970-х годов. Тем не менее 1950-е стали периодом существенного изменения жилищных условий, осо-</p>
--	--

бенно для бывших представителей среднего и высшего классов. После национализации частного жилья некогда привилегированные группы населения были вынуждены делить свои дома с чужими людьми. Дефицит жилой площади, нараставший из-за миграции из деревень в города, ощущали теперь все слои общества, а возможность уединения и право на личную жизнь оказались недоступными для абсолютного большинства населения.

Начиная с 1953 года китайское правительство проводило политику экономического развития, копирующую методы индустриализации в СССР. Однако имелось фундаментальное различие: в Китае росту тяжелой промышленности придавалось явно большее значение, чем строительству жилья и развитию услуг — премьер-министр Чжоу Эньлай (1898–1976) называл этот подход «сначала производство, потом уровень жизни»⁵. В области архитектуры это выражалось в приоритете «функциональности, экономичности, а если условия позволяют, то и красоты» — эту популярную в 1950-е годы формулировку часто приписывают тогдашнему министру строительства Ли Сюфэну⁶. Распространенный в начале десятилетия китайский вариант сталинской архитектуры — сочетание знаменитых скатных крыш с декоративными элементами из европейской и местной народных традиций — был вскоре отвергнут в пользу сурового модернизма. В отличие от Советского Союза, где в 1950-е годы как раз началось массовое производство многоквартирных домов из готовых деталей, в Китае жилью уделялось гораздо меньше внимания и инвестиции в жилое строительство за тот же период резко сократились⁷. Эксперименты в крупнопанельном домостроении не вышли за пределы нескольких пробных проектов⁸. Почему китайские чиновники на протяжении нескольких десятилетий сомневались, стоит ли внедрять индустриальные методы в жилое строительство, можно лишь предполагать. Вероятнее всего, китайская логика совпадала с индийской: отсутствует необходимая транспортная и производственная инфраструктура, зато доступна дешевая рабочая сила⁹. Официальный отчет 1960 года гласил, что построить панельный дом намного дороже, чем кирпичный, но эту стоимость можно снизить в процессе дальнейшей индустриализации строительной отрасли¹⁰. Однако китайское

руководство было не готово проводить глубокие преобразования, так что здания из готовых деталей оставались редкими исключениями.

Таким образом, в эти ранние годы «модернизация» китайского жилья ограничивалась изменениями в архитектуре. Многоквартирные здания сооружались по стандартным проектам, первые из которых были подготовлены с помощью специалистов из СССР¹¹. Начиная с 1955 года разработкой таких проектов для всей страны руководило Министерство городского строительства. Поставив задачу превзойти достижения советских товарищей, министерство попыталось удовлетворить жилищные потребности страны, одной из самых разнообразных в географическом отношении в мире, с помощью всего шести вариантов, соответствующих шести частям Китая: северо-востоку, северу, северо-западу, юго-западу, центру и юго-востоку¹². Во главу угла ставилась экономия. Секции стандартной планировки сооружались из кирпича и бетона, а их соединение позволяло строить разные здания, чаще всего двухэтажные и пятисекционные¹³. Типовые проекты описывали не только внешний вид и планировку здания, но и системы отопления, освещения и водоснабжения. Хотя такие дома строились не индустриальными, а традиционными методами, внешне они очень напоминали советские хрущевки. На протяжении 1950-х годов эти утвержденные стандарты не раз пересматривались в соответствии с проводимой партией политикой бережливости, и выделяемая на каждого жильца площадь становилась все меньше.

Модернистские «новые деревни»

Хотя в 1950-е и 1960-е массовое жилье не занимало в Китае верхних позиций в политической повестке, городские власти Шанхая все же осуществили несколько знаковых проектов, призванных продемонстрировать достижения коммунистического режима. Самыми знаменитыми из них оказались районы Цаоян и Фаньгуалун, которым и посвящен этот раздел.

В основе планировки и того и другого лежали характерные исключительно для Китая принципы организации жилой застройки, которые сложились еще до эпохи модерна и, воз-

можно, отчасти объясняют присущее большинству жителей Шанхая принятие многоквартирных зданий. Жилой район — и довоенные городские проулки, и скромные четырехэтажные кварталы 1970-х годов, и сверкающие небоскребы 1990-х — огорожен. На окруженную забором территорию можно попасть только через ворота со стороны главной улицы. Каждые такие ворота охраняет привратник, который в менее престижных жилых комплексах не переписывает имена посетителей, но все равно не пропускает попрошайек и мелких торговцев. Внутри отдельные здания соединены сетью закрытых для транзитного движения проездов, вдоль которых могут располагаться зеленые зоны, прилавки с фруктами, детские сады и небольшие магазины. Внутренние проезды оказываются полуприватными пространствами, где можно развешивать постиранное белье, чинить велосипед, болтать с соседом и не беспокоиться об играющих без присмотра детях. Такая планировка рождает чувство безопасности и формирует местное сообщество. Эти кварталы, которых немало возникло в первые десятилетия социализма, получили название «новых деревень». В отличие от строившихся в то время в СССР и других социалистических странах микрорайонов, они были невелики и редко предназначались для более чем нескольких сотен обитателей. Когда застройке подлежала большая территория, ее делили на несколько частей. Таким образом задавалась особая пространственная иерархия: детские сады могли находиться внутри каждого огороженного квартала, а более крупные объекты социальной инфраструктуры, такие как школы, рабочие клубы, больницы или универмаги, обслуживали сразу несколько кварталов.

Наиболее известным районом из числа «новых деревень» в послевоенном Шанхае стал Цаоян. Его архитекторы Ван Динцзэн и Цзинь Цзинчан были в курсе актуальных тенденций мирового градостроительства: Ван стажировался в Иллинойском технологическом институте в Чикаго, а Цзинь окончил университет в немецком Дармштадте. Цаоян, расположенный вдоль одноименной улицы в северо-западном районе Путо, строился с 1951 до 1953 года как образцовый проект и первоначально состоял из 48 зданий, суммарно рассчитанных на 1002 семьи¹⁴. Свободно разбросанные дома первой очереди в основном имеют два или три этажа. Построенные из кирпичей, а не из гото-

вых деталей, они тем не менее соответствуют единому типовому проекту. Растянувшаяся на 1200 метров территория общей площадью в 95 гектаров была достаточно велика, чтобы между зданиями возникли зеленые пространства — изрядная роскошь в таком густонаселенном городе, как Шанхай. Цаоян служил иллюстрацией провозглашенного партией курса: китайский пролетариат должен получить доступ к благам прогресса и модернизации. Школы, детские сады, дом культуры и магазины располагались в центре района, а сам он был неплохо интегрирован в окружающую городскую ткань. То, что диктовалось соображениями экономии, преподносилось как идеологически обоснованное: как и в советских коммуналках, каждой семье до-

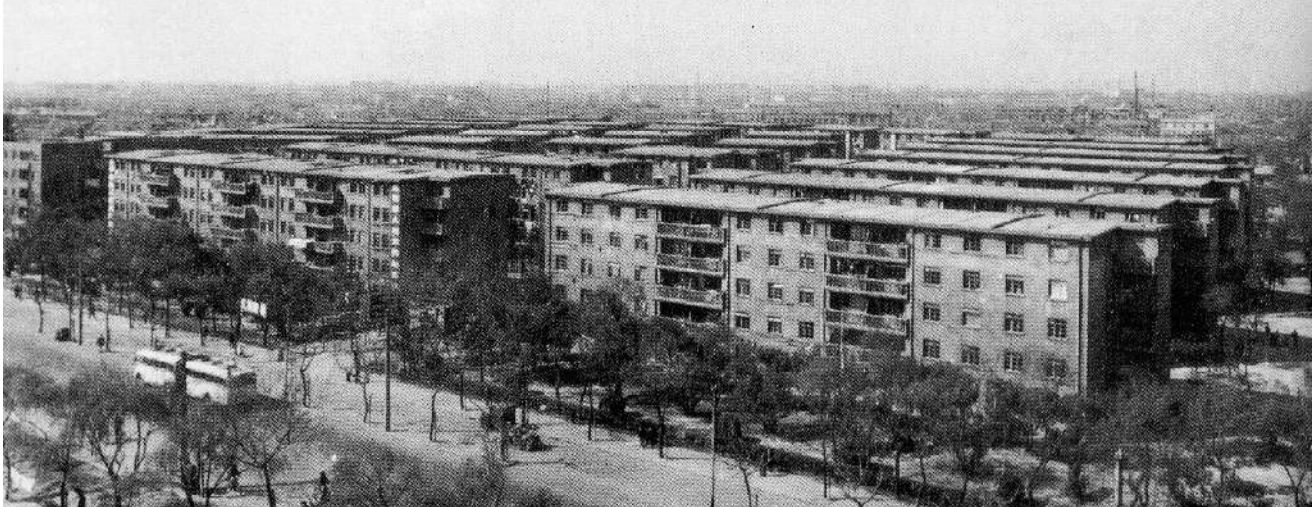
8.2 Цаоян-синьцунь
(1951–1953), архитек-
торы Ван Динцзэн
и Цзинь Цзинчан

ставалось по одной комнате, а кухня и ванная были общими для нескольких семей.

Цаоян дал старт целой программе, с помощью которой шанхайские городские власти надеялись решить проблему дефицита жилья и внедрить особую форму массовой застройки. К 1958 году в строй было введено 20000 квартир, в основном находившихся в той же части города, — к первоначальной «новой деревне» добавилось восемь других жилых ансамблей. Однако в растущем с фантастической скоростью Шанхае с его более чем пятимиллионным населением такие объемы были каплей в море¹⁵. Дома в Цаояне не были многоэтажными, но этот проект оказался первым шагом властей города к конвейерному производству жилья. Стандартизированные планировки, материалы и архитектурные решения позволяли рационализировать процесс строительства, и даже полы и лестницы, несмотря на то что поначалу их монтировали из деревянных досок традиционным методом, выглядели одинаково во всех зданиях. Приходившаяся на каждого члена семьи жилая площадь значительно превышала в Цаояне прискорбные средние показатели по стране, а тишина и обилие зелени были дополнительными преимуществами¹⁶.

Другим известным примером массовой жилой застройки стал комплекс Фаньгуалун, расположенный рядом со старым Северным вокзалом в районе Чжабэй¹⁷. Рассчитанный на 9000 жителей, он сооружался в 1963–1965 годах как образец достижений китайской экономики. Некоторые из 27 пятиэтажных зданий типовой планировки, где средняя площадь одного жилища равнялась 19 квадратным метрам (34 квадратных метра на семью, считая коридоры и кухни), были одноподъездными, другие — многоподъездными. Как и в Цаояне, две или три семьи должны были делить общую кухню и ванную. Другое сходство состояло в том, что в Фаньгуалуне жилые здания также располагались на огороженных территориях с несквозными проездами, отделенными от главных улиц; тут же имелись школы, магазины, поликлиника и тщательно распланированные зеленые пространства.

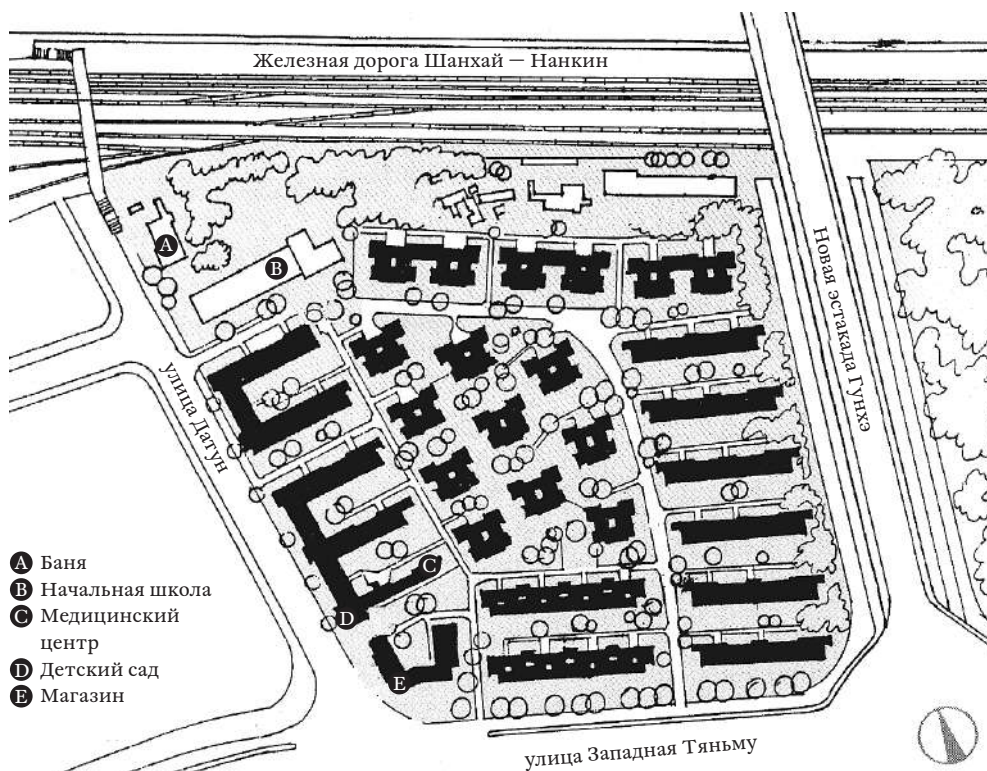
Шанхайские власти с гордостью приводили Фаньгуалун как пример продуманной политики в отношении трущоб: «отважные архитекторы с творческим складом ума» избавля-

8.3 Фаньгуалун (1963–1965) — образцово-показательный проект застройки территории бывших трущоб

ют город от перенаселенных лачуг, непригодных для человеческого обитания. В дореволюционном Шанхае на территории будущего Фаньгуалуна были беднейшие кварталы, где жили рикши и поденные рабочие, а также трудовые мигранты из расположенной к северу провинции Цзянсу, число которых непрерывно росло. К концу 1940-х годов приблизительно 20 000 человек ютились тут в хижинах и соломенных шалашах¹⁸. Предположительно, новые здания Фаньгуалуна должны были обеспечить более чем в два раза больше жилой площади. Официальные документы гласили, что «жителям трущоб» разрешалось свободно переезжать в новые дома¹⁹.

В тот период — как и сейчас — китайская государственная политика по расчистке трущоб была направлена против двух типов застройки. Один из них — это построенные до 1949 года деревянные лачуги, сменить которые и должен был Фаньгуалун и подобные комплексы. Однако наряду с этими настоящими трущобами, большинство из которых на сегодняшний день давно в прошлом, есть районы сооруженных без официального разрешения, однако вполне качественных зданий, которые продолжали строить и после революции. Эти, как их называют, «ветхие дома» — небольшие, с черепичными двускатными крышами, верандами и вечно развешанным на веревках бельем. С точки зрения западного человека, они выглядят уютно и необычно. Китайские чиновники, однако, все как один считали и считают, что такие кварталы должны исчезнуть; немало мэ-

8.4 Генеральный
план комплекса
Фаньгуалун

ров и партийных деятелей построили свою карьеру на их показательных сносах.

В этом контексте Фаньгуалун — хороший пример того, как проекты массовой жилой застройки в Шанхае служили архитектурному переобучению масс²⁰. Школьников водили в новый район на экскурсии, чтобы они видели, как далеко продвинулась по пути прогресса их социалистическая родина. Благодаря электричеству, водопроводу и имевшемуся в каждой квартире ватерклозету эти дома были на тот момент чуть ли не самыми современными в городе, и их несложно преподнести как революционный рай, населенный самыми преданными сторонниками коммунистической власти. Трущобы — это прошлое, более низкая стадия развития общества и лишь прелюдия к светлому настоящему. Довольно долго неподалеку специально сохраняли несколько старых развалюх, чтобы наглядно разъяснять младшим школьникам передовую политику коммунистической партии в области строительства. Так многоквартирные дома Фаньгуалуна оказывались эффективным пропагандистским инструментом.

И все же образцовые проекты вроде Цаояна и Фаньгуалун так и остались редкими исключениями. Форсированная индустриализация экономики в период «Большого скачка вперед» (1958–1961) привела к сосредоточению всех имевшихся в стране ресурсов на производстве стали. После объявления в 1966 году Культурной революции жилищное строительство в Шанхае и других крупных городах почти полностью замерло. Пока значительная часть китайской молодежи была увлечена навязыванием марксистской идеологии, проблема дефицита жилья отошла на второй план. Многим образованным горожанам пришлось переселяться в деревню. Глинобитные дома, строившиеся в этот период в основном

8.5 Низкоэтажная застройка с магазинами и мастерскими на улице Шанвэнь в Старом городе Шанхая. Китайские власти считают такие кварталы трущобами

в сельской местности, стали настоящим воплощением духа опоры на собственные силы, тяжелой борьбы и непринхотливости китайского населения²¹.

Панельные
экспе-
рименты

Один из немногих в Шанхае ранних экспери-
ментов с панельным строительством заслу-
живает особого внимания. Застройка улицы
Миньхан — характерный продукт короткого

периода, когда власти попробовали организовывать поселения-спутники за городской чертой. Работы в этом районе начались в 1959 году — как раз когда экономический кризис, вызванный «Большим скачком вперед», достиг пика. На дальней юго-западной окраине рядом с промзоной был спланирован самостоятельный город-спутник со своим собственным центром, расстояние от которого до Старого города Шанхая составляло около 32 километров. Тринадцать многоквартирных домов от четырех до шести этажей выстроились вдоль широких, засаженных деревьями улиц. Комплекс включал магазины, рестораны, почтовое отделение, театр и парк под названием «Красный сад». Первые этажи многих жилых домов были отведены под торговые нужды — в Китае того времени это было новшеством. Большая часть зданий построена из панелей размером 1,4 × 2,4 метра²²; точеная, лишенная каких-либо украшений белоснежная застройка напоминала произведения Ле Корбюзье или архитекторов Баухауса.

Несмотря на это, история типового жилищного строительства сложилась в Шанхае совсем не так, как в других уголках мира. В большинстве стран, как западных, так и восточных, оно достигало апогея в тот период, когда политики наиболее рьяно провозглашали преданность идеалам социал-демократии и общественного равенства. Политическое руководство Китая, наоборот, запустило широкомасштабную индустриализацию строительства, когда наиболее радикальные левые идеи как раз начинали терять актуальность. В Шанхае многоквартирные дома стали снова строить в начале 1970-х, под занавес Культурной революции. Однако эта новизна уходила корнями в предшествующий период политического радикализма, когда жилье понималось как инструмент в осуществлении центральной

политической задачи преобразования общества²³. Шанхай был вотчиной так называемой «банды четырех» — группы китайских партийных руководителей, возглавивших Культурную революцию, — и потому ему было суждено стать центром этого процесса.

В 1973 году в районе Сюйхуэй началось строительство самых высоких панельных жилых высоток своего времени — зданий высотой от 13 до 17 этажей на Северной улице Цаоси. Квартиры, к которым вели внутренние коридоры, были в этих домах в среднем по 60 квадратных метров, причем каждая со своей кухней и туалетом²⁴. Квартал на Северной улице Цаоси был первым крупным проектом, полностью выполненным из фабрично изготовленных панелей; за ним последовало множество других. На протяжении всех 1960-х годов постепенно нарастало использование готовых деталей — полов, лестничных пролетов, балконов и оконных балок, — а некоторые здания уже строились и из готовых бетонных блоков²⁵. К тому моменту, когда начались работы на Северной улице Цаоси, давно сформулированные доводы против высотной застройки уже теряли убедительность. Когда в 1981 году архитектор Чжэн Найгуй авторитетно опровергал в печати вредное воздействие многоэтажек на детей и стариков и указывал на неослабевающую популярность такой застройки в Англии и Франции, он уже выражал вполне общепринятую точку зрения. По его мнению, основным преимуществом высоток была экономия земли и расходов на прокладку инфраструктуры, что в свою очередь обеспечивало рост уровня жизни²⁶.

Структурные реформы:	Глубокие перемены в характере массовой застройки в Китае стали результатом так называемых «структурных реформ». Движение
приватизация	страны к капитализму началось в 1978-м, спустя два года после смерти Мао Цзэдуна. В дека-
и расслоение	бре партийное руководство объявило о начале экономических преобразований и тем самым задало тон эпохе беспрецедентного роста валового внутреннего продукта. Положив начало «Пекинской весне», китайские лидеры, кроме прочего, и прорвали внешнеполитическую изоляцию страны, и даже на время осла-

били жесточайшие репрессии инакомыслящих²⁷. В том, что касается жилья и недвижимости, распад системы начался в мае 1984-го, когда на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей VI созыва была принята резолюция о коммерциализации городского жилья, допуске частных компаний в сектор недвижимости, а также о налоговых и арендных сборах за пользование землей в городах. Полгода спустя, в октябре, пленум ЦК КПК решил начать строительство «плановой товарной экономики». Хотя в этом документе акцент по-прежнему делался на государственной собственности на землю и ничего не говорилось о покупке и продаже недвижимости, он заложил законодательные основы для нескольких форм договоров, которые во многих отношениях были равноценны праву частной собственности. В последующие годы объем этих договорных прав непрерывно рос: с 1985 года граждане получили возможность завещать их и получать в наследство, а год спустя они были закреплены в Конституции КНР²⁸. Премьер Госсовета Китая Ли Пэн, кроме того, выступал за свободный рынок жилья, постоянно заявляя, что квартиры не должны ничем отличаться от холодильников или велосипедов. Начиная с 1980-х годов девелопмент и строительство неуклонно переходили от государственных учреждений к коммерческим компаниям. С тех пор и до наших дней земля де-юре принадлежит государству, но де-факто находится в частных руках. Заключив договор «государственной аренды», частное лицо получает право пользования участком на семьдесят лет, причем это право можно продать, купить или передать по наследству. Отличия этого права от частной собственности в чисто капиталистическом понимании существуют только на бумаге. Самые ранние договоры государственной аренды истекут только в 2050-х годах, и в Китае едва ли найдется человек, который всерьез ожидает, что будущие китайские правительства как-то изменят сложившуюся в этой области практику. Большинство наблюдателей воспринимают ее как стратегический ход, предпринятый сторонниками рынка в партийном руководстве для того, чтобы избежать критики с идеологических позиций²⁹. Движение Китая к полному восстановлению капиталистических отношений не прервалось и в период политической реакции, который последовал за бойней на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. Репрессии ос-

8.6 Построенные в 1973 году башни на восточной стороне Северной улицы Цаоси

лабли к 1992-му, который запомнился как заря новой экономической эры. Под давлением фактического руководителя страны Дэн Сяопина проведенный тогда XIV съезд КПК провозгласил курс на «создание системы социалистической рыночной экономики». Было отменено большинство законодательных положений, ограничивавших свободу бизнеса, и экономика Китая вошла в период невиданных темпов роста — уже в 1993 году ВВП увеличился на 13%.

В сфере массового жилья политика приватизации привела к трем основным изменениям. Во-первых, резко ускорилось строительство. Некоторые источники говорят о более чем 150 миллионах квадратных метров в год, что примерно в десять раз превышает объемы, введенные в строй в КНР до 1979 года³⁰.

Начиная с 1980-х годов доля ВВП, которую Китай инвестировал в жилье, была одной из самых высоких в мире — 8,14% в 1985 году (в США и ФРГ в 1980-м это было соответственно 2,1 и 5,7%³¹). Основное внимание было сосредоточено на многоэтажной массовой застройке, спасительной для плотно населенных городов: правительство поддерживало ее, средняя этажность непрерывно росла³². К 1979 году самое высокое жилое здание в Шанхае еще не побило дореволюционный рекорд в 20 этажей, в 1990-м максимум составлял уже 33 этажа, а в 2000-м — 60³³. Невероятно быстро росло и число предприятий строительной отрасли³⁴. Во-вторых, наряду с более высокими технологическими стандартами стали повсеместно распространены отдельные кухня и ванная комната внутри каждого жилища — было введено понятие квартиры как основной планировочной единицы. Ну и в-третьих, гораздо ярче проявилась иерархичность китайского общества. Разрыв между высшими и непривилегированными слоями резко увеличился, причем теперь, как и в капиталистических обществах, он определялся разницей в доходах. Рабочие больше не пользовались такими преимуществами, как при Мао Цзэдуне, а политическое влияние интеллектуальной и предпринимательской элиты, наоборот, возросло³⁵. Наряду с расслоением в обществе все больше дифференцировались стандарты, планировки и архитектурные решения массового жилья.

В целом строительный бум принес одним социальным группам куда большие выгоды, чем другим. Даже на протяжении значительной части 1990-х львиная доля нового жилья — 82% в 1990 году — сооружалась не частными застройщиками на продажу, а работодателями для своих работников. Квартиры получали сотрудники крупных государственных корпораций, чиновники правительственных учреждений и преподаватели университетов, а школьных учителей или, например, наемных работников мелкого частного бизнеса это не затронуло, тем самым они были поставлены в очень невыгодное положение³⁶.

Когда крупные города превратились в центры экономического роста и материального благополучия, свой вклад в усугубление поляризации внес и еще один инструмент государственного контроля за гражданами — система, аналогичная советской прописке. Каждому китайцу вскоре после его рожде-

ния оформляется регистрация там, где зарегистрированы его родители³⁷. Сменить ее непросто: чаще всего это допускается только при браке, или по причинам, связанным с ведением бизнеса, или при получении квалифицированным работником предложения о новом месте работы. Особенно сложно зарегистрироваться в Пекине или Шанхае. Так же как и в России, эта форма ограничения социальной мобильности в практически неизменном виде пережила трансформацию социалистического уклада в капиталистический. До определенного момента считалось, что система регистрации сдерживает миграцию из деревень в города, однако начиная с 1990-х годов стало понятно, что сдержать ее невозможно. Необходимость регистрации создает огромные сложности для миллионов представителей сельской бедноты, которые вынуждены искать работу в городах. Поскольку проживание без регистрации противозаконно, а зарегистрироваться в крупном городе для трудовых мигрантов задача почти невыполнимая, они оказываются правонарушителями. Такая юридическая ловушка делает их особенно уязвимыми для самых разных форм шантажа и эксплуатации. Более того, находясь вне закона, они теряют доступ почти ко всей социальной сфере — до недавнего времени живущая в Шанхае семья мигрантов даже не могла послать своего ребенка в государственную школу. Ученые сравнивают положение таких незарегистрированных с судьбой нелегальных иммигрантов в США³⁸. Недавнее исследование китайских мегаполисов показало, что, хотя даже при капитализме бедные и богатые живут там в гораздо более тесном соседстве, чем в британских или американских городах, в рамках системы регистрации горожане с разным статусом ведут практически раздельное существование, причем центральные районы чаще всего населены исключительно обладателями постоянной регистрации³⁹.

Жилищное хозяйство также подверглось радикальным преобразованиям в период экономических реформ. До 1980-х годов почти все жилье в городах, за исключением домов на одну семью, принадлежало государству и предоставлялось гражданам практически бесплатно. К 1990 году месячная плата за небольшую квартиру была меньше стоимости пачки сигарет, так что средняя семья не тратила на жилье и 1% своего бюджета⁴⁰. Од-

нако на рынке продажи и покупки жилья, становившемся все более свободным, ситуация была принципиально иной. Низкие арендные ставки резко контрастировали с астрономической стоимостью права собственности⁴¹. С конца 1980-х был запущен процесс «приватизации» квартир — государство стало предлагать жильцам перевести на себя права на недвижимость⁴². Жилье, которое до того обеспечивалось государством, теперь понемногу становилось предметом денежных отношений. Это привело к созданию двухуровневой системы: прежние правила продолжали действовать для горожан со средним и низким доходом, а для более богатых возник рынок частного жилья⁴³. Счастливицы, которые продолжают жить в принадлежащих государству квартирах, так и платят арендную плату, растущую крайне умеренно, однако шансов получить подобное жилье с каждым годом все меньше⁴⁴. К 1996 году уже 46% шанхайских квартир обращались на свободном рынке⁴⁵.

На протяжении 1990-х собственниками своих квартир стала и значительная доля представителей среднего и нижнего среднего класса⁴⁶. Этот процесс шел несколькими различными путями. Прежде всего, подобно тому как это происходило в Советском Союзе в конце 1980-х, некоторые принадлежащие государству квартиры раздавались нанимателям за символическую плату⁴⁷. Другие семьи получали квартиры в собственность, поскольку их старые дома шли под снос из-застроек, которые вели местные власти. Наконец, третьей группе квартиры предоставляли частные инвесторы, получавшие право застроить участок земли, принадлежащий городу, в обмен на обязательство переселить жителей сносимых зданий. Суммарно все это привело к тому, что к 2007 году доля собственников жилья в Китае выросла до 68%, а в Шанхае составляла свыше 70%⁴⁸. Таким образом, всего за полтора десятилетия город нанимателей жилья превратился в город частных собственников. Такие преимущества, однако, касались лишь ограниченного круга — доступ к ним имели только те, кто официально зарегистрирован в Шанхае. Огромная масса рабочих-мигрантов, у которых никогда не было ни малейшего шанса получить легальный статус в рамках драконовской системы регистрации, осталась на обочине этого процесса. Еще одной обделенной группой оказались те, кто в момент приватизации был слишком молод, чтобы

иметь договор жилого найма на свое имя; теперь им оставалось рассчитывать только на растущий рынок жилья.

По мере постепенной приватизации и экономического подъема росли и инвестиции в жилищное строительство. К середине 1990-х проблема нехватки жилья была в целом решена. Жилая площадь на душу населения увеличилась в Шанхае с 4,5 квадратного метра в 1978 году до 9,3 в 1997-м и 15,5 в 2005-м⁴⁹. На первый план вышел вопрос поляризации жилищного рынка, которая отражала растущую пропасть между богатыми и бедными. Уже к 1985 году четверть городских домохозяйств имели в своем распоряжении необычно большую площадь в 14,8 квадратного метра на душу населения, тогда как оставшиеся 75% должны были довольствоваться всего 4,4 квадратного метра⁵⁰. Ситуацию усугубляло то, что бенефициары новой рыночной экономики предпочитали инвестировать сбережения в квартиры, которые после этого чаще всего оставались пустовать⁵¹. Значительная доля жилья в рыночном секторе простаивает в ожидании возможной перепродажи, а квартир для семей с низким и средним доходом по-прежнему не хватает.

Высотное
жилье
для элиты
и масс

Преобразования привели к возникновению нового типа многоквартирной высотки, которому было суждено серьезно повлиять на восприятие обществом массового жилья. Этим типом стал жилой комплекс для элиты. Отличить роскошный кондоминиум от более заурядных зданий — задача в Шанхае гораздо более сложная, чем в США или России, поскольку в городе представлен целый спектр высотной застройки с бесконечным числом разновидностей от дешевой до дорогой. Однако даже самые эксклюзивные комплексы можно отнести к массовому жилью, поскольку число квартир в них зачастую достигает нескольких тысяч.

Первые жилые башни, официально предназначенные для привилегированных слоев населения, начали строить в 1980-е силами совместных с иностранцами предприятий⁵². Жилой дом Яньдан в районе Лувань представляет собой построенную на железобетонном каркасе крестообразную в плане башню высотой в 28 этажей. На современный взгляд он ничем особо не

выделяется, однако условия, в которых живут обитатели его 197 квартир, вполне можно назвать роскошными (в сравнении с теми, какие предлагаются в домах окружающей застройки). Яньдан расположен в самом центре города, примерно в десяти минутах ходьбы от мэрии и Народного парка. Каждая квартира тут имеет по два санузла и просторную кухню, а в тех, что расположены в южном крыле, окна выходят на парк Фусин.

Шикарный кондоминиум Айцзянь на углу улиц Линлин и Южная Ваньпин тоже результат работы совместного предприятия. Это четыре одноподъездные пятнадцатизэтажные башни (по восемь квартир на этаже), построенные в районе Сюйхуэй в середине 1980-х годов с использованием технологии железобетонного каркаса⁵³. Крестообразный план зданий напоминает китайский иероглиф 井 («колодец»), и архитекторы комплекса часто говорили о «форме колодца». Строительные материалы превосходного качества включали в себя и мрамор для облицовки стен. Квартиры оборудовались раковинами из нержавеющей стали, бойлерами и телефонными линиями. И высота потолков (2,9 метра), и средняя площадь квартир (96 квадратных метров) существенно превышали типичные для Шанхая показатели.

И Яньдан, и Айцзянь проектировались для «зарубежных китайцев», то есть для экспатов с Тайваня, из США или из других стран. Действовавшая до 2001 года норма позволяла иностранцам приобретать строго определенные квартиры⁵⁴. Именно расчетом на состоятельную клиентуру объясняются более высокие стандарты строительства этих комплексов, просторные квартиры, многочисленные зеленые пространства и серьезная система безопасности. В архитектурном плане, однако, они очень похожи на те, что предназначались для обычных шанхайцев. Зажиточные приезжие точно так же жили в построенных индустриальным методом многоквартирных домах стандартных планировок.

Чтобы понимать масштаб нараставшего классового расслоения в жилищной сфере, необходимо вспомнить, что на протяжении значительной части 1980-х годов квартиры с современными удобствами были доступны лишь крохотному меньшинству населения. Проведенное в 1986 году общенациональное исследование жилищных условий 40 миллионов го-

родских домохозяйств показало, что лишь 24% жилищ в городах были «полными» — то есть предназначались для одной семьи и состояли из гостиной, спальни, кухни, туалета и прихожей. Хотя в 98% квартир и комнат было проведено электричество, лишь в 57% было собственное водоснабжение, а 16% делили источник водоснабжения с соседями. Только в 24% имелся свой туалет и в 10% — общий с соседями санузел. Остальные пользовались общественными туалетами на улицах. Всего 63% городских домохозяйств имели собственные кухни; еще 6% делили кухни с соседями, а все прочие готовили в неприиспособленных для этого помещениях, например в коридоре⁵⁵.

Наряду с дорогими высотками в 1980-е было построено большое количество коробок и башен для менее состоятельных семей. Одним из самых крупных таких проектов стал начатый в 1979 году комплекс Цюйян на участке в 80 гектаров в северном районе Хункоу⁵⁶. Миллион квадратных метров жилья предназначался для 30 000 обитателей. Весь комплекс был разделен на шесть огороженных территорий, которые как будто не имели друг к другу никакого отношения (вход на каждую был через отдельные ворота). Застройщики особенно гордились продуманным распределением объектов социальной инфраструктуры: больница, школы, детские сады, магазины и спортивные площадки размещались тут по особой трехуровневой системе. Верхний уровень обеспечивал нужды всего комплекса, средний — одной огороженной территории, а нижний — нескольких соседних домов. Основной задачей было по возможности не заставлять пешеходов пересекать широкие сквозные улицы. Административный центр комплекса, расположенный на северо-западном углу улиц Цюйян и Юйтянь, включал в себя квартальный комитет жителей, несколько административных помещений, полицейский участок и первый в Шанхае крупный торговый центр. В застройке Цюйяна смешаны здания разных типов и планировок. Для внешней отделки использовался цветной бетон, а иногда и мозаичные панно. На каждой из огороженных территорий были как пятиэтажные коробки, похожие на те, что строились в Цаояне, так и крестообразные в плане двенадцатиэтажные башни — на тот момент одни из самых высоких жилых зданий в Шанхае. В большинстве случаев на каждом этаже располагалось восемь двухкомнатных квар-

тир с отдельными кухней и туалетом. В некоторых домах были трехуровневые квартиры с внутренними лестницами: средний уровень был отдан под гостиные и кухни, а спальни и санузлы располагались выше и ниже. Архитекторов, работавших в Цюйяне, явно заботила экономичность: стоимость строительства снижалась, к примеру, за счет того, что лифты в домах останавливались только на каждом третьем этаже. Для новоселов, которые привыкли делить кухню и туалет с соседями, квартира в таком комплексе в любом случае была огромным шагом вперед. В 1989 году городские власти провозгласили Цюйян одним из десяти лучших архитектурных проектов, осуществленных в Шанхае за сорок послереволюционных лет⁵⁷.

Помимо ярко выраженной социальной дифференциации проектов, в любом шанхайском здании массовой застройки имела своя иерархия квартир, очевидная для каждого обитателя. В шестизэтажке, к примеру, самыми престижными были квартиры на третьем этаже, а далее — на четвертом, втором, пятом, первом и, наконец, на шестом. Определяющим было число лестничных пролетов на пути до двери квартиры, жара (невыносимая прямо под крышей) и влажность (самая высокая на первом этаже)⁵⁸. Лучшей ориентацией окон считались север или юг: в субтропическом Шанхае солнце в летний полдень почти в зените, так что квартира с окнами на юг прогревается меньше всего. Ненадежность лифтов, а ими зачастую управляли лифтеры, работавшие строго по расписанию, делала верхние этажи совсем уж непопулярными. С годами, впрочем, планировки квартир и теплоизоляция зданий становились все лучше, росла надежность лифтовых механизмов, и эти факторы утратили свою актуальность.

Высотная
застройка
или исто-
рические
проулки?

В 1990-е годы на противоположном от Старого города берегу Хуанпу вырос Пудун-синьцуй («Новый район к востоку от реки») — и глянце-
вые журналы по всему миру начали описывать Шанхай как продвинутый мегаполис. Болотистый Пудун, сельская местность, обеспечивавшая овощами шанхайские рынки, внезапно превратился в самую впечатляющую часть городской панорамы. Рядом с розовой те-

лебашней среди прочих достопримечательностей стоят 88-этажный небоскреб Цзинь Мао, построенный по проекту архитектурного бюро Skidmore, Owing, and Merrill, и башня Всемирного финансового центра, которая когда-то должна была стать четвертой по высоте в мире. Ошеломляющий масштабами строительный бум не ограничивался офисными зданиями. С невероятной скоростью по всему городу, часто на месте снесенных зданий прежних эпох, вырастали новые жилые высотки. Увидев своими глазами этот размах работ, уже не удивляешься, что, по данным The New York Times, Китай в последние годы потреблял 54,7% произведенного во всем мире бетона и 36,1% — стали⁵⁹.

Совсем по-другому повседневная жизнь горожанина выглядит в тех кварталах старого Шанхая, которые еще не затронуты городским обновлением. Однако в отличие от Европы и Северной Америки, традиционная и современная формы многосемейной городской застройки и связанные с ними ценности здесь не противопоставлены друг другу, а воспринимаются как разные варианты одного явления. Главным типом домодернистского жилья в Шанхае является уже упомянутый лилун (дословно «система проулков») — жилой квартал особого рода, более плотный, чем, скажем, пекинский хутун. Доступ к сети перпендикулярных друг другу внутриквартальных проулков осуществляется через небольшие ворота, выходящие на проезжую улицу. Отдельные здания, двух-трехэтажные и с двускатными крышами, стоят в лилуне плотными рядами, как в английской террасной застройке. Попасть в них можно только из какого-нибудь проулка, за исключением тех, что смотрят на улицу. Совокупность проулков образует полуприватное пространство, где гуляют дети, сплетничают старики и сушится белье; иногда здесь же работают уличные торговцы. Кухня, чаще всего расположенная на первом этаже дома, общая для нескольких семей, но отдельные газовые плиты и раковины с кранами служат залогом того, что каждый платит только за свои коммунальные услуги. В более старых лилунах какая-либо современная санитарная инфраструктура просто отсутствует, так что содержимое ночных горшков ежедневно выливают в общую выгребную яму, зато в так называемых «новых лилунах», построенных в 1930-е годы, есть канализация, туалеты и даже небольшие балконы. Любой лилун тем не менее принадлежит

8.7 Построенный в 1925 году и отреставрированный в 1980-е лилун по адресу улица Пэнлай, 303. Здания слева: так выглядит шикумэнь

современности в том смысле, что это безоговорочно городское жилье, появившееся как реакция на быстрый рост Шанхая в конце XIX века. Самый старый из сохранившихся лилун построен в 1878 году⁶⁰; большинство относится к началу XX века. Характерным для лилунов архитектурным решением был шикумэнь (дословно «дом с каменными воротами»). Со стороны проулков богато украшенные каменные ворота вели в отдельные крохотные дворики, откуда уже можно было попасть в сами дома, стоящие вплотную друг к другу. Шикумэнь — явление чисто шанхайское; считается, что в нем соединены традиции китайской архитектуры и английских террасных домов.

Первоначально каждый шикумэнь строился для одной семьи — роскошь, воображая лишь в давно ушедшую эпоху. В наше время нередко в каждой комнате на каждом этаже ночует семья из двух взрослых и одного или двух детей, а иногда еще и родители родителей. Кипящая уличная жизнь здесь результат острой необходимости. Дедушка пьет чай или играет в карты на улице, поскольку днем ему просто нет места внутри. А когда его сын выходит из общего душа с полотенцем, обернутым вокруг бедер, и успевает пожелать доброго утра пятерым знакомым, прежде чем снова окажется дома, для него это скорее раздражающая повседневность, чем выражение чувства принадлежности к соседской общине.

На протяжении десятилетий власти ставили перед собой задачу уничтожения лилунов и строительства на их месте современного жилья. Их риторика при этом очень напоминала западную: модернизация, прогресс в области санитарии и отказ от «отживших свое» жилищных условий. Методы же были совсем не такими, как, например, в Берлине. Снос лилунов велся под действием исключительно рыночных факторов. Высотные здания в Шанхае не столько воплощение модернистской мечты, сколько наиболее эффективный способ расселения большого количества людей на дорожающих земельных участках. В отличие от принадлежавших государству многоквартирных высоток, которые в течение 1990-х были в основном переданы бывшим нанимателям за символическую плату, лилуны по-прежнему остаются в руках властей. Дома тут попросту слишком маленькие, чтобы их можно было разделить между живущими в них семьями. По этой же причине в них лишь в редких случаях можно было оборудовать новые туалеты и ванные комнаты. Поскольку у муниципалитета не хватало средств, чтобы расселить половину жильцов и тем самым увеличить площадь для оставшихся семей, снос и последующее новое строительство оказались с точки зрения города единственным экономически оправданным способом улучшить качество жизни. Лилуны распродавались застройщикам, которые сносили их, предоставляя бывшим обитателям финансовую компенсацию или новые квартиры — иногда прямо на том же месте, но чаще в пригородах, где цены на недвижимость гораздо ниже. В целом весь процесс напоминал деятельность мум-

байского Управления реконструкции трущоб. Город не тратил деньги на ремонт, застройщики получали доход от каждого квадратного метра сверх того, что было необходимо для переселения бывших обитателей лилунов, а те практически бесплатно становились собственниками жилья. В результате этой политики на протяжении 1990-х и первой половины 2000-х годов тысячи и тысячи квадратных метров традиционного жилья сровняли с землей, чтобы освободить место для многоэтажек. Сноса на сегодняшний день удалось избежать лишь трети из тех лилунов, которые в первые послевоенные годы служили домом для 70% населения Шанхая⁶¹.

В середине 1990-х ситуация начала меняться благодаря успехам движения за сохранение исторической застройки. Сносы целых кварталов кое-где еще случаются, однако их число, по мнению экспертов, резко сократилось⁶². Налицо и признаки изменившегося отношения со стороны городских властей. Любой шикумэнь теперь воспринимается как важная часть архитектурного наследия Шанхая. В 1991 году в Китае было принято законодательство об охране памятников, а с 1994-го под его защиту могут попадать целые участки застройки⁶³. На практике, однако, такой статус обеспечивает лишь ограниченную защиту. Для двух из четырех категорий охраняемых памятников допустима перестройка всего здания за исключением несущих конструкций и фасада. Даже в районах, целиком объявленных объектами исторического наследия, защищенными от сноса оказываются лишь очень немногие здания⁶⁴. В Шанхае такой статус сейчас предоставлен двенадцати территориям, включая весь Старый город и отдельные части бывших Французской и Британской концессий. Но снос исторических домов продолжается и там, зачастую из-за того, что разрешения на новую застройку были выданы еще до присвоения району охранного статуса⁶⁵. Тем не менее Чжэн Шилин, возглавляющий Городской комитет охраны исторических районов, говорит, что уничтожение памятников архитектуры идет все меньшими темпами. Надежду, по его мнению, внушает и позиция нового главы шанхайского комитета партии Си Цзинпина, который вскоре после своего назначения в 2007 году выступил с заявлением, что старые здания надо сохранять. Десять лет назад такое сложно было бы даже вообразить⁶⁶.

Тем не менее перед сторонниками сохранения лилунов стоит очень непростая задача. Им приходится бороться не только с могучим строительным лобби, но и с жителями этих районов. Участники движения за охрану памятников признают, что, в отличие от тех, кого в 2000-е затронула программа сноса мумбайских трущоб или в 1970-е городское обновление центральных кварталов Берлина, большинство жителей лилунов с нетерпением ожидают сноса своих домов⁶⁷. По мнению внешних наблюдателей, в первую очередь они страдают от перенаселенности и полного отсутствия частного пространства — то есть от всего того, что в Америке и Европе служило главным обоснованием для модернистского проекта массовой жилой застройки. Трехметровая ширина проулка в типичном лилуне не оставляет шансов сохранить хоть что-то в секрете даже для самого скрытного семейства — как гласит поговорка, «за обедом нужно очень стараться, чтобы не попасть палочками в чашку с рисом на столе у соседа»⁶⁸. Излишне тесные контакты с соседями вызывают опасения, и это объясняют многочисленными в недавней истории периодами репрессий, когда донос или сплетня могли поставить под угрозу будущее или даже жизнь человека. Важно и то, что законный статус нанимателей жилья внушает обитателям лилуна куда большую по сравнению, например, с жителями мумбайских трущоб уверенность, что после сноса они получат новую квартиру. Вне зависимости от того, разделяет ли стремление переехать все население лилуна — многие представители старшего поколения, похоже, не испытывают по этому поводу особого энтузиазма⁶⁹, — чего уж точно не заметно, так это широкомасштабного сопротивления жителей предстоящему сносу. Это невозможно объяснить лишь страхом перед государственным аппаратом подавления или отсутствием независимых средств массовой информации, поскольку время от времени борьба неких обитателей Старого города с бульдозерами все же попадает на страницы газет — однако все такие случаи касаются домов, принадлежащих одной семье⁷⁰. Так или иначе, сейчас трудно предположить, до какой степени мир уличных торговцев, импровизированных кухонь в проулках и детей, играющих в подворотнях, сможет уцелеть в самом сердце Шанхая.

8.8 Снос лилуна на
улице Дацзин в Ста-
ром городе Шанхая

8.9 Жэньхэн-Бин-
цзяньюань (Yanlord
Gardens) был постро-
ен на берегу Хуанпу
в Пудуне между 1997
и 2003 годами. Сей-
час это один из самых
дорогих жилых ком-
плексов в Шанхае

Станет ли
Шанхай
столицей
высотного
жилья?

Мало кто из шанхайцев сам выбирает жизнь в лилуне; престижные квартиры расположены в высотках. Один из самых дорогих жилых комплексов Жэньхэн-Бинцзяньюань находится в Пудуне, на противоположном от Бунда берегу Хуанпу⁷¹. С 1997 по 2003 год там выросло

одиннадцать фешенебельных башен, всего в них 1940 квартир. Во многих отношениях этот проект — диаметрально противоположность лилуну. На безукоризненных лужайках между домами дамы выгуливают собак, молодежь резвится в открытых бассейнах. Не будучи здешним жильцом, случайно попасть на эту огороженную территорию невозможно: служба безопасности пропускает только приглашенных. Мало кто из жителей лилунов может даже мечтать о переезде в этот идеально ухоженный город-рай. Квадратный метр в одной из его просторных двухэтажных квартир с видом на реку стоит приблизительно 60 000 юаней (4000 долларов; охранник, скорее всего, получает не больше 120 долларов в месяц). И все же есть общее: и те и другие дома расположены в самом центре шестнадцатимиллионного мегаполиса, но вдали от его шума и пыли; и те и другие — типовое жилье для большого числа людей; и там и там на улице бурлит жизнь.

Жэньхэн-Бинцзяньюань и соседний с ним комплекс Ши-мао-Бинцзяньхуаюань⁷², состоящий из зданий от 49 до 60 этажей в высоту, относятся к самому дорогому сегменту современного массового жилья в Шанхае. Однако и предложений для среднего класса немало. В том же Пудуне в 1994 году началось строительство квартала Саньлиньюань, состоящего из семиэтажных зданий со скромно оформленными фасадами и полными двускатными крышами. Главным образом, сюда должны были переселяться жители снесенных домов; часть квартир предназначалась для реализации на свободном рынке. Планировка призвана способствовать формированию локального сообщества: все здания квартала сгруппированы вокруг просторной площади и многофункционального досугового центра. Каждые три жилых дома образуют небольшой открытый дворик, куда выходят функциональные пространства общего пользования, например помещения для хранения велосипедов на первых этажах⁷³.

Одним из крупнейших проектов массовой жилой застройки в городе стал комплекс Чжунъюань-Лянваньчэн, построенный в 2000 году на северном берегу реки Сучжоухэ в районе Путо⁷⁴. Благодаря эффектному внешнему виду Чжунъюань-Лянваньчэн едва ли не самая фотографируемая новостройка Шанхая — панорама плотно стоящих высоток, отражающаяся в речной воде, напоминает Гонконг. Проект разработало авторитетное государственное бюро ECADI. 36 светлых башен уместились на довольно небольшом участке в 50 гектаров, а их суммарная жилая площадь составила 1,6 миллиона квадратных метров. Коэффициент полезной площади здесь 3,2, причем доля застроенной территории достигает лишь 15%, оставляя, несмотря на высокую плотность, довольно много места для зеленых насаждений. Доступ в квартиры — из коридоров внутри здания.

Подобно многим проектам 1990-х годов, Чжунъюань-Лянваньчэн возник на участке, освобожденном от низкоэтажной застройки, в которую входили как дореволюционные лилуны, так и кварталы построенных без официального разрешения уютных домов на одну семью, признанные трущобами. Специалисты согласны, что, если бы не такие профинансированные из частных источников программы городского обновления, муниципальным властям никогда бы не удалось ввести в строй столько высококачественного жилья, но в то же время критикуют высотную застройку за джентрификацию целых районов и разрушение жизненного уклада традиционного города. Охраняемые комплексы дорогого жилья и монофункциональные кварталы коммерческой недвижимости вытеснили отсюда смешанное по своему социальному составу население⁷⁵.

Власти по-прежнему весьма серьезно относятся к своим обязанностям по ремонту и модернизации многоквартирных домов, принадлежащих государству. В 2000 году шанхайский муниципалитет запустил программу установки двускатных крыш на модернистских типовых зданиях. Как гласит народная молва, мэр хотел, чтобы у тех, кто впервые видит Шанхай из иллюминатора самолета, создалось впечатление, что это город с богатой историей. На самом деле целью тут было решить проблему вечных протечек плоской кровли и улучшить термоизоляцию на случай холодов или жары⁷⁶. Также во мно-

8.10 Комплекс Чжунъюань-Лянваньчэн (Brilliant City, 2000 год) из тридцати шести башен для относительно состоятельного населения

гих жилых высотках появились новые кухни, ванные комнаты и лифты. Не вполне исчезли из списка приоритетных для китайского общества и идеалы эгалитаризма: чтобы увеличить ввод в строй жилья в самом доступном рыночном сегменте, мэрия в 2006 году обязала частных застройщиков предусматривать в своих жилых комплексах как минимум 70% квартир с площадью менее 90 квадратных метров⁷⁷.

Декларируемой задачей по-прежнему остается высокая плотность застройки, однако нынешние стандарты предусматривают чуть меньшую высоту зданий, чем несколько лет назад. За пределами внутреннего кольца скоростных автомагистралей предписанный коэффициент полезной площади теперь составляет 2,0 для жилой застройки и 3,0 для офисных

8.11 Панельный массив Чэньличэн (Everest Town, он же Vanke Golden Licheng), строящийся в южной части Пудуна

зданий, тогда когда до 2003 года эти показатели составляли 4,0 и 7,5 соответственно. Внутри кольца планировочные регламенты рекомендуют сооружение зданий в девять-двенадцать этажей; высота застройки не должна превышать 80 метров, что примерно соответствует двадцатипятиэтажному дому⁷⁸.

Кроме всего прочего, высотные здания стабильно популярны среди шанхайцев самого разного социального положения, что привело к ренессансу панельной застройки — которая во Франции или Германии ассоциируется сегодня исключительно с провалами современной архитектуры. В условиях социалистической плановой экономики панельное строительство никогда не достигало в Китае таких масштабов, как в России или других странах Восточной Европы. Теперь, после установления

в стране рыночных отношений, экономические выгоды, которые сулит при осуществлении крупных строительных проектов внедрение индустриальных методов, интересуют главным образом крупных частных девелоперов. Хорошим примером тут может послужить жилой массив Чэньличэн, который строит фирма Vanke в южной части Пудуна, примерно в 16 километрах от центра города⁷⁹. Яркие баннеры обещают будущим новоселам жизнь в гармонии с природой посреди пышного парка. Коричневые двадцатипятиэтажные здания напоминают пригород Стокгольма Веллингбю или берлинский Марцан, хотя качество строительных материалов здесь, судя по всему, выше. Всего в Чэньличэне запланировано 280 000 квадратных метров жилья. Поскольку государство обязывает частных девелоперов обеспечивать жителей новостроек инфраструктурой, торговыми помещениями и общественными зданиями (школами и детскими садами), этот свежий продукт китайского капитализма на самом деле очень похож на социалистические микрорайоны. Vanke гордится тем, что строит из панелей: девиз «стандартизация гарантирует качество» предваряет в рекламе компании список ее компетенций — от архитектурного проектирования до ввода в эксплуатацию. В стратегические задачи Vanke входит разработка типовых проектов высотных панельных зданий для всех сегментов жилищного рынка⁸⁰.

В Шанхае многоэтажки часто фигурируют в дискуссиях о безудержном разгуле капиталистической инициативы; их материальные свойства, так же как и восприятие в обществе, обычно не обсуждаются. Рыночный бум почти не оставляет времени для привычных на Западе разговоров о том, как малоэтажная застройка способствует развитию соседской солидарности и формированию духа локальной общины. Примерно то же самое происходит и с попытками градозащитников уберечь историческую архитектуру лилунов от наступления высотных жилых комплексов, сулящих гигантские прибыли.

Рынок недвижимости в крупнейшей городской агломерации Китая устроен совсем не так, как в Лондоне или Чикаго. Квартиры в шанхайских высотках — это очень ходовой товар, и жить там, в противоположность западным стереотипам, считается абсолютно нормальным. Позитивное отношение к высотному жилью разделяют все слои общества: по-настояще-

му престижная квартира с видом на реку стоит дороже, чем вилла с садом на окраине. Центр остается самым популярным местом для жизни, и некоторые из достоинств шанхайских лилунов — расположение, отгороженность от городской суеты и возможность общения с соседями в полуприватном пространстве — многие высотные жилые комплексы воспроизводят в практически неизменном виде. Все эти обстоятельства и продолжающийся бурный экономический рост — залог того, что коробки и башни так и останутся в Шанхае одним из самых распространенных типов жилой застройки.

ГЛАВА 9.

ГЛОБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА В МЕСТНЫХ УСЛОВИЯХ

Приспо-
собляемость
массовой
застройки

За последние шестьдесят лет серийный жилой дом как явление продемонстрировал такое разнообразие форм, которое вряд ли могли предположить его создатели. Развитие архитектурной идеи, предполагавшей равные жилищные

условия для всех, привело к появлению широчайшего спектра вариантов. Поставленные на конвейер многоквартирные здания могут быть мало- или многоэтажными, кирпичными или панельными, дешевым муниципальным жильем или роскошными кондоминиумами, отдельно стоящими или входящими в огромные жилые массивы; их могут строить частные или государственные компании; они расположены в центре или на окраине, разделены узкими асфальтированными проходами или утопают в пышной зелени. Иногда квартиры в них — это крохотные однокомнатные студии, а иногда — просторные двухэтажные апартаменты. Их фасады могут быть и образцами строгого модернизма, и игривыми упражнениями в неоклассике. Не менее различны их обитатели: это и представители среднего класса и получатели социальных пособий, и элита общества и его отбросы, и старожилы и вчерашние мигранты. Что же позволяет такому шаблонному на первый взгляд типу застройки проявлять столь поразительную изменчивость?

Спустя примерно столетие после того, как модернисты, архитекторы и строители, начали отстаивать идею равных жилищных условий для всех, можно с уверенностью сказать, что их цели так и останутся утопией. Хотя многие страны сейчас находятся в лучшем экономическом положении, чем пятьдесят лет назад, неравенство в мире, увы, только растет. В отстаивавших прежде идеологию коммунизма России и Китае сегодня

мы видимо глубоко поляризованные общества, и даже в таких странах, как Германия и Франция, где в 1960-х и 1970-х годах качество жизни бедных и богатых начало выравниваться, разрыв между ними снова растет. Во всех случаях массовая жилищная застройка сыграла свою особую роль в процессе формирования этого нового неравенства.

Как правило, архитектура многоквартирных зданий скорее приспособлялась к социальным условиям, чем определяла их, но одновременно и оказывала им некое сопротивление. Особенно это очевидно на примере Бразилии, где задача достичь равенства жилищных условий вступила в конфликт с поляризацией общества. Вместо того чтобы помогать, как ожидали архитекторы, формированию среднего класса, многоэтажки Бразилиа оказались приспособлены к требованиям социальной среды с ее индивидуализмом и классовыми различиями: парки, общественные пространства и муниципальная инфраструктура постепенно приватизировались, а неравенство в архитектуре, ассортименте доступных удобств и уровне обслуживания жилья только росло. Тем не менее демократичные устремления создателей города все же нашли отражение в эгалитарном пространственном устройстве Бразилиа, которое не может быть сведено на нет даже глубоким расслоением общества. Совершенно особые формы городской жизни, цветущие здесь несмотря ни на что, — результат этого архитектурного своеобразия; как ни парадоксально, их выживанию способствовало даже движение за сохранение исторических памятников, которому удалось, например, добиться запрета на ограничение доступа в кварталы-суперквадры.

Особенности массовой жилой застройки в любой стране могут быть объяснены сочетанием трех факторов: своеобразием местных представлений о ключевых для процесса понятиях, структурой данного общества и различиями в архитектурном контексте, куда должно было внедряться массовое жилье. В первую очередь, в каждом из городов очень по-своему понимали эгалитаризм и государственное вмешательство. Культурные предпочтения и политические реалии, например демографические и миграционные процессы, играли свою роль в определении целевой группы, подразумеваемой в программной формулировке «равные жилищные условия для всех», и от них же зависел объем инвестиций, который та или иная националь-

ная экономика была готова выделить на достижение цели. Тут можно вспомнить, к примеру, и то влияние, которое чикагское строительное лобби оказало на масштабы, формы и географию муниципального жилья в этом городе, и китайскую стратегию «сначала производство, потом уровень жизни», которая в 1950-е годы привела к оттоку государственных инвестиций из жилого строительства. В каждом из рассмотренных в этой книге городов понятие «государственный эгалитаризм» приобретало свое значение. В коммунистическом Шанхае это был коллективный рывок иерархически организованной государственной машины к прогрессу и ускоренному развитию. В Бразилиа — новообретенная солидарность между крошечным средним классом и его менее состоятельными соседями. В тех битвах, которые бушевали вокруг модульной многоквартирной застройки в Германии, Франции или США, на первом месте была роль государства в справедливом распределении богатств и одновременно — в управлении повседневной жизнью граждан. Когда Америка отказалась от крупномасштабных программ жилищного строительства, это стало первым шагом в переходе правительства от форм социальной политики, так и не ставших для него органичными, к ориентации исключительно на свободный рынок. Во Франции, Германии, России, Китае или Индии политика государственного вмешательства не потерпела полного и окончательного краха, а эволюционировала параллельно с переосмыслением задач и целей государства в ситуации, когда возникают новые частные и общественные игроки.

Во-вторых, концепция «современного образа жизни» также не была универсальной. Модернизированная повседневность выглядела по-разному в зависимости от дохода, что в свою очередь вызывало существенные изменения в облике жилой застройки. Не везде жилье так выраженно дифференцировалось, как в Индии, где для низко-, средне- и высокодоходной групп населения официально предназначались совершенно разные планировки и фасадные решения. Тем не менее вполне наглядная типология многоквартирных зданий довольно быстро сформировалась во многих странах. Разница между муниципальным жильем и роскошным кондоминиумом примерно такая же, как между домиком фермера и загородным поместьем, владелец которого развлекает себя игрой в сельскую идиллию.

И муниципальный многоквартирный дом, и башня кондоминиума восходят к общему прототипу, только в первом случае серийность и высотность являются насущной необходимостью, а во втором — стилистическим выбором. Для дорогого массового жилья характерны кирпичные стены, просторные квартиры и хорошие отделочные материалы, тогда как в дешевом привычнее промышленно изготовленные панели, компактные планировки и низкие потолки. Первое строится в центре города, второе — в непрестижных районах на окраине. Дорогой вариант массовой застройки распространен в Шанхае, Мумбаи, Москве, Бразилиа, до некоторой степени в Чикаго и гораздо реже встречается в Париже или Берлине. В основе таких различий лежат законодательные особенности и культурные стереотипы. И в Париже, и в Берлине высотное строительство в центре города строго ограничено, а живописные ансамбли исторических кварталов считаются огромной ценностью. Кроме того, в случае Берлина экономическая стагнация является причиной относительно низкого спроса на дорогое жилье.

В-третьих, для восприятия и оценки массового жилья очень важно, с какими формами домодернистской застройки оно сопоставляется. Принципы архитектурного и градостроительного модернизма были изначально сформулированы как четкая альтернатива существующему городу. Противопоставление старого и нового (многоквартирная башня — доходный дом, современное жилье — трущобы) было основополагающим для оценки соответствующей городской среды, и эта оценка могла меняться на противоположную при изменении контекста. Когда в парижских пригородах появились высотные жилые массивы, они смотрелись островками прогресса в окружающем море бараков и лачуг. Стоило десятилетие спустя исчезнуть трущобам, и построенные самыми дешевыми методами башни начали воспринимать как жилье низшего класса по сравнению с прекрасными домами XIX века, расположенными в центре. В первые годы существования Бразилиа полупустые модернистские коробки довольно мрачно выглядели на фоне брызжащих жизнью поселений, наскоро сооруженных для строительных рабочих; не прошло и десяти лет, как новые кварталы стали символизировать устоявшийся порядок, которому угрожают бесчисленные социальные проблемы расплзающихся

фавел. Однако, как я уже упоминал, способность архитектуры сопротивляться сложившимся в обществе условиям определяется тем, какие она дает возможности для переосмысления и нового понимания: предназначенные для среднего класса кварталы Бразилиа с их высоким качеством строительства и выгодным расположением в конце концов заслужили признание и местных жителей, и иностранных гостей. Даже в полностью дискредитированных районах массовой застройки в Берлине и Париже прослеживается четкое разграничение между жильем более высокого и более низкого качества.

В понятие «местный контекст» входят и социокультурные особенности — ими объясняется разное развитие событий даже в исходно похожих ситуациях. Возьмем, к примеру, изменение репутации массовой застройки в 1960-е годы, когда она стала ассоциироваться исключительно с маргинализированными меньшинствами: в США, Франции и Западной Германии этот процесс протекал по-разному. Во всех трех странах многоквартирные дома проектировались для представителей большинства населения, лишь позднее оказавшись пристанищем для мигрантов или афроамериканцев, и во всех трех странах общественное мнение о них претерпело внезапную и очень резкую перемену. Однако в Германии и Франции иммигранты в первом и втором поколении стали массово переселяться в жилые высотки только в 1970-е годы, спустя примерно десятилетие после их постройки. В США же переориентирование массовых жилищных программ на представителей меньшинств произошло еще до того, как начали строиться или даже планироваться наиболее крупные комплексы: такие проекты, как чикагский Роберт Тейлор Хоумз, изначально задумывались для черных жильцов. В Западной Германии доля меньшинств (то есть иммигрантов) в населении комплексов массового жилья почти никогда не превышала 25%, во Франции этот показатель был существенно выше, а в США во многих муниципальных зданиях жили практически только афроамериканцы. В обеих европейских странах внезапный поворот в общественном мнении произошел, когда обитателями массового жилья еще преимущественно являлись представители большинства: в Париже это случилось в 1959 году, а в Западном Берлине — в 1968-м. Американская публика никогда до конца не одобряла высотную

жилую застройку, однако резкое ухудшение отношения можно датировать 1965 годом, когда ассоциация «муниципальное жилье — черное население» была уже вполне устоявшейся. Таким образом, даже в западных странах демографические сдвиги в районах массовой застройки и изменения в общественном мнении шли по разным траекториям.

Стандартизированный образ жизни, тесно связанный с массовой жилой застройкой, почти нигде не стал всеобщим — наоборот, он часто оказывался одним из многих возможных вариантов. В Мумбаи существование тех, кто обеспечивает рабочей силой его бурно растущую экономику, в хибарах и лачугах — по-прежнему знак экономического угнетения, но в то же время и особенность современного мегаполиса, где трущобам и роскошным кондоминиумам не прожить друг без друга. В Чикаго или Париже на отрицании многоквартирных башен основана самоидентификация зажиточных групп населения, но и в этих городах экономические связи между муниципальным жильем и иными типами застройки обретают крайнюю наглядность каждое утро, когда тысячи работников сферы обслуживания (чьи низкооплачиваемые специальности теоретики современного бесклассового общества когда-то провозглашали отмирающими) покидают свои высотки, чтобы начать охранять или прибирать жилища богачей. Так, значение типовых зданий как жилья для привилегированных или угнетенных слоев населения связано с распространенностью современного образа жизни и часто проявляется в пространственном расположении — в центре города или на окраинах. В этом отношении современная массовая жилищная застройка задавала конкретные социально-географические рамки для процесса модернизации соответствующих обществ.

Неодно-
значные
последствия
и восприятие
в контексте

Многочисленные программы массового
жилого строительства — это успех или про-
вал? Несмотря на то что во многих странах
в обсуждении этой темы господствует норма-
тивный дискурс, стоит пристальнее присмо-
треться к общим чертам таких дискуссий, со-
отнести их с задачами, которые некогда ставили теоретики
массового жилья.

Всеобъемлющее регулирование рынка жилья, к которому прибегли государственные власти в Шанхае, Париже или Берлине, на самом элементарном уровне дало в целом положительные результаты. За последние пятьдесят лет в этих городах значительно улучшились условия жизни самых непривилегированных слоев. Даже в Мумбаи, где осуществлению идеи жилья для масс препятствовали бедность, взрывной рост населения, неэффективность бюрократии и неспособность обеспечить постоянное качество управления в строительной отрасли, многоквартирные высотки обеспечили нормальные санитарные условия и надежную крышу над головой для существенной части населения. Напротив, в Бразилиа или Чикаго, где вмешательство государства было более ограниченным, проблема социальной поляризации в жилищной сфере за полвека почти не утратила своей остроты. Нигде в мире рыночный подход не помог обеспечить квартирами приемлемого качества все слои населения; даже в странах с самой либерализованной экономикой отсутствие постоянного государственного вмешательства в этой сфере приводит к росту числа бездомных и увеличению доли не соответствующего минимальным требованиям жилья. Кризис, постигший в 2008 году крупнейшие ипотечные агентства США Fannie Mae и Freddie Mac, а потом и переход их под контроль федерального правительства, доказал несовершенство свободного рынка. Агентство Fannie Mae было создано в 1930-е годы в рамках политики «Нового курса» президента Рузвельта как правительственное учреждение, имеющее монополию на операции на вторичном рынке ипотечных займов, и его приватизацию в 1968 году жестко критиковали политики, поддерживавшие вмешательство государства в экономику. Национализация 2008 года не означала обратного усиления государственного контроля, однако доказала неспособность рыночных механизмов обеспечить долгосрочную стабильность даже представителям среднего класса. Да, политика правительственного вмешательства тоже не привела к обеспечению качественным жильем абсолютно всего населения, однако отсутствие такого вмешательства почти неизменно влечет за собой катастрофическое ухудшение качества жилья для самых бедных.

Дискуссии об успехе или провале массовой жилой застройки, которые кипели во многих странах мира, в очень большой

степени связаны с местным контекстом — демографической ситуацией и доступностью иных форм жилья, с одной стороны, и классовой структурой общества и уровнем благосостояния городского населения, с другой. Квартира в типовой высотке могла оказаться практически роскошным жильем, как в Мумбаи, или чем-то близким к трущобе, как в Париже. Из всех рассмотренных в этой книге городов только в Чикаго, Париже и Западном Берлине коробки и башни стали объектом непрерывающейся общественной дискуссии, в ходе которой их репутация сошла на нет за удивительно короткий промежуток времени. Предметом споров в этих случаях становились стратегии, которые государство использовало для того, чтобы определять условия жизни своих граждан. В том, что касается меньшинств — афроамериканцев в Чикаго или североафриканских иммигрантов вокруг Парижа, — жилищный вопрос оказался прочно связан с политикой идентичности. Когда сталкивались различные групповые интересы, становилось особенно очевидно, что патерналистское государство не способно соответствовать декларируемому идеалу беспристрастности, а его предполагаемая забота — это всегда одновременно и форма контроля. В Чикаго и Париже многоквартирные высотки стали узловыми точками тех общественных проблем, которые могли и не иметь прямого отношения к самим зданиям, но ярко проявились в микроекографии жилой застройки. Преимущества в виде центрального отопления или водоснабжения перечеркивал присущий высотному жилью недостаток — социальная изоляция.

В целом репутация высотного жилья в этих городах оказалась никак не связана с его эффективностью в разрешении жилищного кризиса. Отвечая на вопрос об успехе или провале массовой застройки, практически никто не вспоминал о ее первоначальных задачах — преодолеть дефицит жилья и обеспечить современный стандарт качества жизни. Между тем в Париже и Берлине, где на протяжении долгого времени и до сих пор общественное мнение настроено резко против высотной жилой застройки, ее позитивное влияние очевидно: ни там ни там в наше время почти не встретишь крайнюю бедность, как в начале XX века. То же относится и к Шанхаю, где многоквартирные дома никогда не оказывались в центре общественной дискуссии. Программы строительства массового жилья здесь

отвечали на вызовы модернизации и значительно улучшили ситуацию в городе, где на протяжении многих десятилетий на каждого жителя приходилось меньше четырех квадратных метров частного пространства.

Эволюция массовой жилой застройки в значительной мере отражает те социальные и политические условия, которые сложились в каждой стране еще до начала строительства многоквартирных зданий. В Китае тема всеобщего равенства оказалась переосмыслена в рамках системы иерархической стратификации, существовавшей еще в условиях плановой экономики и ставшей более выраженной благодаря структурным реформам и последовавшему за ними классовому расслоению. Первые высотки повышенной комфортности, строившиеся для состоятельных «зарубежных китайцев», а потом и для местных бенефициаров рыночной экономики, еще отражали характерные для того времени коллективные ценности и почтение к иерархии, но непривычно ярко демонстрировали различия между социальными группами. В этом смысле они точно соответствовали китайским реалиям — постоянному внутреннему напряжению между авторитарным режимом и все более свободной экономикой. В Индии коробки и башни стали порождением общества, которое издавна было сильно поляризовано, но в период рыночных реформ пережило резкий рост городского среднего класса. В отличие от Шанхая, в Мумбаи в отношениях собственности и землепользования участвовал гораздо более широкий спектр социальных групп: это были не только государственные власти, девелоперы и владельцы недвижимости, но и до некоторой степени общественные объединения обитателей трущоб. География массовой застройки соответствовала здесь укоренившейся модели крайне смешанного социального состава населения, так что небоскребы кондоминиумов вырастали прямо рядом с трущобами. В случае Мумбаи идея широкомасштабного строительства жилья минимального допустимого качества оказалась бессмысленна тем, что на протяжении всего XX века широкие слои населения не имели доступа вообще ни к какому официально оформленному жилью; такая ситуация сохранялась в условиях квазисоциалистической смешанной экономики и приобрела еще большую остроту после рыночной либерализации.

Изменчивый смысл, неизменная архитектура

Ход дискуссии о массовой застройке определяли не только особенности экономики, политики и общественного устройства, но и чисто архитектурные факторы — в первую очередь местоположение зданий и качество строительства. Когда высотное жилье строилось там, где сосредоточена экономическая или культурная жизнь, — и совсем необязательно в центре города, — это самым положительным образом сказывалось на его репутации. Районы массовой застройки редко становились новыми центрами, но градостроительный размах и высокая квалификация строителей гарантировали им популярность.

Если отвлечься от этих элементарных соображений, то, вероятно, самым большим архитектурным недостатком высотного жилья было отсутствие в нем необходимой гибкости. Концепция единого планировочного решения, призванного удовлетворить всех и каждого, с самого начала несла в себе угрозу конфликта между «современным образом жизни» и его альтернативами. Яркие примеры дают истории о бывших крестьянах, которые держат скот на шестом этаже, или о бывших кочевниках, которые при переезде на новое место вывозят из квартиры двери и окна. Не менее очевиден этот конфликт, когда семья из нескольких поколений распадается из-за того, что ей не хватает места в стандартной двухкомнатной квартире, или когда работник с частичной занятостью безуспешно пытается превратить столовую в офис или мастерскую. Человеку непросто приспособить свою квартиру к другому, незапрограммированному образу жизни или нестандартным требованиям: типовое жилье не предполагает, что ты рассчитываешь на собственные силы, и это особенно хорошо видно в ситуации, когда благополучие бедных слоев населения полностью зависит от ограниченных средств из государственного бюджета. Неработающие лифты, холодные батареи, забитые мусоропроводы и текущие трубы — подобные последствия этой зависимости, изрядно подпортившие репутацию массовой жилой застройки, можно было встретить в Чикаго точно так же, как и в Мумбаи. Но и у тех, кто живет в отлично обслуживаемых комплексах, не очень много возможностей для формирования собственной среды обитания. Классический пример — квартиры в восточ-

ногерманских панельных домах, где центральное отопление часто было устроено таким образом, что температура в предполагаемых спальнях была на несколько градусов ниже, чем в предполагаемых гостиных, — в результате любому, кто хотел поработать или поиграть с детьми в «неправильной» комнате, приходилось дрожать от холода. Другим проявлением негибкой организации повседневной жизни в массовом жилье была судьба социальной инфраструктуры, от школ и детских садов в советских микрорайонах до соседских ассоциаций и молодежных клубов в Париже и Берлине: на определенном этапе они приносили массу пользы, но, к сожалению, сплошь и рядом оказывались слишком косными, чтобы приспособиться к меняющимся условиям. Это становилось особенно очевидным, когда, например, там, где прежде преобладали молодые семьи, резко увеличивалась доля одиноких пожилых людей, а детские сады было невозможно переоборудовать в дома престарелых, или если большинство домохозяйств внезапно переставало быть нуклеарными семьями с двумя детьми и работающим вне дома отцом. Режимы, верившие в централизацию и организующую общество силу точных наук, высоко ценили строгость проектирования, но именно за нее здания, построенные в 1960-х и 1970-х годах, стали критиковать еще до того, как новое поколение архитекторов занялось разработкой более гибких квартирных планировок.

Общественная дискуссия о массовой жилой застройке затрагивала разные вопросы и на архитектурных особенностях была сконцентрирована лишь отчасти, но именно изменения в восприятии зданий предшествовали изменениям в составе их обитателей — а не наоборот. Во многих странах, включая США, Францию и в определенной мере Западную Германию, многоквартирные башни изначально планировались для представителей большинства, но позже оказались прибежищем для угнетенного меньшинства — афроамериканцев в США и иммигрантов из Северной Африки и Южной Европы во Франции и Германии. Во Франции и Германии сначала пошла на спад популярность высотного жилья среди состоятельных слоев, которые могли себе позволить переезд, а уже потом начала расти доля маргинальных групп среди его обитателей. В Чикаго картина была менее однозначной, поскольку как минимум

с 1950-х годов целевой аудиторией программ муниципального жилья, когда-то задуманных в расчете на белый средний класс, стали небогатые афроамериканцы. Но сходство все равно есть: как только в общественном восприятии массовой застройки произошел перелом, более благополучные представители черного населения покинули ее, а остались только те, у кого практически не было выбора.

Заглядывая в ближайшее будущее, можно с уверенностью сказать: какой бы справедливой ни была критика социальной изоляции, на которую обречены обитатели французских пригородов, американских комплексов муниципального жилья и их многочисленных аналогов, массовая застройка не отжила свой век. Несмотря на немалые достижения в прошлом, прямое вмешательство государства в работу рынка жилья снижается в очень многих странах, чего не скажешь об объемах высотного жилищного строительства. Рост популярности коробок и башен можно предсказать со вполне математической точностью: за исключением тех городов Европы и Северной Америки, где наблюдается сокращение населения, определяющими факторами в городской жизни будущего станут демографический рост и усиливающаяся урбанизация. На этом фоне автомобильные пробки и высокая стоимость энергоносителей сделают крайне непривлекательной перспективу долгой ежедневной дороги от дома до работы. Образцом станут современные Мумбаи и Шанхай, где представители среднего класса живут в многоквартирных башнях, а не в домах на одну семью, и взамен получают близость не только к узловым точкам городской жизни, но и к магазинам, ресторанам и развлекательным заведениям, специально заточенным под их нужды. Нам остается только гадать, к каким новым решениям в архитектуре жилых высоток приведут изменения в законодательстве и потребительских предпочтениях, но нет сомнений, что такие здания будут все в большей степени становиться нормой по всему свету.

СПИСОК СОБЕСЕДНИКОВ

- Банерджи-Гуха, Свапна* (географ, Институт общественных наук Тата). Мумбаи, 9 июня 2008 года.
- Контрактор, Хафиз* (архитектор). Мумбаи, 3 июня 2008 года.
- Дешпанде, Лалит* (экономист, профессор Университета Мумбаи). Мумбаи, 6 июня 2008 года.
- Фельдман, Роберта* (архитектор, профессор градостроительства Иллинойского университета). Чикаго, 10 апреля 2007 года.
- Хуан Ижу* (специалист по городскому планированию, Университет Тунцзи). Шанхай, 29 августа 2007 года.
- Хант, Брэдфорд* (профессор общественных наук, Университет Рузвельта). Чикаго, 10 апреля 2007 года.
- Цзян Цзян* (архитектор, Шанхайское городское управление жилья и землепользования). Шанхай, 29 августа 2007 года.
- Джоши, Панкадж* (архитектор, градозащитник). Мумбаи, 10 июня 2008 года.
- Ли Чжэнъюй* (архитектор, Университет Тунцзи). Шанхай, 24 августа 2007 года.
- Махаджан, Сулакшана* (специалист по городскому планированию, Всеиндийский институт местного самоуправления). Мумбаи, 5 июня 2008 года.
- Манохар, Пратхима* (архитектор, журналист). Мумбаи, 9 июня 2008 года.
- Мехротра, Рахул* (архитектор). Бостон, 14 апреля 2008 года.
- Пател, Шириш* (инженер-строитель). Мумбаи, 2 июня 2008 года.
- Пол, Анирудх* (архитектор, профессор Института архитектуры в Мумбаи). Мумбаи, 10 июня 2008 года.
- Пхатак, Видьядхар* (бывший глава Отдела городского и сельского планирования Управления регионального развития агломерации Мумбаи). Мумбаи, 11 июня 2008 года.

Прабху, Чандрашекхар (архитектор, бывший президент Управления по жилищному и территориальному развитию штата Махараштра). Мумбаи, 7 июня 2008 года.

Рейес, Дамарис (исполнительный директор общественной организации Good Old Lower East Side). Нью-Йорк, 9 октября 2007 года.

Шетти, Прасад (архитектор, специалист по природоохранному планированию, Управление регионального развития агломерации Мумбаи). Мумбаи, 4 июня 2008 года.

Уэйкман, Розмари (историк городов, профессор Фордемского университета). Нью-Йорк, 10 октября 2007 года.

Е Ан (архитектор). Шанхай, 27 августа 2007 года.

Чжан Лисинь (инженер-строитель, Шанхайское городское управление жилья и землепользования). Шанхай, 29 августа 2007 года.

Чжэн Шилин (глава Комитета охраны исторических районов и памятников архитектуры Комиссии городского планирования Шанхая, директор Института архитектуры и городского пространства Университета Тунцзи). Шанхай, 28 августа 2007 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

- 1 *Garnier T.* Une cité industrielle. Paris: Auguste Vincent, 1917.
- 2 См., например: *Bullock N., Read J.* The Movement for Housing Reform in Germany and France, 1840–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- 3 *Halász R. von.* Industrialisierung der Bautechnik. Düsseldorf: Werner, 1966. P. 2. См. также: *Testa C.* Die Industrialisierung des Bauens. Zurich: Verlag für Architektur, 1997. P. 9; *Hannemann Ch.* Die Platte. Berlin: Schelzky und Jeep, 2000. P. 26.
- 4 *Vergnolle H.* La Préfabrication chez les Romains // *Technique et Architecture.* 1950. Vol. 9. № 7–8. P. 11–13.
- 5 *Ibid.* P. 15.
- 6 О влиянии методов Форда на Вальтера Гропиуса см.: *Nerdinger W.* Walter Gropius — Vom Amerikanismus zur neuen Welt // *Der Architekt Walter Gropius / Bauhaus-Archiv Berlin.* Berlin: Gebrüder Mann Verlag, 1985. P. 9–12.
- 7 Описание новой технологии изготовления бетона приведено здесь: *Deutsche Bauzeitung.* 1871. Vol. 5. № 30. P. 236–238. См. также: *Haegermann G.* Vom Caementum zum Zement. Wiesbaden; Berlin: Bauverlag, 1964.
- 8 *Hannemann Ch.* Die Platte. Berlin: Schelzky und Jeep, 2000. P. 36.
- 9 *Jungbanns K.* Das Haus für alle: Zur Geschichte der Vorfertigung in Deutschland. Berlin: Ernst und Sohn, 1994. P. 20.
- 10 *Atterbury G.* Model Towns in America // *Scribner's Magazine.* 1912. Vol. 52. July. P. 20–35.
- 11 *Jungbanns K.* Op. cit. P. 21–22.
- 12 *Kiem K.* Die Gartenstadt Staaken. Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1997.
- 13 *Ibid.* P. 23; *Werner F., Seidel J.* Der Eisenbau. Berlin: Verlag für Bauwesen, 1992. P. 35–36; *Hannemann Ch.* Op. cit. P. 34–36.
- 14 *Meyer H.* Über marxistische Architektur // *Bauen und Gesellschaft — Schriften, Briefe, Projekte.* Dresden: Verlag der Kunst, 1980. P. 94 (цитата относится к 1930-м годам).
- 15 *Ibid.*
- 16 *Gropius W.* Der große baukasten // *Das neue Frankfurt.* 1926. № 2. December, цит. по: Ernst Neufert: *Normierte Baukultur im 20. Jahrhundert / Hrsg. W. Prigge.* Frankfurt, 1999.
- 17 *Jungbanns K.* Op. cit. P. 160–163.
- 18 *Mies van der Rohe L.* Industrialized Building // *G.* 1924. № 3, цит. по: *Conrads U.* Programme und Manifeste zur Architektur des 20. Jahrhunderts. Frankfurt: Ullstein, 1964.
- 19 *Ibid.*
- 20 Идею модульного города Хильберсзаймер впервые сформулировал в 1924 году. Его самая знаменитая публикация на эту тему — *The New City.* Chicago: Paul Theobald, 1944.
- 21 По мнению Гропиуса, соотношение между количеством жилой площади и интенсивностью солнечного света достигало оптимальных значений для зданий от 8 до 12 этажей (*Gropius W.* *The New Architecture and the Bauhaus.* 1934. P. 100–105).
- 22 *May E.* Fünf Jahre Wohnungsbautätigkeit in Frankfurt/M. // *Das Neue Frankfurt.* 1930. № 4. P. 2–5.
- 23 *Kopp A.* Town and revolution: Soviet architecture and city planning, 1917–1935. New York: Braziller, 1970. P. 135–138.
- 24 *Chan-Magometow S.* Pioniere der sowjetischen Architektur. Dresden: Verlag der Kunst, 1983. P. 398.
- 25 *Hannemann Ch.* Die Platte. Berlin: Schelzky und Jeep, 2000. P. 55.
- 26 *Le Corbusier.* Urbanisme. Paris: G. Crès, 1925.
- 27 *Idem.* Vers une architecture. Paris: G. Crès, 1924.
- 28 *Hall P.* Cities of Tomorrow. Oxford: Blackwell, 1988. P. 204–206.
- 29 *Mutbesius S., Glendinning M.* Tower Block. New Haven: Yale University Press, 1994. P. 39.
- 30 *Ibid.* P. 73–75.
- 31 *Ibid.* P. 53.
- 32 *Ibid.* P. 54.

- 33 Двенадцать многоподъездных панельных домов от 9 до 15 этажей были размещены на месте разрушенной довоенной застройки. См.: *Schildt A. Die Grindelhochhäuser.* Hamburg: Christians, 1988.
- 34 См.: *Davidson A. A Home of One's Own — Housing Policy in Sweden and New Zealand from the 1840s to the 1990s.* Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1994.
- 35 Первоначально там должны были поселиться 100 000 человек при населении Амстердама в 1963 году 870 000 человек. В итоге в Бейльмермеере было построено квартир на 85 000 обитателей.
- 36 *Fourcaut A. Le cas français à l'épreuve du comparatisme // Le monde des grands ensembles / Ed. par F. Dufaux, A. Fourcaut.* Paris: Éditions Créaphis, 2004. P. 17.
- 37 *Amestoy I. Les grands ensembles en Russie, de l'adoption d'un modèle à la désaffection: Le cas de l'habitat khrouchtchévien // Le monde des grands ensembles / Ed. par F. Dufaux, A. Fourcaut.* Paris: Éditions Créaphis, 2004. P. 130.
- 38 *Zhang Shouyi, Wang Tao. Housing Development in the Socialist Planned Economy from 1949–1978 // Modern Urban Housing in China, 1841–2000 / Ed. by Lü Junhua, P.G. Rowe, Zhang Jie.* Munich: Prestel, 2001. P. 112, 125.
- 39 *Ross M.F. Beyond Metabolism: the New Japanese Architecture.* New York: McGraw and Hill, 1978. P. 70–71.
- 40 *Tayab Y. L'habitat collectif à Téhéran, produit de luxe ou logement social? // Le monde des grands ensembles / Ed. par F. Dufaux, A. Fourcaut.* Paris: Éditions Créaphis, 2004. P. 216.
- 41 Ibid. P. 217–218.
- 42 Ibid. P. 222.
- 43 *Kuo Ching L., Tyabji A. Home ownership policy in Singapore: An assessment // Housing Studies.* 1991. № 6. P. 15–28. Первоначально программа была ориентирована на аренду, но позже квартиры начали передавать в собственность, а в 1971 году была разрешена и перепродажа жилья по рыночным ценам (*Bae-Gyoon Park. Where Do Tigers Sleep at Night? The State's Role in Housing Policy in South Korea and Singapore Economic Geography // 1998. Vol. 74. № 3. July. P. 283–284, 274).*
- 44 *Hall P. Cities of Tomorrow / Second Edition.* Oxford: Blackwell, 1998. P. 356.
- 45 *Geléezeau V. Les tanji sud-coréens: des grands ensembles au coeur de la ville // Le monde des grands ensembles / Ed. par F. Dufaux, A. Fourcaut.* Paris: Éditions Créaphis, 2004. P. 199–201.
- 46 Первые модернистские многоквартирные дома появились в Сеуле в конце 1930-х годов и предназначались для сотрудников японской колониальной власти. Кроме того, в 1941 году японцы основали Корейскую жилищную администрацию, которая после обретения страной независимости стала основной движущей силой в области массовой жилой застройки (Ibid. P. 199–210).
- 47 *Bae-Gyoon Park. Where Do Tigers Sleep at Night? The State's Role in Housing Policy in South Korea and Singapore // Economic Geography.* 1998. Vol. 74. № 3. July. P. 272–288.
- 48 Комплекс Урбанисасьон Вейнтитрес-де-Энеро состоит из 38 укрупненных типовых кварталов, в сумме на 60 000 жителей.
- 49 *Houssay-Holzschuch M. Paradoxes et perversions: Le township sud-africain // Le monde des grands ensembles / Ed. par F. Dufaux, A. Fourcaut.* Paris: Éditions Créaphis, 2004. P. 242–253.
- 50 *Jencks Ch. The Language of Post-Modern Architecture.* New York: Rizzoli, 1977. P. 9.
- 51 Контрасты между массовой жилой застройкой различных европейских стран — включая Голландию, Британию, Венгрию, Испанию и Словению — описываются, например, в сборнике: *Mass Housing in Europe: Multiple Faces of Development, Change, and Response / Ed. by R. Rowlands, S. Musterd, R. van Kempen.* Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2009.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

- 1 Профессор градостроительства Иллинойского университета Роберта Фельдман в беседе с автором, Чикаго, 10 апреля 2007 года.
- 2 New York Times. 1996. June 2. Цит. по: *Hirsch A. Making the Second Ghetto / Second edition.* Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. vii.
- 3 Детальный анализ культурных особенностей, определивших характерные черты жилой застройки в США, приводится в книге: *Wright G. Building the Dream — a Social History of Housing in America.* New York: Pantheon, 1981. История американского муниципального жилья и лежащих в его основе идеологических установок описана в книге: *Schwartz A. Housing Policy in the United States.* New York: Routledge, 2006 / Second revised edition, 2010; *Hays R.A. The Federal Government and Urban Housing: Ideology and Change in Public Policy.* Albany: State University of New York Press, 1985, second edition 1995, и *From Tenements to the Taylor Homes: In Search of an Urban Housing Policy in Twentieth Century America / Ed. by*

- J.F. Bauman, R. Biles, K. Szylvian. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2000.
- 4 *Hunt B.* Understanding Chicago's High-Rise Public Housing Disaster // *Chicago Architecture* / Ed. by Ch. Waldheim, K.R. Ray. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 302. См. также: *Hunt B.* Blueprints for Disaster: The Unraveling of Chicago Public Housing. Chicago: University of Chicago Press, 2009.
- 5 Население Чикаго составляло приблизительно 3,4 миллиона человек в 1940 году и 3,55 миллиона в 1960-м. См.: U.S. Bureau of the Census — Population Division, Population of the 100 Largest Cities and Other Urban Places in the United States, 1790–1990. Washington, DC: U.S. Bureau of the Census, 1998.
- 6 *Hirsch A.* Making the Second Ghetto-Race and Housing in Chicago, 1940–1960. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 135–170.
- 7 *Hunt B.* Understanding Chicago's High-Rise Public Housing Disaster // *Chicago Architecture* / Ed. by Ch. Waldheim, K.R. Ray. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 302.
- 8 Ibid.
- 9 Ibid. P. 304.
- 10 *Lehmann N.* The Promised Land: The Great Black Migration and How It Changed America. New York: Vintage, 1992. P. 92.
- 11 Комплекс располагался непосредственно к северу от кампуса Иллинойского технологического института, между 27-й улицей, 30-й улицей и Слейт-стрит.
- 12 *Hunt B.* Understanding Chicago's High-Rise Public Housing Disaster // *Chicago Architecture* / Ed. by Ch. Waldheim, K.R. Ray. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 305.
- 13 *Lin T.Y., Stotesbury S.D.* Recent Technological Developments in Industrialized Production of Housing // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 1970. Vol. 67. № 2. October 15. P. 861–876.
- 14 Report of the President's Committee on Urban Housing (Kaiser Committee), A Decent Home (U.S. Govt. Printing Office 0–313–937, 1969).
- 15 *Hunt B.* What Went Wrong with Public Housing in Chicago? A History of the Robert Taylor Homes // *Journal of the Illinois State Historical Society*. 2001. Vol. 94. № 1. P. 103.
- 16 *Idem.* Understanding Chicago's High-Rise Public Housing Disaster // *Chicago Architecture* / Ed. by Ch. Waldheim, K.R. Ray. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 302.
- 17 См., например: *Kotlowitz A.* There Are No Children Here. New York: Doubleday, 1991. P. 19–22.
- 18 Комплекс Роберт Тейлор Хоумз располагался вдоль Дэн-Райан-экспрессуэй между 39-й и 54-й улицами.
- 19 *Wright G.* End of the Experiment // *Architecture*. 2002. Vol. 91. № 3. March. P. 29.
- 20 См., например: *Jackson K.* Crabgrass Frontier — The Suburbanization of the United States. Oxford: Oxford University Press, 1985. P. 219–230; *Hall P.* Cities of Tomorrow. Oxford: Blackwell, 1988. P. 361–400; *Hirsch A.* Making the Second Ghetto-Race and Housing in Chicago 1940–1960. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- 21 Ibid. P. 272.
- 22 Ibid. P. 264.
- 23 Chicago Clinging to Color Lines // *Sunday Sun-Times*. 2001. March 18.
- 24 *Riis J.* How the Other Half Lives. New York: Scribner and Sons, 1890.
- 25 *Page M.* The Creative Destruction of Manhattan. Chicago: University of Chicago Press, 1999. P. 78.
- 26 *Wood E.E.* The Housing of the Unskilled Wage Earner. New York: Macmillan, 1919. См. также: *The Tenement House Problem* / Ed. R. De Forest, L. Veiller. New York: Macmillan, 1903; *Veiller L.* Housing Reform. New York: Charities Publication Committee/Russell Sage Foundation, 1920; *Bauer C.* Low Buildings? Catherine Bauer Questions Mr. Yamasaki's Arguments // *Journal of Housing*. 1952. Vol. 9. P. 227; *Bauer Wurster C.* Modern Housing. Boston: Houghton Mifflin, 1934.
- 27 *Hall P.* Op. cit. P. 229.
- 28 Цит. по: *Morton H.* Housing in the Soviet Union // *Proceedings of the Academy of Political Science*. 1984. Vol. 35. № 3. P. 69. Сходное мнение не раз высказывал и писатель Гор Видал.
- 29 *Jackson K.* Op. cit. P. 203–205.
- 30 *Hunt B.* Understanding Chicago's High-Rise Public Housing Disaster // *Chicago Architecture* / Ed. Ch. Waldheim, K.R. Ray. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 304.
- 31 *Hirsch A.* Making the Second Ghetto-Race and Housing in Chicago 1940–1960. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 269–272.
- 32 *Hall P.* Op. cit. P. 229.
- 33 Ibid.
- 34 *Kotlowitz A.* Op. cit. P. 28.
- 35 *Wright G.* End of the Experiment // *Architecture*. 2002. Vol. 91. № 3. March. P. 29–32.
- 36 *Newman M.W.* Daily News. April 10 — April 16.
- 37 *Kotlowitz A.* Op. cit.

- 38 Newman O. *Defensible Spaces: Crime Prevention and Urban Design*. New York: Macmillan, 1972. P. 59.
- 39 Kelling G., Wilson J. Broken Windows // *Atlantic Monthly*. 1982. March. P. 29–37.
- 40 Blake P. *Form Follows Fiasco: Why Modern Architecture Hasn't Worked*. Boston: Atlantic Monthly Press, 1977; Wolfe T. From Bauhaus to Our House. New York: Farrar, Straus, Giroux, 1981 [первая публикация в июньском и июльском номерах Harper's Magazine за 1981 год].
- 41 Jacobs J. *Death and Life of Great American Cities*. New York: Vintage, 1961; Sennet R. *The Uses of Disorder. Personal Identity and City Life*. 1970.
- 42 Роберта Фельдман в беседе с автором, Чикаго, 10 апреля 2007 года.
- 43 См., например: Anderson M. *The Federal Bulldozer — a Critical Analysis of Urban Renewal*. Cambridge, MA: MIT Press, 1964, и разоблачение якобы неподкупного городского чиновника в книге: Caro R. *The Power Broker — Robert Moses and the Fall of New York*. New York: Knopf, 1974.
- 44 См., например: Architects Journal. 1972. July 26; St. Louis Blues // *Architectural Forum*. 1972. Vol. 136. May; The Experiment that Failed // *Architecture Plus*. 1973. October; Jencks Ch. *The Language of Post-Modern Architecture*. New York: Rizzoli, 1977. P. 4.
- 45 Роберта Фельдман в беседе с автором, Чикаго, 10 апреля 2007 года. Венкатеш также отмечает, что значительная часть жителей Роберт Тейлор Хоумз не хотела никуда переезжать, см.: Venkatesh S. *American Project — the Rise and Fall of an American Ghetto*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. P. 267–268.
- 46 Общее число заявок равнялось 56000; каждая из них подавалась от целой семьи. Chicago Housing Authority, *Moving to Work — Annual Plan for Transformation*. 2006. Year 7. Appendix 5. P. 137.
- 47 История муниципального жилья в Нью-Йорке изложена в книге: Bloom N.D. *Public Housing That Worked: New York in the Twentieth Century*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.
- 48 Gross M. Where the Boldface Bunk // *New York Times*. 2004. March. См. также: Gross M. *740 Park — The Story of the World's Richest Apartment Building*. New York: Broadway, 2005.
- 49 Комплекс Ферст Хауиз построен по проекту Фредерика Акермана и расположен рядом с Авеню А и Восточной 3-й улицей в Нижнем Ист-сайте. Предполагаемые жильцы проходили там жесткий отбор администрации: те, кто казался слишком бедным, слишком богатым, слишком ленивым или слишком нечистоплотным, получали отказ. См.: Gray Ch. *Streetscapes/ Public Housing: In the Beginning*, New York Created First Houses // *New York Times*. 1995. September 24. Комплекс Харлем Ривер Хауиз расположен на Восточной 151-й улице в северной части Манхэттена. Его архитектор Джон Луис Уилсон стал в 1928 году первым чернокожим выпускником архитектурного факультета Колумбийского университета. См.: Dunlap D. At 50, Harlem River Houses Is Still Special // *New York Times*. 1987. April 23.
- 50 Ibid.; Gray Ch. Op. cit.
- 51 Page M. Op. cit. P. 104.
- 52 Кроме прочего, законодательно регулируемый уровень арендной платы в муниципальном жилье в Нью-Йорке резко контрастирует с постоянно растущими ценами на свободном рынке. Для семьи из рабочего или нижнего среднего класса муниципальное жилье — единственный шанс остаться жить на Манхэттене. В 1995 году квартира с двумя спальнями в вышеупомянутом жилом комплексе Ферст Хауиз обходилась в 424 доллара; по рыночным расценкам за похожую квартиру в Нижнем Ист-сайте пришлось бы заплатить несколько тысяч долларов. См.: Gray Ch. Op. cit. и Дамарис Рейес в беседе с автором, Нью-Йорк, 9 октября 2007 года.
- 53 Роберта Фельдман в беседе с автором, Чикаго, 10 апреля 2007 года.
- 54 См.: Popkin S.J. et al. *A Decade of HOPE VI: Research Findings and Policy Challenges*. Washington, DC: The Urban Institute, 2004.
- 55 Chicago Housing Authority, *Moving to Work — Annual Plan for Transformation*. 2004. Year 5. Ch. 1. P. 8.
- 56 Стейтвэй Гарденз (ранее 1600 единиц): 440 муниципального, 440 рыночного и 440 «доступного». Роберт Тейлор Хоумз (ранее 4200 единиц): 850 муниципально-го, 870 рыночного и 890 «доступного». См.: Chicago Housing Authority, *Moving to Work — Annual Plan for Transformation*, 2004. Year 5. Ch. 1. P. 8.
- 57 Popkin S.J. et al. Op. cit.
- 58 Брэдфорд Хант в беседе с автором, Чикаго, 10 апреля 2007 года.
- 59 Знаменитый анализ этого конфликта в американской литературе XIX века приведен в работе: Marx L. *The Machine in the Garden — Technology and the Pastoral Idea in America*. New York: Oxford University Press, 1964.

- 60 См., например: *Wright G.* End of the Experiment // *Architecture*. 2002. Vol. 91. № 3. March. P. 29–32.
- 61 *Bristol K. G.* The Pruitt-Igoe Myth // *Journal of Architectural Education*. 1991. Vol. 44. № 3. May. P. 163–171.
- 62 *Vale L.* Reclaiming Public Housing. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
- 63 *Venkatesh S.* Op. cit. P. xvi.
- 64 *Meehan E. J.* The Rise and Fall of Public Housing: Condemnation without Trial // *A Decent Home and Environment: Housing Urban America* / Ed. by D. Phares. Cambridge, MA: Ballinger, 1977.
- 65 См., например: *Jackson K.* Op. cit. P. 229.
- 15 *Dunoyer Ch.* Op. cit.
- 16 *Lemoine J.* Le crise du logement // *La Vie Urbaine*. 1950. Vol. 57. July/September; *Bertrand M.* Le Confort des logements à Paris en 1954 // *La Vie Urbaine*. 1964. Vol. 3. P. 23–71.
- 17 См., например: *Philippe B.* Trois quarts de siècle d'immigration nord-africaine dans la capitale // *Le Monde*. 1991. March 3.
- 18 Например, Office de Radiodiffusion Télévision Française (ORTF), репортаж «Centre d'hébergement nord africain à Marseille et Lille» в программе Les Actualités Françaises от 22 мая 1957 года или Office de Radiodiffusion Télévision Française (ORTF), репортаж «Ils sont trois millions de travailleurs étrangers en France» в программе Sept jours du monde от 12 июня 1964 года.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

- 1 *Zitzmann M.* Kinder der Banlieue — Opfer der Moderne, Täter aus Wut // *Neue Zürcher Zeitung*. 2005. November 14.
- 2 *Fourcaut A.* Le cas français à l'épreuve du comparatisme // *Le monde des grands ensembles* / Ed. par F. Dufaux, A. Fourcaut. Paris: Éditions Créaphis, 2004. P. 15.
- 3 *Dufaux F., Fourcaut A., Skoutelsky R.* Faire l'histoire des grands ensembles: Bibliographie, 1950–1980. Lyon: ENS Editions, 2003.
- 4 *Fourcaut A.* Trois discours, une politique? // *Urbanisme*. 2002. Vol. 322. № 1. January/February. P. 44.
- 5 *Chevetov P.* D'Athènes à La Courneuve, à qui la faute? // *Revue Urbanisme*. 2002. Vol. 322. № 1. January–February. P. 51.
- 6 *Vieillard-Baron H.* Sur l'origine des grands ensembles // *Le monde des grands ensembles* / Ed. par F. Dufaux, A. Fourcaut. Paris: Éditions Créaphis, 2004. P. 60–61.
- 7 См., например: *Wright G.* The Politics of Design in French Colonial Urbanism. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
- 8 *Rotival M.* Les grands ensembles // *L'Architecture d'aujourd'hui*. 1935. Vol. 1. № 6. P. 57, 72.
- 9 Интервью Пьера Судро см.: *L'Architecture d'aujourd'hui*. 1959. Vol. 30. № 85. 1959. September. P. v.
- 10 *L'Architecture d'aujourd'hui*. 1950. Vol. 20. № 34. October/November. P. 7.
- 11 *Sudreau P.* Introduction // *Urbanisme*. 1959. Vol. 28. № 62–63. P. 3.
- 12 См., например: *Wright G.* Op. cit.; *Urbanism: Imported or Exported? Native Aspirations and Foreign Plans* // Ed. by M. Volait, J. Nasr. London: Wiley, 2003.
- 13 *Dunoyer Ch.* Chronologie Janvier 1994 Ephéméride // *Le Monde*. 1994. February 15.
- 14 *Jaeggli A.* Wohnungsbau — ein Problem der menschlichen Gesellschaft // *Bauen und Wohnen*. 1960. Vol. 15. № 8. August. P. 2–3.
- 19 *Kimmelman M.* Ready or Not, France Opens Museum On Immigration // *New York Times*. 2007. October 17.
- 20 Результаты переписи по данным МВД Франции, цит. по: *Wakeman R.* Public Space and Confrontation. Unpublished manuscript. P. 48.
- 21 Ministère de l'Équipement et du Logement, Etudes sur la résorption des bidonvilles, Report № 771142C3569. 1966. В начале 1960-х годов иностранцы составляли большинство жителей бидонвильей, окружавших Париж, но жили там совсем не только они. Общенациональное исследование, проведенное в 1966 году Эженом Маннони, дало следующие результаты: 42% — выходцы из Северной Африки, 21% — португальцы, 6% — испанцы, 20% — французы. См.: *Du Maghreb à la Seine* // *Le Monde*. 1960. April 19; *Gastaut Y.* Les bidonvilles, lieux d'exclusion et de marginalité en France durant les trente glorieuses // *Cahiers de la Méditerranée*. 2004. Vol. 69.
- 22 *Einaudi J.-L., Rajsfus M.* Les Silences de la police — 16 juillet 1942, 17 octobre 1961. Paris: L'Esprit frappeur, 2001. P. 82.
- 23 *Barjot D.* Un âge d'or de la construction // *Urbanisme*. 2002. Vol. 322. № 1. January/February. P. 72–74.
- 24 *Fourcaut A.* Trois discours, une politique? // *Urbanisme*. 2002. Vol. 322. № 1. January/February. P. 40.
- 25 *Barjot D.* Op. cit. P. 73.
- 26 Всего за десять лет было учреждено 197 таких зон. См.: *d'Eudeville E., Lecocq G.* *Urbanisme* // *Revue Urbanisme*. 2002. Vol. 322. № 1. January/February. P. 70.
- 27 *Le Corbusier.* The Athens Charter / Ed. par J. L. Sert. New York: Grossman, 1973. Part 2. Section 20.
- 28 Région parisienne: quelques grandes réalisations en cours // *L'Architecture*

- d'aujourd'hui. 1958. Vol. 29. № 80. October/November. P. 14–15.
- 29 *Chebmetov P.* Op. cit. P. 51.
 - 30 L'Architecture d'aujourd'hui. 1950. Vol. 20. № 34. October/November. P. 7.
 - 31 Urbanisme. 1959. Vol. 28. № 62–63. P. 3.
 - 32 *Dupont G.* Le grand ensemble, facteur de progrès social et de progrès humain // Urbanisme. 1959. Vol. 28. № 62–63. P. 6–7.
 - 33 L'Architecture d'aujourd'hui. 1951. № 34. February. Цит. по: *d'Eudeville E.* L'Architecture d'aujourd'hui // Revue Urbanisme. 2002. Vol. 322. № 1. January/February. P. 69.
 - 34 Les grands ensembles, naissance d'une civilisation. Edifier des cités, ce n'est pas seulement construire des logements // La Croix. 1960. February 1.
 - 35 См., например: *P[ersitz] A.* Les grands ensembles et l'architecture // L'Architecture d'aujourd'hui. 1959. Vol. 30. № 85. September. P.V. По мнению Персица, массовая застройка должна была стать предметом «дерзаний архитектурного духа», который способен излечить многие пороки современного общества.
 - 36 Les grands ensembles, pensés pour l'homme, au service d'une politique active et humanisée de l'habitat // L'Architecture d'aujourd'hui. 1953. № 46. В последующие годы этот журнал опубликовал рецензии на примерно сотню таких проектов.
 - 37 Термин «сарселит» впервые прозвучал в передаче радиостанции Europe 1. La sarcellite // L'Echo Régional. 1962. March 22; Les varies raisons de la sarcellite // L'Humanité. 1965. November 5; Des médecins nous parlent du nouveau mal du siècle, la «sarcellite». Faut-il condamner les cités termitières? // Lectures pour tous. 1965. May 1965; Budget social record en Seine-et-Oise // La vie française. 1962. April 13.
 - 38 Les grands ensembles immobiliers sont des fabriques de blousons noirs // L'Aurore. 1962. July 2.
 - 39 *Rochefort Ch.* Les petits enfants du siècle. Paris: Grasset, 1961, в английском переводе: Children of Heaven (1962).
 - 40 *P[ersitz] A.* Op. cit.
 - 41 См.: *Sudreau P.* Un coup d'arrêt du ministre de la construction: faut-il que les grandes cités d'habitation aient la forideur des casernes ou ressemblent à des clapiers perfectionnés? // Le Figaro littéraire. 1959. August 15; Des médecins nous parlent du nouveau mal du siècle, la «sarcellite». Faut-il condamner les cités termitières? // Lectures pour tous. 1965. May. Другие наименования см. здесь: *Vieillard-Baron H.* Des images aux échelles de la mémoire // Les grands ensembles entre histoire et mémoire [тезисы конференции в Париже, апрель 2001 года]. P. 16.
 - 42 См. подпись к фото в материале: *Windenberger J.* Sarcelles // L'Architecture d'aujourd'hui. 1961. № 95. April. P. 8. Еще в 1958 году журналист Луи Каро писал о «концентрационном мире» за фасадом «фальшивого модернизма» (*Caro L.* Les psychiatres et sociologues denoncent a folie des grands ensembles // Science et Vie. 1959. № 504. September. P. 30).
 - 43 В 1945 году географ Жан Гравье описывал трущобы Сен-Дени как «вонючий концлагерь для иммигрантов». См.: *Gravier J.* Paris et le Désert Français. Paris: Le Portulan, 1947. P. 191. Спасибо Розмари Уэйкман за эту информацию.
 - 44 *Jaeggli A.* Op. cit. P. 2–3.
 - 45 *Caro L.* Op. cit. P. 30–37. См. также: Les grands ensembles: mal inevitable mais mal tout de meme // L'Habitation. 1959. № 72. 1959. April. P. 7–10. Еще до того критическое отношение высказывалось в работах: Logement et comportement des ménages dans trois cités nouvelles de l'agglomération parisienne / Ed. P.-H. Chombart de Lauwe, P. Vieille // Cahiers du centre scientifique et technique du bâtiment. 1957. Vol. 30; *Houist G.* Groupes d'habitations, urbanisme et vie sociale. Paris: Conseil économique et social, 1960; *Caillot R.* Enquête sur les réactions des nouveaux occupants d'HLM [copied report]. Paris: Centre scientifique et technique du bâtiment, 1959; *Hazemann R.-H.* Les implications psychologiques de l'habitation populaire // Gazette de la santé publique. 1959. № 26. P. 41–52.
 - 46 См., например: *Choay F.* Cités-jardins ou «cages à lapins» // France Observateur. 1959. June 4; *Choay F.* Nouvelle zone ou cités-jardins? // L'Oeuil. 1959. July; *Sudreau P.* Un coup d'arrêt du ministre de la construction: faut-il que les grandes cités d'habitation aient la forideur des casernes ou ressemblent à des clapiers perfectionnés? // Le Figaro littéraire. 1959. August; Les risques des cités poussés trop vite // Le Figaro littéraire. 1959. November 28; публикации в Panorama Chrétien (сентябрь 1959), La France catholique (октябрь 1959), Combat (ноябрь 1959) и Études (декабрь 1959).
 - 47 Беседа Пьера Судро с префектами и другими крупными чиновниками (Urbanisme et Architecture. 1960. October) цит. по: *Fourcaut A.* Trois discours, une politique? // Urbanisme. 2002. Vol. 322. № 1. January/February. P. 42.
 - 48 Интервью Пьера Судро (Le Figaro littéraire. 1959. August 15), частично перепечатано

- в журнале: *L'Architecture d'aujourd'hui*. 1959. Vol. 30. № 85. September. P. v.
- 49 *Beaudouin E.* La composition des grands ensembles d'habitations en France de 1950 à 1957 // *Urbanisme*. 1958. № 59.
 - 50 Les grandes réalisations: dispersion, médiocrité // *L'Architecture d'aujourd'hui*. 1960. № 88. February/March. P. 7.
 - 51 Pour un «musée» des erreurs // *L'Architecture d'aujourd'hui*. 1961. № 95. April. P. 10–11.
 - 52 *P[ersitz] A.* Op. cit. P. V.
 - 53 См.: *Caro L.* Op. cit. P. 32.
 - 54 *Lefebvre H.* Les nouveaux ensembles urbains: Un cas concret: Lacq-Mourenx et les problèmes urbains de la nouvelle classe ouvrière // *Revue Française de Sociologie*. 1960. Vol. 1. № 2. April/June. P. 201.
 - 55 *Caro L.* Op. cit. P. 31.
 - 56 См.: *Bodenschatz H.* Krebsgeschwür Hinterhof // *Bauwelt*. 1988. Vol. 79. March. P. 506–513.
 - 57 См., например: *P[ersitz] A.* Op. cit. P. V.
 - 58 *Downie L.* Paris: Under Construction // *The Washington Post* [1972].
 - 59 *Dupont G.* Op. cit. P. 6, или отклик на конференцию «Comment réussir la construction et l'aménagement des grands ensembles» (*D.V. Colloque sur les grands ensembles* // *L'Architecture d'aujourd'hui*. 1960. Vol. 31. № 88. February/March. P. ix).
 - 60 Les grands ensembles: mal inevitable mais mal tout de meme // *L'Habitation*. 1959. № 72. April. P. 10. См. также: *Caro L.* Op. cit. P. 32.
 - 61 Программой ведала правительственная организация DATAR (Délégation à l'Aménagement du Territoire et à l'Action Régionale). В ее задачи входило улучшение жилой среды по всей Франции и координация направленных на это усилий местных властей. Оливье Гишар, который занял пост министра территориального планирования в 1973 году и тогда же подписал распоряжение, положившее конец строительству городов-спутников во Франции, возглавлял DATAR с 1963 до 1967 года. См.: *Picon A.* *Anxious Landscapes: From the Ruin to Rust* // *Grey Room*. 2000. Vol. 1. № 1. Fall. P. 64–83.
 - 62 См.: *Grille Dupont* // *Urbanisme*. 1958. Vol. 62–63, цит. по: *d'Eudeville E., Lecocq G.* Op. cit. P. 70.
 - 63 Цит. по: *D.V.* Op. cit. P. ix.
 - 64 *Sudreau P.* Introduction // *Urbanisme*. 1959. Vol. 28. № 62–63. P. 3.
 - 65 Интервью Пьера Судро (*Le Figaro littéraire*. 1959. August 15), частично перепечатано в журнале: *L'Architecture d'aujourd'hui*. 1959. Vol. 30. № 85. September. P. vii.
 - 66 *Dupont G.* Op. cit. P. 6.
 - 67 Sarcelles, premier grand complexe d'habitation de la région parisienne: Louables efforts pour l'aménager à l'échelle humaine // *Le Figaro*. 1960. September 27; *Dupont G.* Op. cit. P. 6–7.
 - 68 *Bloc A.* Paris et région parisienne // *L'Architecture d'aujourd'hui*. 1962. № 97. August. P. 6.
 - 69 Proposition du comité de *L'Architecture d'aujourd'hui* // *L'Architecture d'aujourd'hui*. 1960. № 88. February/March. P. 3–11. Среди соавторов этой идеи значились, к примеру, Андре Блок, Жорж Кандилис, Марсель Лодс, Александр Персиц, Жан Пруве, Пьер Варо и Бернар Церфусс.
 - 70 *Lods M., Beuf J.* Projet pour une cité d'aujourd'hui // *L'Architecture d'aujourd'hui*. 1960. Vol. 31. № 88. February/March. P. 15–19.
 - 71 *Barjot D.* Op. cit. P. 73.
 - 72 Вместо этого было решено формировать «зоны согласованного развития». Две последние «зоны приоритетной урбанизации» были учреждены в 1969 году. См.: *d'Eudeville E., Lecocq G.* Op. cit. P. 70–71.
 - 73 *Fourcaut A.* Trois discours, une politique? // *Urbanisme*. 2002. Vol. 322. № 1. January/February. P. 42–43.
 - 74 Comité national du mémorial du camp de Drancy. Drancy: Le camp d'internement pour la déportation des juifs (Société Drancéenne d'Histoire et d'Archéologie et le Service Culturel Municipal, n.d.), цит. по: *Weddle R.* *Housing and Technological Reform in Interwar France: The Case of the Cité de la Muette* // *Journal of Architectural Education*. 2001. Vol. 54. № 3. February. P. 168.
 - 75 По мнению Баумана, причиной Холокоста был не коллапс цивилизации в Германии, а утрата моральных ориентиров в результате процесса цивилизации/модернизации. См.: *Bauman Z.* *Modernity and the Holocaust*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1989.
 - 76 *Weddle R.* Op. cit. P. 167–75.
 - 77 Многим исследователям этого достаточно, чтобы интерпретировать такое тейлоризированное (по имени Фредерика Тейлора) поселение как изначально колониальное предприятие, созданное всемогущим государством для угнетения рабочего класса, а не для его освобождения. См.: *Coben J.-L.* *Frankreichs Vorstädte — Architekturexperimente zwischen Utopie und sozialen Unruhen* / Public Lecture, Berlin Technical University. 2006. June 21.
 - 78 *Bennet W.* Products and Practice // *Architectural Forum*. 1936. Vol. 64. № 2. February. P. 21–23; *Weddle R.* Op. cit. P. 167–175.
 - 79 В числе проектов, ориентированных на пример Ла Мюетт, — построенный Лодс-

- сом комплекс Гранд Тер в Марли и Пуан
дю Жур Фернана Пуйона в Булони. Шест-
надцать одинаковых пятиэтажек Гранд
Тер вмещают 1500 квартир. См.: *Cbemetov P.*
Op. cit. P. 51.
- 80 *Bennet W.* Op. cit. P. 22.
- 81 These Towers Have Scientific Shadows // *Architectural Record*. 1936. Vol. 79. № 5. May. P. 341.
- 82 *Bordier P.* La Cité de la Muette à Drancy // *Art et Décoration*. 1936. Vol. 40. January. P. 4–7.
- 83 Оценка организаторов. См.: *Zitzmann M.* Op. cit.
- 84 Разумеется, существование таких пред-
рассудков отрицается. Кадровые агентства
объясняют отказы жителям пригородных
многоэтажек тем, что работники, живу-
щие за пределами Парижа, чаще опаздыва-
ют на работу из-за перебоев на железных
дорогах. См.: *Brigaudeau Ch.* Les entreprises
n'aiment pas les banlieusards // *Le Parisien*.
2007. June 4. Исследование Жана-Франсуа
Амадье и Сильвена Гири о влиянии мусуль-
манского имени кандидата на вероятность
приема на работу см.: [cergors.univ-paris1.fr/
docsatelecharger/Pr%E9sentation%E9tudepr%
E9nomsavril2006%5B2%5D.pdf].
- 85 *Cumley B.* Building Hope in the Banlieues // *Time*. 2005. Vol. 166. № 20. November 14.
- 86 *Tomas F.* La place des grands ensembles dans
l'histoire de l'habitat social français // *Les
Grands Ensembles — Une histoire qui continue*
/ Ed. par F. Tomas, J.-N. Blanc, M. Bonilla.
Saint-Etienne: Publications de l'Université de
Saint-Etienne, 2000. P. 17.
- 87 *Smith C.* What makes someone French?
// *International Herald Tribune*. 2005.
November 11.
- 88 Ibid.
- ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4
- 1 *Teut A.* Huldigung an die städtebauliche
Tradition // *Die Welt*. 1966. November 8. P. 13.
- 2 Hoffnungsschimmer für die Städtebauer in halb
Europa // *BZ (Berlin)*. 1967. October 19.
- 3 *Der Tagesspiegel*. 1969. October 3, цит. по:
Wilde A. Das Märkische Viertel. West Berlin:
Nicolai, 1989. P. 127.
- 4 *Wegner G.* Reinickendorf: Erster Wohnblock in
Farbe // *Die Welt*. 1966. September 27.
- 5 *Teut A.* Op. cit.
- 6 *Die Welt*. 1968. December 22, цит. по: *Wilde A.*
Op. cit.
- 7 *Reichow H.B.* Organische Stadtbaukunst.
Braunschweig: Westermann, 1948. Концеп-
ция Райхова также изложена в: *Göderitz J.,
Rainer R., Hoffmann H.* Die gegliederte und
aufgelockerte Stadt. Tübingen: Wasmuth, 1957.
- 8 *Nipper J.* Gute Zeiten, schlechte Zeiten — Das
20. Jahrhundert // *Köln — der historisch-
topographische Atlas* / Ed. D. Wiktorin et al.
Cologne: Emons, 2001.
- 9 См.: *Dobberke J.* Märkisches Viertel, Star der
Bauwochen // *Berliner Leben*. 1966; *Welt am
Sonntag*. 1966. July 3; *Die Welt*. 1966. August
30; *Berliner Morgenpost*. 1966. August 30,
и *Wilde A.* Op. cit. P. 126.
- 10 *Peters G.* Gesamtberliner Stadtentwicklung.
Berlin: Hochschule der Künste, 1992. P. 22.
- 11 *Reichow H.B.* Op. cit. P. 3–55.
- 12 Об отвратительной репутации берлинских
доходных домов см.: *Bodenschatz H.* Platz frei
für das Neue Berlin! Geschichte der Stadterneu-
erung in der «größten Mietskasernenstadt der
Welt» seit 1871. West Berlin: Transit, 1987.
- 13 Slums verschoben // *Der Spiegel* 22. 1968. № 37.
P. 134–138.
- 14 Ibid. P. 138.
- 15 Es bröckelt // *Der Spiegel*. 1969. № 6. P. 38–42.
- 16 *Frankfurter Rundschau*. 1969. January 20;
Allgemeines Deutsches Sonntagsblatt. 1969.
June 22; *Stuttgarter Zeitung*. 1970. May 16. Цит.
по: *Wilde A.* Op. cit. P. 127.
- 17 *Ullmann G.* Kritischer Zwischenbericht über das
Märkische Viertel // *Süddeutsche Zeitung*. 1970.
June 10.
- 18 *Wilde A.* Op. cit. P. 107.
- 19 *Wright G.* End of the Experiment // *Architec-
ture* 91. 2002. № 3. P. 29–32.
- 20 *Siedler W.-J., Niggemeyer E.* Die gemordete Stadt.
West Berlin: Herbig, 1964.
- 21 *Mitscherlich A.* Die Unwirtlichkeit unserer
Städte. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1965.
- 22 Ibid. P. 28.
- 23 Западный Берлин: принятая в 1963 году
Первая программа городского обновления
должна была затронуть около 10% насе-
ления. См.: *Stadterneuerung in Berlin*. West
Berlin: Senator für Bau- und Wohnungswesen,
1964. Восточный Берлин: список плани-
руемых сносов доходных домов в районе
Пренцлауэрберг см. в: *Peters G.* Möglichkeiten
und Probleme der langfristigen Planung von
komplexen Modernisierungsmaßnahmen am
Wohnungsbestand in Großstädten, dargestellt
am Beispiel der Hauptstadt der DDR, Berlin
(= Dissertation A (doctoral thesis), Hochschule
für Ökonomie Bruno Leuschner, East Berlin,
1972: A57).
- 24 Slums verschoben // *Der Spiegel*. 1968. № 37.
P. 137–138.
- 25 Ibid. P. 138.
- 26 Ibid. P. 137.
- 27 *Maurer H.* Menschenfeindliche Gettos statt
sinnvoller Ordnung // *Frankfurter Rundschau*.
1969. January 20.

- 28 Ibid.
- 29 *Mitscherlich A.* Op. cit. P. 12.
- 30 *Siedler W.-J., Niggemeyer E.* Op. cit. P. 33.
- 31 *Bodenschatz H.* Op. cit. P. 233.
- 32 Es bröckelt // *Der Spiegel.* 1969. № 6. P. 38–42.
- 33 Ibid.
- 34 *Meinhof U.* Vorläufiges Strategie-Papier Märkisches Viertel. Цит. по: «Jetzt reden wir»: Betroffene des Märkischen Viertels. Wohnstessozial, haste die Qual / Hrg. J. Beck, H. Boehnke, G. Vinnai. Hamburg, 1975. P. 95.
- 35 Ibid. P. 130.
- 36 *Hieber J.* Berlin war eine Reise wert // *Süddeutsche Zeitung, Regionalanzeiger Nord.* 1973. October 9; *Wilde A.* Op. cit. P. 112.
- 37 Ibid. P. 114–115. См. также: *Bodenschatz H.* Op. cit. P. 246.
- 38 *Haller C.* Leerstand im Plattenbau, Ausmaß, Ursachen, Gegenstrategien. Berlin: Leue, 2002.
- 39 *Hannemann C.* Die Platte. Berlin: Schelzky und Jeep, 2000.
- 40 *Schroeder K.* Der SED-Staat. Munich: Landeszentrale für politische Bildungsarbeit, 1998. P. 283.
- 41 См., например: *Henselmann H.* Der Einfluss der sozialistischen Lebensweise auf den Städtebau und die Architektur in der DDR // *Deutsche Architektur.* 1966. № 5. P. 264–265, или *Staufenbiel F.* Kultursoziologie und Städtebau // *Deutsche Architektur.* 1966. № 6. P. 326–327.
- 42 Architekturanalyse im Bezirk Leipzig. Докладная записка Герхарду Тролицшу, главе Отдела строительства ЦК СЕПГ, ноябрь 1975 года. Федеральный архив в Берлине, DY30/18088.
- 43 *Flierl B.* Industriegesellschaftstheorie im Städtebau. East Berlin: Akademie-Verlag, 1973. P. 120.
- 44 Ibid.
- 45 *Flierl B.* Zur Wahrnehmung der Stadtgestalt. Beispieluntersuchung im Stadtzentrum von Berlin. East Berlin: Bauakademie der DDR, 1979.
- 46 *Weber O., Zimmermann G.* Orientierungen in der Stadt // *Form und Zweck.* 1980. № 4. P. 21.
- 47 Grundsätze für die sozialistische Entwicklung von Städtebau und Architektur in der DDR. Стенографический отчет о заседании политбюро ЦК СЕПГ от 18 мая 1982 года. Федеральный архив в Берлине, DY30/J IV 2/21947: 238.
- 48 Institut für Städtebau (Bauakademie), Bezirksplankommission. Wohnungsbau in Berlin 1991–2000 Vorschlag einer strategischen Grundlinie. Неопубликованный отчет от 25 августа 1989 года. Федеральный архив в Берлине, DH 2 F2/198.
- 49 Ibid. P. 2.
- 50 *Christiane F.* Wir Kinder vom Bahnhof Zoo. Hamburg: Gruner und Jahr, 1978. Книга представляет собой расшифровку интервью, взятых у автора репортерами журнала Stern Каем Германом и Хорстом Риком.
- 51 Durchführungsbestimmung zur Verordnung über die Planung, Vorbereitung und Durchführung von Folgeinvestitionen — Abriß von Gebäuden und baulichen Anlagen // *Gesetzblatt der DDR I.* 1979. № 34. P. 325–326.
- 52 *Bauditz J.* Aufbruch gegen den Abriß — Die Bürgerinitiative Spandauer Vorstadt // *Die Spandauer Vorstadt* / Hrg. G.H. Höfe. Berlin: Argon, 1995. P. 42–56.
- 53 *Bodenschatz H.* Op. cit. P. 207.
- 54 Отрицательный образ заднего двора как «раковой опухоли» емко сформулирован в работе: *Bodenschatz H.* Krebsgeschwür Hinterhof // *Bauwelt.* 1988. № 79. March. P. 506–513. Поздний пример использования тропа «лживой лепнины» можно найти в работе: *Krause D., Klasen U., Penzel W.* Rekonstruktion im Stil der Jahrhundertwende. Husemannstraße in Berlin // *Architektur der DDR.* 1987. № 10. P. 14–17.
- 55 Данные Берлинского статистического управления (Statistisches Landesamt Berlin). См.: [www.statistik-berlin.de/framesets/berl.htm].
- 56 *Peters G.* Op. cit.
- 57 *Large D.C.* Berlin. New York: Basic Books, 2000. P. 466.
- 58 Züge von modernem Sklavenhandel // *Berliner Zeitung.* 1966. November 2; *Janert J.* Ethnologien untersuchen die Gettos in Berlin und die Regeln, die sie schufen // *Der Tagesspiegel.* 2000. February 21.
- 59 Как в положительных, так и в отрицательных отзывах начала 1970-х годов упоминаются рабочие, но иностранные мигранты — никогда. См., например: *Schulz E.* Die Hölle ist es nicht — Plädoyer für das Märkische Viertel // *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* 1973. November 10.
- 60 Данные исследования 2004 года для кварталов Меркишес Фиртель и Марианненплац. Департамент городского развития Сената города Берлина. Разумеется, эти цифры не учитывают иностранцев, получивших немецкое гражданство, и урожденных немецких граждан иностранного происхождения. См.: [www.stadtentwicklung.berlin.de/planen/basisdaten_stadtentwicklung/monitoring/de/2006/index.shtml].
- 61 Квартал Липшитцаллее (данные см. там же).
- 62 Данные 2005 года. Берлинское статистическое управление. См.: [www.statistik-berlin.de/framesets/such.htm].

- 63 Maurer H. Menschenfeindliche Gettos statt sinnvoller Ordnung // Frankfurter Rundschau. 1969. January 20.
- 64 Хорвайлер — 37,7%, Кельн — 17,2%; Нойперлах — 27,1%, Мюнхен — 23%; Мюммельсманберг — 22,7%, Гамбург — 14,9%. Данные 2007 года см.: [www.stadt-koeln.de/zahlen/bevoelkerung/artikel/04620/index.html]; данные 2008 года см.: Landeshauptstadt München / Statistisches Jahrbuch. Munich: Statistisches Amt München, 2008. P. 191; данные 2005 года см.: [fhh1.hamburg.de/fhh/behoerden/behoerde_fuer_inneres/statistisches_landesamt/profile/muemmelmannsberg.htm].
- 65 Vergessene Trabanten // Mieter-Magazin (Berlin). 2004. September. P. 2.
- 66 Wilde A. Op. cit. P. 159.
- 67 Institut für Markt und Medienforschung. Märkisches Viertel. West Berlin, 1986.
- 68 Данные 2005 года см.: [www.stadtentwicklung.berlin.de/planen/basisdaten_stadtentwicklung/monitoring/de/2006/index.shtml].
- 69 Ibid.
- 70 Institut für Markt und Medienforschung. Märkisches Viertel. West Berlin. 1986.
- 71 Ein Stadtteil überwand seinen schlechten Ruf // Der Tagesspiegel. 1980. August 3; Scharadt T. Hochhausstadt besser als ihr Ruf // Berliner Morgenpost. 1986. January 31; Getbke G. Früher verschrien, heute begehrt: Wohnungen im MV // Der Nord-Berliner. 1979. July 6.
- 72 К 1979 году доля ежегодно покидающих район жителей снизилась до среднего для города значения в 4% (см. Getbke G. Op. cit.). Одновременно наблюдатели отмечали у жителей «возрастающую привязанность к родному району» (Wilde A. Op. cit. P. 140; см. также: Ein Stadtteil überwand seinen schlechten Ruf // Der Tagesspiegel. 1980. August 3).
- 73 Staemmler G. Rekonstruktion innerstädtischer Wohngebiete in der DDR // West Berlin: IWOS-Bericht zur Stadtforschung, 1981. P. 300–303.
- 6 Bicca B. et al. Caracterización preliminar de Brasília: Plano Piloto // Summarios (Buenos Aires). 1986. Vol. 9. № 97–98. P. 11.
- 7 Vale L. Architecture, Power and National Identity. New Haven: Yale University Press, 1992. P. 120.
- 8 Ficher S. et al. The Residential Building Slab in the Superquadra // Costa L. Op. cit. P. 53. См. также: Holanda F. de. A morfologia interna da capital // Brasília, ideologia e realidade: Espaço urbano em questão // Ed. Aldo Paviani. São Paulo: Projeto, 1985.
- 9 Evenson N. Two Brazilian Capitals. New Haven, CT: Yale University Press, 1973. P. 187.
- 10 Koury A.P., Bonduki N., Manoel S.K. Análise Tipológica da Produção de Habitação Econômica no Brasil, 1930–1964 / Proceedings of the 5th Docomomo Seminar in São Carlos, Brazil. 2003. October. P. 5.
- 11 Ficher S. et al. Op. cit.
- 12 Ibid.
- 13 Ibid. P. 61.
- 14 Thung T. Brasília SQS103 — Fallstudie über den öffentlichen Raum in einer Superquadra / Diploma thesis. Institut für Städtebau. University of Stuttgart, 2003. P. 119.
- 15 Журнал Novacар за 1958 год, цит. по: Holston J. The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasília. Chicago: University of Chicago Press, 1989. P. 20.
- 16 Хорошим примером марксистской критики Бразилиа служит статья кубинского автора: Segre R. Brasília // Cuadernos Arquitectura Latinoamericana (Mexico City). 1976. Vol. 1. № 1. P. 26–33.
- 17 См., например: Ammann S.B. Excluídos sim. Invasores não // Urbanização e metropolização: a gestão dos conflitos em Brasília / Ed. Aldo Paviani. Brasília: Editora Universidade de Brasília, Codeplan, 1987.
- 18 Учитывая неоднозначность параметров, определяющих образ жизни и социальное неравенство, это соотношение можно считать исключительно приблизительным (Fils A. Brasília 2000 // Brasília — Architektur der Moderne in Brasilien / Hgr. A. Fils, B. Eckstein, M. Merklinger. Berlin: Ifa-Galerie, 2000. P. 50).
- 19 Bonduki N. Origens da habitação social no Brasil. São Paulo: Estação Liberdade, 1998. P. 12–13.
- 20 Santos Farab M.F. Estado, previdência social e habitação / Master's thesis in sociology. Department of Social Science, University of São Paulo, 1983. P. 25.
- 21 Lima S. de. Brazil Builds a New City // American Journal of Economics and Sociology. 1947. Vol. 6. № 3. P. 335–344. План см.: L'architecture d'aujourd'hui. 1947. Vol. 13–14. P. 100.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

- 1 Данные переписи 2001 года, цит. по: Rodríguez i Villaescusa E. Brasília querida y mantenida // Brasília 1956–2006 / Ed. E. Rodríguez i Villaescusa, C. V. Figueira. Lleida: Editorial Milenio, 2006. P. 180.
- 2 Kubitschek J. JK escreve: Brasília 16 anos depois // Manchete. 1976. May 1. P. 34.
- 3 См.: Holanda F. de. O espaço do exeqção. Brasília: Editora Universidade de Brasília, 2002.
- 4 Costa M.E. The Superquadra in Numbers and Context // Costa L. Brasília's Superquadra / Ed. F. El-Dahdah. Munich; New York: Prestel, 2005. P. 27.
- 5 Ibid.

- 22 *Bonduki N.* Op. cit.
- 23 *Galesi R., Malta Campos C.* Edifício Japurá: Pioneiro na aplicação do conceito de «unité d'habitation» de Le Corbusier no Brasil // *Arquitextos*. 2002. Vol. 31.
- 24 *Bonduki N.* Op. cit. P. 12–14.
- 25 *Gawryszewski A.* Agonia de morar: Urbanização e habitação na cidade do Rio de Janeiro, 1945–1950 / Ph.D. Dissertation. Department of History, Faculdade de Filosofia, Letras e Ciências Humanas, Universidade de São Paulo, 1996. P. 156.
- 26 *Ibid.*
- 27 *Fischer S. et al.* Brasília: La historia de un planeamiento // *Brasília, 1956–2006* / Ed. E. Rodríguez i Villaescusa, C. Vieira Figueira. Lleida: Editorial Milenio, 2006. P. 82–83.
- 28 *Costa L.* Saudação aos críticos de arte [1959] // *Ibid.* P. 84.
- 29 Статьи и интервью Кубичека: Brasília — Interview de Juscelino Kubitschek // *L'architecture d'aujourd'hui*. 1961. Vol. 31. № 90. P. 2–3; Introduction // *Stäubli W.* Brasília. Stuttgart: Koch, 1965. Статьи и интервью Нимейера: Brasília // *Architectural Design*. 1960. Vol. 30. № 12. P. 524–525; Brasília // *Stäubli W.* Op. cit.; Mes experiences de Brasília // *L'architecture d'aujourd'hui*. 1960. Vol. 31. № 90. P. 8–9; Minha experiencia de Brasília // *Módulo*. 1960. № 3. P. 11–27; Unternehmen Brasília // *Bauwelt*. 1962. Vol. 53. № 21. P. 583–588. См. также статью бразильского консула в Цюрихе: *Meira Penna J.-O. de.* Urbanisme Politique // *L'architecture d'aujourd'hui*. 1961. Vol. 31. № 90. P. 4–7.
- 30 *Giedion S.* Stadtform und die Gründung von Brasília // *Bauen und Wohnen*. 1960. Vol. 15. № 7. P. 292.
- 31 *Snyder D.* Alternate Perspectives on Brasília // *Economic Geography*. 1964. Vol. 40. № 1. P. 35.
- 32 *Stäubli W.* Op. cit. P. 10.
- 33 *Hervé L.* Brasília // *L'architecture d'aujourd'hui* 33. 1962. № 101. P. 2.
- 34 *Moeller H.* Wohnen in Brasília // *Bauwelt*. 1962. Vol. 53. № 21. P. 593.
- 35 *Costa O.* Brasília ano 10 — a superquadra da esperança // *Manchete*. 1970. April 25. P. 85.
- 36 *Arnau F.* Brasília — Phantasie und Wirklichkeit. Munich: Prestel, 1960. P. 9.
- 37 Цит. по: *Rodriguez i Villaescusa E.* Brasília querida y mantenida // *Brasília, 1956–2006* / Ed. E. Rodríguez i Villaescusa, C. Vieira Figueira. Lleida: Editorial Milenio, 2006. P. 183.
- 38 См.: *Buchanan C.* The Moon's Backside // *RIBA Journal*. 1967. Vol. 74. № 4. P. 159–160.
- 39 *Holston J.* The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasília. Chicago: University of Chicago Press, 1989. P. 24–25.
- 40 *Beauvoir S. de.* La force des choses [autobiography]. Paris, 1963. P. 535.
- 41 См., например: *Niemeyer O.* Fizemos Brasília contra todas as incompreensões // *Manchete*. 1978. April 29. P. 76–78.
- 42 См., например: *Zuck K.* Ein Student sieht Brasília // *Bauwelt*. 1962. Vol. 53. № 21. P. 594–595; *Valentin M.* Brasília // *Bauwelt*. 1960. Vol. 51. № 37. P. 1097–1098; *Arnau F.* Brasília — Phantasie und Wirklichkeit. Munich: Prestel, 1960.
- 43 *Holford W.* Problemas e perspectivas de Brasília // *Módulo*. 1960. Vol. 3. № 17. P. 2. См. также: *Crease D.* Progress in Brasília // *Architectural Review*. 1962. Vol. 133. P. 262.
- 44 *Zuck K.* Op. cit. P. 594.
- 45 *Snyder D.* Op. cit. P. 44.
- 46 *Moeller H.* Op. cit. P. 590.
- 47 *Arnau F.* Op. cit. P. 36; *Valentin M.* Op. cit. P. 1098.
- 48 *Buchanan C.* Op. cit. P. 159–160.
- 49 *Beauvoir S. de.* Op. cit. P. 576–578.
- 50 *Williams R.* Modernist Civic Space and the Case of Brasília // *Journal of Urban History*. 2005. Vol. 32. № 1. P. 128.
- 51 *Nathan L., Stamp L.D.* Brasília: The Federal Capital of Brazil [Discussion at the Royal Geographical Society] // *Geographical Journal*. 1962. Vol. 128. № 1. P. 18.
- 52 *Teixeira C.M.* La vraie nature de Brasília // *L'architecture d'aujourd'hui*. 2005. Vol. 79. № 359. P. 100–105.
- 53 См.: *Zein R.V.* Brasília, modernidade radical à deriva // *O lugar da crítica — Ensaios oportunos de arquitetura*. Porto Alegre: Centro Universitário Ritter dos Reis, 2001. P. 179.
- 54 Формулировка принадлежит Лео Марксу, который анализировал противоречия между идеализацией сельской жизни и модернизацией в американской литературе XIX века (*Marx L.* The Machine in the Garden — Technology and the Pastoral Idea in America. New York: Oxford University Press, 1964).
- 55 О том, как бразильская архитектура учитывает в социальных проектах опыт фавел, см.: *Williams R.* Brazil: Modern Architectures in History. London: Reaktion, 2009.
- 56 *Ribeiro G.L.* Arqueologia de uma cidade: Brasília e suas cidades satélites // *Espaço e debates* (São Paulo). 1982. Vol. 2. № 5. P. 116.
- 57 *Epstein D.* Brasília, Plan and Reality: A Study of Planned and Spontaneous Urban Development. Berkeley: University of California Press, 1973. P. 10.
- 58 *Ribeiro G.L.* Op. cit. P. 120–122.
- 59 *Ibid.*
- 60 *Thung T.* Op. cit. P. 23.

- 61 *Panerai P.* Brasília 2006, una ciudad de 2,5 millones de habitantes // *Brasília 1956–2006* / Ed. E. Rodríguez i Villaescusa, C.V. Figueira. Lleida: Editorial Milenio, 2006. P. 107.
- 62 *Rodríguez i Villaescusa E.* Op. cit. P. 198.
- 63 *Snyder D.* Op. cit. P. 45.
- 64 *Ibid.* P. 42.
- 65 *Panerai P.* Op. cit. P. 118.
- 66 *Rodríguez i Villaescusa E.* Op. cit. P. 198.
- 67 *Panerai P.* Op. cit. P. 115.
- 68 *Paviani A.* Questões a respeito do planejamento urbano em Brasília // *Brasília — a metrópole em crise: Ensaios sobre Urbanização* / Ed. A. Paviani. Brasília: Editora Universidade de Brasília, 1989. P. 99–105. Схожие мысли в статье об Агуас-Кларасе высказывает историк архитектуры Ричард Уильямс. См.: *Williams R.* Brasília after Brasília // *Progress in Planning*. 2007. Vol. 67. P. 301–366.
- 69 *Ribeiro G.L.* Op. cit. P. 124.
- 70 Цит. по: *Thung T.* Op. cit. P. 110.
- 71 *Thung T.* Op. cit. P. 110–111.
- 72 *Ibid.*
- 73 *Ibid.*
- 74 *Rocha L.* Cerco às superquadras: Corrente na porta // *Veja*. 1997. July 16. Vol. 29. № 1504.
- 75 *Pearson C.* Brazil May Be Poised for an Architectural Comeback // *Architectural Record*. 2000. Vol. 188. № 3. P. 49–50.
- 76 *Ibid.* P. 50.
- 77 *Cohen J.-L.* The Future of the Modern // *Architecture*. 2000. Vol. 98. № 12. P. 61.
- 78 *Williams R.* Modernist Civic Space and the Case of Brasília // *Journal of Urban History*. 2005. Vol. 32. № 1. P. 121–122.
- 79 *Gorovitz M.* Unidade de Vizinhança: Brasília's «Neighborhood Unit» // *Costa L.* Op. cit. P. 41–47.
- 80 См., например: *Teixeira C.M.* Op. cit.; *Stephan C.* Diesmal bauen wir die Hauptstadt von Brasilien // *Du — die Zeitschrift für Kultur (Zurich)*. 2003. Vol. 742. P. 75–77.
- 81 См. фотографии Тодда Эберле в статье: *Morton D.* Through the Viewfinder: Brasília's Modernism Emptied // *Architectural Record*. 186. 1998. № 9. P. 82–87.
- 82 *Rocha L.* Op. cit.
- 2 *Prabhu Ch.* Housing for All? // *Economic Digest (Mumbai)*. 2003. Vol. 32. № 5. May. P. 19.
- 3 *Hunt B.* Understanding Chicago's High-Rise Public Housing Disaster // *Chicago Architecture* / Ed. by Ch. Waldheim, K.R. Ray. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 302.
- 4 В 1956 году число жителей трущоб в районе Мумбаи оценивалось в 415 000 при общем населении в 4,1 миллиона. К началу нового тысячелетия их доля в десятимиллионном городе составляла приблизительно 55%. Помимо этих 5,5 миллионов еще 2 миллиона ютятся в официальном, но находящемся в ужасном состоянии жилье, а еще миллион бездомных. См.: *Das P.K.* Slums: The Continuing Struggle for Housing // *Bombay and Mumbai — The City in Transition* / Ed. by S. Patel, J. Masselos. New Delhi: Oxford University Press, 2003. P. 210. Прекрасный анализ сложного общественного расслоения внутри мумбайских трущоб приведен в книге: *Neuwirth R.* Shadow Cities: A Billion Squatters, a New Urban World. London: Routledge, 2005. P. 101–142. Весьма пессимистичный взгляд на трущобы как новую парадигму глобальной урбанизации изложен в книге: *Davis M.* Planet of Slums. London: Verso, 2006.
- 5 *Das P.K.* Op. cit. P. 212.
- 6 *Narayanan H.* In Search of Shelter: The Politics of the Implementation of the Urban Land (Ceiling and Regulation) Act 1976 in Greater Mumbai // *Bombay and Mumbai — The City in Transition* / Ed. by S. Patel, J. Masselos. New Delhi: Oxford University Press, 2003. P. 183–184.
- 7 Данные 2001 года, см.: [portal.mcgm.gov.in].
- 8 *Evenson N.* The Indian Metropolis: A View Toward the West. New Haven: Yale University Press, 1989. P. 206.
- 9 *Sundaram P.S.A.* Bombay: Can it House its Millions? New Delhi: Clarion Books, 1989. P. 32–37.
- 10 *Evenson N.* Op. cit. P. 239.
- 11 *Ibid.* P. 252.
- 12 *Achwal M.B.* Low-Cost Housing // *Architectural Review*. 1971. Vol. 150. № 898. December. P. 367.
- 13 Видьядхар Пхатак в беседе с автором, Мумбаи, 11 июня 2008 года.
- 14 *Banerjee-Guba S.* Who are the Beneficiaries? Evaluation of a Public Housing Project for the Poor in New Bombay // *Ekistics*. 1991. Vol. 58. № 347. March/April. P. 63.
- 15 *Prabhu Ch.* Rent Control // *Economic Digest (Mumbai)*. 2005. Vol. 34. № 3. March. P. 23–25; Сулакшана Махаджан в беседе с автором, Мумбаи, 5 июня 2008 года.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 6

- 1 В 1995 году местные власти сменили колониальное название города Бомбей на Мумбаи (аналог на языке маратхи). В наше время жители используют оба варианта параллельно и часто в одном и том же предложении. Во избежание путаницы в этой книге последовательно используется название Мумбаи.

- 16 *Risbud N.* The Case of Mumbai: Case Study commissioned in preparation for the UN Global Report on Human Settlements 2003 — The Challenge of Slums. New Delhi, 2003. P. 12.
- 17 Government of India, National Buildings Organisation, A Collection of Designs of Houses for Low Income Groups. New Delhi: National Buildings Organisation, and UN Regional Housing Centre ECAFE, 1973. Составление сборника началось в 1965 году, за восемь (!) лет до его публикации.
- 18 *Mehta J.* Typification in Housing // Journal of the Indian Institute of Architects. 1972. Vol. 38. № 1. January/March. P. 22–24.
- 19 *Sundaram P.S.A.* Op. cit. P. 68. См. также: *Prabhu Ch.* Op. cit. P. 23.
- 20 *Prabhu Ch.* Future of Tenants in Mumbai // Economic Digest (Mumbai). 2006. Vol. 35. № 3. March. P. 17–18.
- 21 Сахакар-Нагар 1 расположен к западу от станции пригородных поездов Тилак-Нагар на южной стороне железной дороги.
- 22 Панкадж Джоши в беседе с автором, Мумбаи, 10 июня 2008 года. Сахъядри-Нагар расположен в двух кварталах к северу от Махатма-Ганди-роуд и к востоку от Бабасахиб-Амбедкар-роуд.
- 23 Расположена между Надкарни-марг и железнодорожной станцией Вадала.
- 24 Расположена к северу от Джай-Пракаш-роуд и к западу от Локхандивала-роуд.
- 25 *Prabhu Ch.* A Summing-Up // Economic Digest (Mumbai). 2007. Vol. 38. № 6. June. P. 19–21.
- 26 УРТ было образовано в марте 1995 года по решению нового коалиционного правительства, в которое входили националистические партии «Шив сена» и «Бхаратия джаната». Коалиция пришла к власти в Махараштре, одержав верх над левоцентристской партией Индийский национальный конгресс. Правительство Индийского национального конгресса еще в 1991 году начало программу, которая также пыталась привлечь частный капитал к реконструкции трущоб.
- 27 Большинство архитекторов и жилищных активистов, с которыми автор беседовал в Мумбаи, воспринимали самостоятельную реконструкцию трущоб как единственную жизнеспособную в условиях рыночной экономики альтернативу. Среди них были Анирудх Пол (10 июня 2008 года), Чандрашекхар Прабху (7 июня 2008 года) и Шириш Пател (2 июня 2008 года).
- 28 Комплекс расположен к югу от Васи-Нака-роуд, к северу от Бритиш-Петролеум-роуд, к востоку от дороги Гхаткопар-Махул и к западу от Холмистой рощи.
- 29 Чандрашекхар Прабху в беседе с автором, Мумбаи, 7 июня 2008 года.
- 30 Ibid.
- 31 *Diwan S., Kamnaniya V.* Big Money and Political Power Have Made Bombay's Back Bay Scheme India's Biggest Urban Fraud // Design (New Delhi). 1980. Vol. 24. January/March. P. 25–36.
- 32 Ibid.
- 33 *Evenson N.* Op. cit. P. 244.
- 34 Ibid.
- 35 Ibid. P. 213.
- 36 *Dwivedi Sh., Mebrotra R.* Bombay, the Cities Within. Mumbai: India Book House, 1995. P. 291.
- 37 *Jain U.* Editorially // Journal of the Indian Institute of Architects. 1976. Vol. 42. October/December. P. 15.
- 38 *Dwivedi Sh., Mebrotra R.* Op. cit. P. 293.
- 39 A Capital of Quality // Design (New Delhi). 1984. Vol. 28. January/March. P. 21, цит. по: *Evenson N.* Op. cit. P. 244.
- 40 *Ranade A.* What Has Gone Wrong at Back Bay? // Journal of the Indian Institute of Architects. 1976. Vol. 42. October/December. P. 14–18.
- 41 *Evenson N.* Op. cit. P. 213.
- 42 *Chandra R.* Minimum Housing Standards for Low-income Group Housing // Journal of the Indian Institute of Architects. 1976. Vol. 42. № 4. October/December. P. 19–21. Автор — архитектор, преподает в университете североиндийского города Рурки.
- 43 An Experiment in System Building // Architectural Review. 1971. Vol. 150. № 898. December. P. 374–375, и *Dutta S.K.* New Technic [sic] of Low-Income Group Housing // Journal of the Indian Institute of Architects. 1972. Vol. 38. № 2. April/June. P. 21–23.
- 44 *Achwal M.B.* Op. cit. P. 367–369.
- 45 Шириш Пател в беседе с автором, Мумбаи, 2 июня 2008 года.
- 46 Ibid. Инженерные расчеты для обоих проектов выполняло бюро Шириша Патела.
- 47 Среди важнейших публикаций Тернера — The Squatter Settlement: Architecture that Works // Architectural Design. 1968. Vol. 38. P. 355–360. Схожие подходы в индийских реалиях обсуждаются в статье: *Manohar Sh.* Developing a Radically New Approach to Urban Housing // Journal of the Indian Institute of Architects. 1970. Vol. 36. № 4–6. April/June. P. 16, или *Achwal M.B.* Op. cit. P. 367.
- 48 Видьядхар Пхатак в беседе с автором, Мумбаи, 11 июня 2008 года.
- 49 Среди многих других можно назвать территорию между Махатма-Ганди-роуд в Чаркопе и ручьем Гораи-Кхади в Западном Кандивали.

- 50 В этом сходятся большинство специалистов, проинтервьюированных автором в Мумбаи, включая Видьядхара Пхатака (11 июня 2008 года), Сулакшану Махаджан (5 июня 2008 года) и Шириша Патела (2 июня 2008 года).
- 51 Начиная с 1970-х годов движение в защиту памятников истории набирает силу и в Индии, однако объектами обычно оказываются здания, которые воспринимаются как «художественно ценные». См.: *Evenson N.* Op. cit. P. 248.
- 52 С такой оценкой согласны многие из собеседников автора, включая Хафиза Контрактора (3 июня 2008 года) и Шириша Патела (2 июня 2008 года).
- 53 *Bombay's Multi-Story Growth Without a Plan // Indian Architect.* 1975. Vol. 17. № 6. June. P. 85–87. См. также: *Kumar V.* High Rise Mass Housing // *Journal of the Indian Institute of Architects.* 1970. Vol. 36. № 4–6. April/June. P. 14.
- 54 *Nadeem A.* How Form Follows Fiasco: An American Writer Unwittingly Mirrors the Ongoing Fiasco in India // *Design (New Delhi).* 1982. Vol. 26. № 1. January/March. P. 39–42.
- 55 *Achwal M.B.* Op. cit. P. 368.
- 56 *Anklesaria Sh.* Lost in the Concrete Jungle // *Design (New Delhi).* 1984. Vol. 28. № 3. July/September. P. 31–35.
- 57 *Achwal M.B.* Op. cit. P. 367.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 7

- 1 Такое заявление сделал директор Центрального научно-исследовательского института экспериментального и типового проектирования жилища. Цит. по: *McCutcheon R.* Technology and the State in the Provision of Low-Income Accommodation: The Case of Industrialized House-Building, 1955–1977 // *Social Studies of Science.* 1992. Vol. 22. № 2. May. P. 360.
- 2 Дешевле скинуться на реконструкцию, чем платить по счетчику // Российская газета. 2004. 4 марта. Цит. по: *Labusen Th.* Decay or Endurance? The Ruins of Socialism // *Slavic Review.* 2006. Vol. 65. № 4. P. 736–746.
- 3 Двойственная природа панельного здания как жилья и одновременно символа социалистической системы в контексте Восточной Германии глубоко проанализирована в работе: *Hannemann Ch.* Die Platte. Berlin: Schelzky und Jeep, 2000. История жилья в Советском Союзе вообще и в Москве в частности изложена в работе: *Colton T.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. См. также: *French R.A.* Plans, Pragmatism, and People: The Legacy of Soviet Planning for Today's Cities. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995, и *Morton H.* Who Gets What, When and How? Housing in the Soviet Union // *Soviet Studies.* 1980. Vol. 32. № 2. April. P. 235–259.
- 4 С 1926 по 1959 год население СССР увеличилось с 148,7 до 209 миллионов человек. К 1970 году оно достигло 241,7 миллиона, а к 1991-му — 293,1 миллиона (*Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Население Советского Союза, 1922–1991. М.: Наука, 1993). За тот же период доля городского населения увеличилась с 17% в 1926 году до 47,9% в 1959-м и 56,3% в 1970-м. В 1989 году она равнялась уже 65,8% (*French R.A.* Op. cit. P. 52).
- 5 В 1913 году этот показатель составлял 6,4 квадратного метра, а к 1970-му вырос до 11,2 квадратного метра. Эти данные относятся к Советскому Союзу в целом и приводятся в ежегодниках «Народное хозяйство СССР» за 1956 и 1970 годы. Цит. по: *French R.A.* Op. cit. P. 58. Ссылки на статистику из советских источников нуждаются в общей оговорке. Один из парадоксов социалистического строя состоит в том, что, несмотря на одержимость его бюрократов цифрами, надежные статистические данные о нем — огромная редкость. На протяжении большей части советского периода и даже какое-то время после распада СССР подробные данные переписей оставались недоступными для исследователей. Если конкретные цифры имели повышенное политическое значение, как, например, число жертв спроектированного государством голода 1931–1933 годов, то они практически наверняка подвергались фальсификации. Данные переписей, проведенных уже после смерти Сталина, вероятно, заслуживают большего доверия (см.: *Josephson P.R.* New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 6, 52).
- 6 *Chan-Magometow S.* Pioniere der sowjetischen Architektur. Dresden: Verlag der Kunst, 1983. P. 398.
- 7 Архитектурно-планировочное управление было организовано на основе Управления по делам архитектуры; переименование сопровождалось расширением его сферы ответственности. См.: *Colton T.* Op. cit. P. 326, 371.
- 8 *Khrushchev N.* Khrushchev Remembers: The Last Testament. Boston: Little, Brown, and Co., 1974. P. 102.

- 9 В то же время промышленному строительству по-прежнему придавалось большее значение, чем жилищному. См.: *Labusen Th.* Op. cit. P. 743.
- 10 *French R.A.* Op. cit. P. 75.
- 11 Постановление Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР от 4 ноября 1955 года № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». См.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / 9-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1983–1990.
- 12 *French R.A.* Op. cit. P. 75.
- 13 *Colton T.* Op. cit. P. 371.
- 14 *Гиговская Н.Е.* Инженер Лагутенко. Портрет мастера // Архитектура и строительство Москвы. 2002. № 5. Октябрь.
- 15 *Colton T.* Op. cit. P. 371.
- 16 *French R.A.* Op. cit. P. 76.
- 17 *Colton T.* Op. cit. P. 373.
- 18 *Ibid.* P. 376.
- 19 *Gerasimova K.* Privacy in the Soviet Communal Apartment // *Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc* / Ed. by D. Crowley, S.E. Reid. Oxford, 2002. P. 210.
- 20 *Neue Wohnkomplexe in der DDR und der UdSSR.* East Berlin: Verlag für Bauwesen; М.: Стройиздат, 1987. P. 41.
- 21 *Ibid.*
- 22 *Colton T.* Op. cit. P. 491.
- 23 См., например: *Amestoy I.* Les grands ensembles en Russie, de l'adoption d'un modèle à la désaffection: Le cas de l'habitat khrouchtchévien // *Le monde des grands ensembles* / Ed. Par F. Dufaux, A. Fourcaut. Paris: Éditions Créaphis, 2004. P. 137.
- 24 *Янкова З.А., Родзинская И.Ю.* Проблемы большого города. М.: Наука, 1982. С. 63–64.
- 25 Цит. по: *Colton T.* Op. cit. P. 488.
- 26 *Peters G.* Gesamtberliner Stadtentwicklung von 1949–1990. Berlin: Hochschule der Künste, 1992. P. 22.
- 27 См., например: *Ouroussoff N.* Russian Icons // *New York Times*. 2005. May 15, или *Engel B.* «Blaue Städte» in Sibirien // *Der Architekt*. 2001. № 4. P. 50.
- 28 *Morton H.* Op. cit. P. 236.
- 29 *Ibid.*
- 30 Начиная с VI пятилетки 1956–1960 годов в Советском Союзе каждые пять лет вводилось в строй около 300 миллионов квадратных метров жилья, причем эта цифра сохранялась практически неизменной до 1990 года. В предшествующие пятилетки объем строительства был в два-три раза ниже: примерно 150 миллионов квадратных метров в 1951–1955 годах и примерно 100 миллионов квадратных метров в 1946–1950 годах. До этого каждый пятилетний план предусматривал строительство примерно 50 миллионов квадратных метров. См.: *Amestoy I.* Op. cit. P. 131.
- 31 *Morton H.* Housing in the Soviet Union // *Proceedings of the Academy of Political Science*. 1984. Vol. 35. № 3. P. 70.
- 32 *French R.A.* Op. cit. P. 135–136.
- 33 *Ibid.* P. 136. См. также: *Colton T.* Op. cit. P. 403.
- 34 *Colton T.* Op. cit. P. 407.
- 35 *Ibid.* P. 502–503.
- 36 *Ibid.* P. 415–416.
- 37 *Ibid.* P. 506–507.
- 38 К результатам, полученным на материале заявок, следует относиться скептически, поскольку в таких объявлениях заявления автора, скорее всего, смешивались с более или менее прагматичной оценкой вероятности обмена. См., например: *Барбаш Н.Б.* Оценка населением участков городской среды // *Известия АН СССР. Сер. географическая*, 1984. № 5. С. 82–91, и *Васильев Г.Л., Привалова О.Л.* Социально-географическая оценка внутригородских различий // *Вестник МГУ. Сер. «География»*. 1982. № 4. С. 9–15.
- 39 *Ibid.*
- 40 *Ibid.* Предпочтение, оказываемое близким к центру районам на западе города, подтверждается и в работе: *Вешинский Ю.Г.* Социально-эстетические предпочтения москвичей: Оценка городской среды различных частей территории Москвы // *Социальные проблемы архитектурно-градостроительного развития Москвы*. М.: ЦНИИП градостроительства, 1988. Существуют, однако, и некоторые противоречия: в Москве и Ленинграде, например, значительной части населения, которая стремилась переехать в центр, противостояла примерно такая же по размеру группа людей, которые хотели бы получить квартиру на окраине. См.: *Барбаш Н.Б.* Методика изучения территориальной дифференциации городской среды. М.: ИГ АН, 1986.
- 41 *Rudolph R.* Segregation Tendencies in Large Russian Cities: The Development of Elitist Housing in St. Petersburg // *Die Städte Russlands im Wandel* / Hgr. I. Brade. Leipzig: Institut für Länderkunde, 2002. P. 209, и *French R.A.* Op. cit. P. 135.
- 42 *Rudolph R.* Die Moskauer Region zwischen Planung und Profit // *Die Städte Russlands im Wandel*. P. 240. См. также: *Калянина Л.* Сезон

- покупок: самая дешевая и самая дорогая недвижимость в Москве почти вся раскуплена // Эксперт. 1999. 6 декабря. С. 44–51.
- 43 Colton T. Op. cit. P. 407–408.
 - 44 По данным опроса 1986 года, 80% жителей районов на окраинах Москвы предпочли бы жить ближе к станции метро. См.: *Барбаш Н.Б.* Указ. соч. В опросе, проведенном в 1978 году в Ленинграде, 40% из тех, кто хотел бы переехать в другой район, отмечали как одну из причин «качество жилой среды». Разумеется, в это понятие входит и качество самого жилья. «Близость к работе» была упомянута 13% опрошенных, тогда как «эстетические соображения» и «близость к центру» волновали только 4,7 и 5,4% соответственно (см.: Город: проблемы социального развития / Ред. А.В. Дмитриева, М.Н. Межевич. Л.: Наука, 1982. С. 114).
 - 45 Morton H. Op. cit. P. 245.
 - 46 Amestoy I. Op. cit. P. 138. Необходимо отметить, что это исследование, проведенное в 1999 году, было очень ограниченным по масштабу и включало опрос всего лишь 257 горожан.
 - 47 Ружжее В.Л. Социальное качество жилой среды // Социологические исследования. 1987. № 1.
 - 48 Васильев Г.Л., Сидоров Д.А., Ханин С.Е. Выявление потребительских предпочтений в сфере расселения // Вестник Московского университета. Сер. «География». 1988. № 2. С. 41.
 - 49 См. также: *Трущенко О.Е.* Престиж центра: Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995.
 - 50 Rudolph R. Segregation Tendencies in Large Russian Cities. P. 206. Российские риелторы используют все законные и незаконные методы, чтобы расселить обитателей коммунальных квартир. Чаще всего из коммуналок переезжают в высотное жилье на окраинах, где удаленность от центра города компенсируется наличием индивидуальных санитарных удобств.
 - 51 См.: *Matthews M.* The Passport Society: Controlling Movement in Russia and the USSR. Boulder, CO: Westview Press, 1993.
 - 52 По степени привлекательности Москва с большим отрывом лидировала среди советских городов. Далее следовал Ленинград, а города Сибири и Средней Азии замыкали список. См.: *Васильев Г.Л., Сидоров Д.А., Ханин С.Е.* Указ. соч.
 - 53 Pilkington H. Migration, Displacement, and Identity in Post-Socialist Russia. London: Routledge, 1998. P. 40–42. См. также: *Højdestrand T.* The Soviet-Russian Production of Homelessness — Propiska, Housing, Privatization [www.anthrobase.com/Txt/H/Højdestrand_T_01.html].
 - 54 Struyk R.J. Housing Privatization in the Former Soviet Bloc to 1995 // Cities after Socialism / Ed. by G. Andrusz, M. Harloe, I. Szeleny. Oxford: Blackwell, 1996. P. 196.
 - 55 French R.A. Op. cit. P. 150.
 - 56 Gordon M. Yeltsin Attacks Soviet-Era Housing Benefits // New York Times. 1997. July 13.
 - 57 Rudolph R. Segregation Tendencies in Large Russian Cities. P. 204. См. также: *Struyk R.J.* Op. cit.
 - 58 Данные на 1997 год. См.: *Rudolph R.* Segregation Tendencies in Large Russian Cities. P. 205.
 - 59 Rakblin A. Social Housing in Russia. 2002.
 - 60 Struyk R.J. Op. cit. P. 196–198.
 - 61 Ibid.
 - 62 Данные Всемирного банка, [siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/macromay2006.pdf].
 - 63 Исходя из стоимости минимальной корзины продуктов питания, в 2005 году за чертой бедности находилось 15,8% населения России. Эта цифра основана на усредненных значениях по всей стране и не учитывает гигантской разницы в стоимости жизни в городских и сельских районах (Ibid.).
 - 64 Rudolph R. Die Moskauer Region zwischen Planung und Profit. P. 237.
 - 65 Дешевле скинуться на реконструкцию, чем платить по счетчику // Российская газета. 2004. 4 марта. Цит. по: *Labusen Th.* Op. cit. P. 736–746.
 - 66 French R.A. Op. cit. P. 78.
 - 67 Ibid.
 - 68 Gordon M. Op. cit.
 - 69 Светличная А. На градских развалинах: панельные пятиэтажки становятся редкостью // Коммерсантъ. 2005. 1 декабря [www.kommersant.ru/doc/629583].
 - 70 Ibid.
 - 71 Ibid.
 - 72 Ibid.
 - 73 Эксперимент должен был быть завершен в 2006 году. См.: *Светличная А.* Указ. соч.
 - 74 Мосфильмовская улица, 70, и Авиационная улица, 77–79, соответственно.
 - 75 Например, до так называемого Царского села — этот рассчитанный на 10 000 жителей микрорайон кирпичных 14-этажных зданий относительно высокого качества построен в 1983–1988 годах между Профсоюзной и Новочеремушкинской улицами. См.: *Colton T.* Op. cit. P. 510.
 - 76 Данные Всемирного банка о зарплатах, [siteresources.worldbank.org/

- INTRUSSIANFEDERATION/Resources/
macromay2006.pdf].
- 77 *Zekri S.* Wir sind reich! Wir sind da! // *Süddeutsche Zeitung*. 2007. September 11. P. 15.
- 78 *Ibid.*
- 79 *Amestoy I.* Op. cit. P. 140.
- 80 *Ibid.*
- 81 *Ibid.*
- ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 8
- 1 Данные ООН: [www.un.org/esa/population/publications/wup1999/wup99ch6.pdf].
- 2 *Zhang Jie, Wang Tao.* Housing Development in the Socialist Planned Economy from 1949 to 1978 // *Modern Urban Housing in China, 1840–2000* / Ed. by Lü Junhua, P. Rowe, Zhang Jie. Munich: Prestel, 2001. P. 151, 174. См. также: *Xue Qiuli, Scoffham E.* China's Housing in Transition: a Case Study of Shanghai // *Housing Science*. 1996. Vol. 20. № 4. P. 232.
- 3 *French R.A.* Plans, Pragmatism, and People: The Legacy of Soviet Planning for Today's Cities. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995. P. 58.
- 4 Ли Чжэнъюй в беседе с автором, Шанхай, 24 августа 2007 года.
- 5 *Zhang Shouyi, Tan Ying.* An Important Period of the Early Development of Housing in Modern Cities // *Modern Urban Housing in China*. P. 80.
- 6 *Rowe P., Seng Kuang.* Architectural Encounters with Essence and Form in Modern China. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. P. 98.
- 7 *Zhang Shouyi, Wang Tao.* Housing Development in the Socialist Planned Economy from 1949–1978 // *Modern Urban Housing in China*. P. 130.
- 8 *Cbeng [Zbeng] Shounan, Chang [Zhang] Min.* Designs for Experimental Works of Great Panel Construction Dwellings in Shanghai 1964 // *Jianzhu Xuebao* (Architectural Journal). 1964. № 8. P. 1–3.
- 9 Ли Чжэнъюй в беседе с автором, Шанхай, 24 августа 2007 года. См. также: *Zhang Shouyi, Wang Tao.* Op. cit. P. 183.
- 10 *Shanghai Municipal Institute of Civil Building-Design.* The Prefabricated Housing in Shanghai with Non-Steam-Pressed, Large Sized Silicate Blocks // *Jianzhu Xuebao* (Architectural Journal). 1960. № 3. P. 2–5.
- 11 *Zhang Shouyi, Wang Tao.* Op. cit. P. 125.
- 12 *Ibid.* P. 132, 182.
- 13 *Li Zhengyu.* Cheng Shi, Zhu Zhai, Cheng Shi (City, Housing, City). Nanjing: Dong Nan Da Xue, 2004. P. 249.
- 14 *Wang Dingzeng.* The Planning and Design of the Cáoyáng Xīncūn Residential Area in Shanghai // *Jianzhu Xuebao* (Architectural Journal). 1956. № 2. P. 1–15. См. также: *Li Zhengyu.* Op. cit. P. 325–326.
- 15 *Ibid.* P. 249.
- 16 *Shanghai Kexue Jushu Wenxian Chubanshi,* 1951–1996 — *Housing in Shanghai, 1951–1996.* Shanghai: Publisher for Documents of Science and Technology, 1998. P. 82.
- 17 Территория Фаньгуалун ограничена железной дорогой Шанхай–Нанкин, Новой эстакадой Гунхэ и улицами Датун и Западная Тяньму.
- 18 *Ho Wingchung.* The (Un-)Making of the Shanghai Socialist «Model Community» // *Journal of Asian and African Studies*. 2004. Vol. 39. № 5. P. 379–405.
- 19 *Li Zhengyu.* Op. cit. P. 151.
- 20 *Ho Wingchung.* Op. cit. P. 379–405.
- 21 *Zhang Shouyi, Wang Tao.* Op. cit. P. 175.
- 22 *Shanghai Kexue Jushu Wenxian Chubanshi.* P. 169–171. См. также: *Kaltenbrunner R.* Minhang, Shanghai: Die Satellitenstadt als intermediäre Planung. Berlin: Fachgebiet Geschichte und Theorie der Landschaftsentwicklung, Technische Universität, 1993.
- 23 Ли Чжэнъюй в беседе с автором, Шанхай, 24 августа 2007 года. См. также: *Zhang Shouyi, Wang Tao.* Op. cit. P. 180.
- 24 *Li Zhengyu.* Op. cit. P. 51–52.
- 25 *Zhang Shouyi, Wang Tao.* Op. cit. P. 1184.
- 26 *Zheng Naigui.* On High-Rise Buildings // *Jianzhu Xuebao* (Architectural Journal). 1981. Vol. 3. P. 40–42.
- 27 *Spence J.* The Search for Modern China. New York: Norton, 1990. P. 767–773.
- 28 *Ibid.* P. 851.
- 29 Ли Чжэнъюй в беседе с автором, Шанхай, 24 августа 2007 года.
- 30 *Lü Junhua, Shao Lei.* Housing Development from 1978 to 2000 after China Adopted Reform and Opening-Up Policies // *Modern Urban Housing in China*. P. 242.
- 31 *Xue Qiuli, Scoffham E.* China's Housing in Transition: a Case Study of Shanghai // *Housing Science*. 1996. Vol. 20. № 4. P. 232.
- 32 *Lü Junhua, Shao Lei.* Op. cit. P. 243.
- 33 *Li Zhengyu.* Op. cit. P. 263.
- 34 В 1991 году в стране работали 3000 застройщиков; двумя годами позже их было уже более 30000. Приблизительно две трети из них были совместные предприятия с иностранными партнерами. См.: *Lü Junhua, Shao Lei.* Op. cit. P. 251.
- 35 *Xueguang Zhou, Tuma N.B., Moen Ph.* Stratification Dynamics under State Socialism: The Case of Urban China, 1949–1993 // *Social Forces*. 1996. Vol. 74. № 3. March. P. 764.
- 36 *Xue Qiuli, Scoffham E.* Op. cit. P. 238.
- 37 *Spence J.* Op. cit. P. 810.

- 38 Wu Waiping, Rosenbaum E. Migration and Housing: Comparing China with the United States // Urban China in Transition / Ed. by J. Logan. London; New York: Routledge, 2008. P. 251.
- 39 Zbigang Li, Fulong Wu. Tenure-Based Residential Segregation in Post-Reform Chinese Cities: A Case Study of Shanghai // Transactions of the Institute of British Geographers. 2008. Vol. 33. № 3. July. P. 404–419.
- 40 В пересчете на квадратный метр средняя плата за пользование принадлежащим государству жильем составляла в 1988 году 0,13 юаня — ровно столько, сколько и в 1949-м. См.: Xue Qiuli, Scoffham E. Op. cit. P. 236.
- 41 Ibid.
- 42 Lü Junbua, Shao Lei. Op. cit. P. 225–226.
- 43 Ibid. P. 255.
- 44 Так, по данным на 1996 год, расходы на жилье в тридцати пяти крупных и средних китайских городах составляли в среднем лишь 3,64% семейного бюджета (Ibid. P. 258).
- 45 Чжан Лисинь в беседе с автором, Шанхай, 29 августа 2007 года.
- 46 Xue Qiuli, Scoffham E. Op. cit. P. 240–242; Ли Чжэнъюй в беседе с автором, Шанхай, 24 августа 2007 года.
- 47 Ibid.
- 48 Ibid., а также Чжан Лисинь в беседе с автором, Шанхай, 29 августа 2007 года.
- 49 Lü Junbua, Shao Lei. Op. cit. P. 267.
- 50 Ibid. P. 254.
- 51 Хуан Ижу в беседе с автором, Шанхай, 29 августа 2007 года.
- 52 Gu Zhongtao. Yandang High-Rise Residential Building, Shanghai // Jianzhu Xuebao (Architectural Journal). 1986. Vol. 3. P. 52–53.
- 53 Yao Jinling, Wang Yongmei. Some High-Standard Apartment Buildings for Chinese expatriates (in Chinese) // Jianzhu Xuebao (Architectural Journal). 1985. Vol. 1. P. 25–27.
- 54 Чжан Лисинь в беседе с автором, Шанхай, 29 августа 2007 года.
- 55 Lü Junbua, Shao Lei. Op. cit. P. 228.
- 56 Li Zhengyu. Op. cit. P. 64, 326.
- 57 Shanghai Kexue Jushu Wenxian Chubanshi. P. 26.
- 58 Ли Чжэнъюй в беседе с автором, Шанхай, 24 августа 2007 года; Е Ан в беседе с автором, Шанхай, 24 августа 2007 года.
- 59 Lubow A. The China Syndrome // New York Times. 2006. May 21.
- 60 Он находится по адресу Северная улица Хэнань, дома 531–541.
- 61 Чжэн Шилин в беседе с автором, Шанхай, 28 августа 2007 года.
- 62 Ibid.
- 63 Охраняемые объекты разделены на четыре категории. В наиболее ценной запрещены любые изменения, а наименее ценная может быть даже снесена, однако в таком случае обязательным является воссоздание в приблизительно исторических формах. Критерии для получения того или иного охранного статуса определены не очень четко: это могут быть и время постройки, и архитектурная уникальность, и общая художественная ценность. Чжэн Шилин в беседе с автором, Шанхай, 28 августа 2007 года.
- 64 Shang Hai Cheng Shi Gui Hua Guan Li Shi Jian (Urban Planning Administration Practices in Shanghai). Shanghai: Chinese Architectural Industry, 2007. P. 237.
- 65 Чжэн Шилин в беседе с автором, Шанхай, 28 августа 2007 года.
- 66 Ibid.
- 67 Ibid., а также Хуан Ижу в беседе с автором, Шанхай, 29 августа 2007 года.
- 68 Ibid.
- 69 Ibid.
- 70 См., например: Yardley J. Little Building Defies Beijing's Olympic Ambitions // New York Times. 2009. August 9.
- 71 Комплекс расположен к западу от улицы Пучэн, между улицами Дунчан и Шанчэн.
- 72 Находится двумя кварталами южнее, к западу от улицы Пудун, между улицами Чжанъян и Вэйфан.
- 73 Li Zhengyu. Op. cit. P. 195.
- 74 Комплекс расположен на улице Чжунтань, между одноименной железнодорожной станцией и рекой Сучжоухэ.
- 75 Ibid. P. 76.
- 76 Shang Hai Cheng Shi Gui Hua Guan Li Shi Jian. P. 253.
- 77 Хуан Ижу в беседе с автором, Шанхай, 29 августа 2007 года.
- 78 Shang Hai Cheng Shi Gui Hua Guan Li Shi Jian. P. 259–260.
- 79 Чэньличэн расположен к югу от улицы Гаоцин между улицами Пусань и Южная Янгао. К августу 2007 года там были в основном закончены работы по монтажу панелей.
- 80 Хуан Ижу в беседе с автором, Шанхай, 29 августа 2007 года.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ГЛАВА 2

- 2.1 Чикаго (Флориан Урбан) с. 35
- 2.2 Многоквартирный дом на Лейк-Шор-Драйв; с. 37
- 2.3 Вторая очередь комплекса муниципального жилья Фрэнсис Кабрини Хоумз (Флориан Урбан); с. 43
- 2.4 Комплекс Харольд Икес Хоумз, построенный в 1955 году (Флориан Урбан); с. 45
- 2.5 Комплекс Хенри Хорнер Хоумз, построенный в 1957–1961 годах (Флориан Урбан) с. 49
- 2.6 Поло Граундз Тауэрз в нью-йоркском Гарлеме. Этот комплекс муниципального жилья на 155-й улице был закончен в 1968 году. В четырех тридцатизэтажных башнях около 1600 квартир (Флориан Урбан); с. 53
- 2.7 Построенный в 1955–1958 годах комплекс Стейтвэй Гарденз незадолго до сноса в 2007-м. Справа — здания в стиле современного историзма, строящийся на месте муниципального жилья «район смешанного дохода» (Флориан Урбан); с. 57
- 2.8 План комплекса Уильям Грин Хоумз (рисунок Штеффена Зайделя); с. 57
- 2.9 Вид на здание Уильям Грин Хоумз с Элм-стрит. На переднем плане — «район смешанного дохода» на месте снесенного комплекса Фрэнсис Кабрини Хоумз, построенный в 2000-х в рамках программы NOPE VI (Флориан Урбан, 2007); с. 59

ГЛАВА 3

- 3.1 Париж (Флориан Урбан); с. 65
- 3.2 Сарсель. Многоквартирное здание на авеню Фредерик-Жолио-Кюри, архитекторы Роже Буало и Жак-Анри Лабурдетт, 1955–1970 (Ди Ван, 2008); с. 78
- 3.3 Сарсель. Многоквартирное здание на рю Петер-Рубенс, архитекторы Роже Буало и Жак-Анри Лабурдетт, 1955–1970 (Ди Ван, 2008); с. 80
- 3.4 Генеральный план высотной застройки Сарселя, разработанный Роже Буало и Жа-

ком-Анри Лабурдеттом, 1955–1970 (публикуется с разрешения журнала *L'architecture d'aujourd'hui*. 1958. Vol. 29. № 80. October/November); с. 81

- 3.5 Панельные здания конца 1950-х годов на улице Шеман-де-Пост в Клиши-су-Буа. Архитектор Бернар Церфусс, градостроительное решение Жана Себага (Wikipedia Commons); с. 82
- 3.6 Комплекс Сите де Катр-Миль (1956–1957) в Курневе. Архитекторы Клеман Тамбуте и Анри Делакура (Ди Ван, 2008); с. 83
- 3.7 Сите де Катр-Миль (1956–1957) в Курневе к северу от Парижа. Архитекторы Клеман Тамбуте и Анри Делакура (Ди Ван, 2008); с. 86
- 3.8 Комплекс муниципального жилья Ла Мюетт в восточном пригороде Парижа Дранси, построенный в 1931–1934 годах и частично снесенный в 1976-м. Архитекторы Марсель Лодс и Эжен Бодуан (открытка издательства J. Godneff); с. 92

ГЛАВА 4

- 4.1 Берлин (Флориан Урбан); с. 99
- 4.2 Район Меркишес Фиртель (1963–1974). Архитектура и градостроительное решение — Вернер Дюттман, Ганс Мюллер, Георг Хайнрихс и другие (Флориан Урбан, 2008); с. 101
- 4.3 Сравнение между «органичным» и «неорганичным» городом из книги Ганса Бернхарда Райхова «Organische Stadtbaukunst» с. 102
- 4.4 Квартал Нойэ Фар в Бремене (1957–1962). Архитектор Эрнст Май. В верхнем левом углу — жилая высотка Алвара Аалто (Wikipedia Commons); с. 103
- 4.5 Жилой комплекс Гропиусштадт (1962–1975), планировка Вальтера Гропиуса и Вильса Эберта, здания по проектам различных архитекторов (Wikipedia Commons); с. 103
- 4.6 «Бесчеловечный» модернизм квартала Хансафиртель (слева) противопоставля-

ется «очаровательным» районам конца XIX века (справа). Разворот из памфлета *Die gemordete Stadt* (1964), выпущенного Вольфом Йобстом Зидлером и Элизабет Ниггемайер. Знаки слева гласят: «Частная дорога, вход воспрещен» и «Частная детская площадка». Справа — табличка «Площадь дикого вепря» (публикуется с разрешения Вольфа Йобста Зидлера); с. 107

- 4.7 Лидер ГДР Эрих Хонеккер (слева) в гостях у рабочей семьи в Восточном Берлине 6 июня 1978 года. Поводом для визита стал ввод в строй предположительно миллионной квартиры в рамках Жилищной программы 1973 года (фото из книги: *Neue Wohnkomplexe in der DDR und der UdSSR / Ed. Ministerium für Bauwesen der DDR, East Berlin: Verlag für Bauwesen, 1987*); с. 112
- 4.8 Район Марцан в Восточном Берлине (Флориан Урбан, 2005); с. 114
- 4.9 Аренсфельдер Террассен (архитекторы Штефан Шюттауф и Михаэль Перзике, 2002 год). Одиннадцатизэтажные панельные здания частично разобраны и превращены в кондоминиум низкой этажности (Флориан Урбан, 2007); с. 125

ГЛАВА 5

- 5.1 Бразилиа (Флориан Урбан); с. 127
- 5.2 Южное крыло Бразилиа в 1959 году (открытка издательства Colombo); с. 129
- 5.3 Три типа кварталов Южного крыла Плану-Пилоту (Сильвия Фишер на основе материалов муниципальных властей Бразилиа); с. 130
- 5.4 Первые законченные кварталы-суперквадры в 1960 году (открытка издательства Edicard); с. 131
- 5.5 Квартал SQS105 (фотография Ричарда Уильямса); с. 133
- 5.6 Квартал SQS107 (фотография Ричарда Уильямса); с. 134
- 5.7 Смешанная застройка в городе-спутнике Агуас-Кларас. На заднем плане высотные многоквартирные здания для среднего класса, на переднем — Сетор Абитасионал Висенте Пирес, район одноэтажного жилья для среднего класса, который возник в 1980-е годы как спонтанная застройка на сельскохозяйственных землях (Агусту Ареал, 2007); с. 149
- 5.8 Город-спутник Сиададе-Ливре, теперь известный как Нуклиу-Бандейранти, возник в 1956 году как временный лагерь для строительных рабочих и получил статус постоянного поселения в 1961-м. Именно его застройка — деревянные бараки и хибары из листового металла — наводила первых

посетителей модернистской столицы на мысли о «Диком западе». Теперь здесь живет 36 000 человек, а некоторые его кварталы очень популярны среди среднего класса (Агусту Ареал, 2007); с. 149

ГЛАВА 6

- 6.1 Мумбаи (Флориан Урбан); с. 157
- 6.2 Картонные коробки и башня — самовольная застройка рядом с роскошными зданиями Нариман-пойнт; с. 159
- 6.3 Чоулы Чанданвади (1904), построенные Бомбейским трестом по переустройству города для промышленных рабочих (Флориан Урбан, 2008); с. 165
- 6.4 Комплекс Каннамвар-Нагар, построенный в 1970-е годы для «низкодоходной группы» населения (Флориан Урбан, 2008); с. 168
- 6.5 Дом для «среднедоходной группы» на дороге № 4 в комплексе Сахакар-Нагар (Флориан Урбан, 2008); с. 170
- 6.6 Самый высокий жилой комплекс Мумбаи — башни Империял архитектора Хафиза Контрактора (Флориан Урбан, 2008); с. 174
- 6.7 Комплекс Васи-Нака, построенный для переселения обитателей трущоб (Флориан Урбан, 2008); с. 177
- 6.8 Кафф-пэрэйд (Флориан Урбан, 2008); с. 179
- 6.9 Система UCOPAN (Universal Concrete Panel System — «Универсальная система бетонных панелей»), разработанная Зеноном Зелинским для Градостроительной организации Большой Калькутты (Зенон Зелинский); с. 182
- 6.10 Панельное строительство в элитном секторе: комплекс Пети Холл (1967) в районе Малабар-хилл (Флориан Урбан, 2008); с. 183
- 6.11 План жилой застройки по методу «участков и услуг» в районе Горай (публикуется с разрешения Collective Research Initiatives Trust — CRIT, Мумбаи); с. 186

ГЛАВА 7

- 7.1 Москва (Флориан Урбан); с. 192
- 7.2 Хрущевка на улице Малые Каменщики в Москве (Наталья Сухова, 2008); с. 195
- 7.3 Жилые дома брежневского времени на Мосфильмовской улице (Мартин Швегеманн, 2008); с. 197
- 7.4 Генеральный план 9-го экспериментального квартала Черемушек (1956–1958), архитектор Натан Остерман (Флориан Урбан по книге: 9-й квартал: опытно-показательное строительство жилого квартала в Москве. М.: Госстройиздат, 1959. С. 17); с. 197
- 7.5 Хрущевка на улице Кулагина в Томске (Wikipedia Commons) с. 199

- 7.6 Эволюция планировок стандартной трехкомнатной квартиры в московском панельном доме с 1958 по 1981 год (Дихтер Я. Е. Многоэтажное жилище столицы. М.: Московский рабочий, 1979); с. 201

ГЛАВА 8

- 8.1 Шанхай (Флориан Урбан); с. 216
- 8.2 Цаоян-синьцунь (1951–1953), архитекторы Ван Динцзэн и Цзинь Цзинчан (Флориан Урбан); с. 223
- 8.3 Фаньгуалун (1963–1965) — образцово-показательный проект застройки территории бывших трущоб (фотография примерно 1965 года из: Shanghai Kexue Jishu Wenxian Chubanshe 1951–1996 — Housing in Shanghai 1951–1996, Shanghai: Publisher for Documents of Science and Technology, 1998. P. 222); с. 225
- 8.4 Генеральный план комплекса Фаньгуалун (Флориан Урбан); с. 226
- 8.5 Низкоэтажная застройка с магазинами и мастерскими на улице Шанвэнь в Старом городе Шанхая. Китайские власти считают такие кварталы трущобами (Флориан Урбан, 2008); с. 227
- 8.6 Построенные в 1973 году башни на восточной стороне Северной улицы Цаоси (Флориан Урбан, 2008); с. 231
- 8.7 Построенный в 1925 году и отреставрированный в 1980-е лилун по адресу улица Пэнлай, 303. Здания слева: так выглядит шикумэнь (Флориан Урбан, 2008); с. 240
- 8.8 Снос лилуна на улице Дацзин в Старом городе Шанхая (Флориан Урбан, 2008); с. 244
- 8.9 Жэньхэн-Бинцзяньюань (Yanlord Gardens) был построен на берегу Хуанпу в Пудуне между 1997 и 2003 годами. Сейчас это один из самых дорогих жилых комплексов в Шанхае (Флориан Урбан, 2008); с. 244
- 8.10 Комплекс Чжунъюань-Лянваньчэн (Brilliant City, 2000 год) из тридцати шести башен для относительно состоятельного населения (Флориан Урбан, 2008); с. 247
- 8.11 Панельный массив Чэньличэн (Everest Town, он же Vanke Golden Licheng), строящийся в южной части Пудуна (Флориан Урбан, 2008); с. 248

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А Аалто А. 107
Акерман Ф. 272
Амадье Ж.-Ф. 276
Ареал А. 12
Арсен-Анри К. 85, 93
Аттербери Г. 25
Ачвал М. Б. 186–187
- Б Банерджи-Гуха С. 267
Бас П. 12
Бауман З. 95, 275
Бауэр К. 49
Белкова Н. 12
Беллами Э. 50
Бем Г. 104
Беренс П. 22
Бернхард Г. 104
Блейк П. 55–56, 192
Блок А. 93, 144, 275
Блохин Б. 28, 197
Бовуар С. де 147
Бодуан Э. 29, 85, 89, 95, 96
Борлоо Ж.-Л. 99
Брантц Д. 11
Брежнев Л.И. 13, 200, 2003–2004, 209
Брейер М. 27
Бристол К. 65
Броди Дж. А. 24
Буало Р. 81–82, 84–85
Бурле Маркс Р. 135
Буров А. 28, 197
- В Вагнер М. 27
Ваго П. 275
Вайс К. 12
Ван Динцзэн 226–227
- Варгас Ж. 36, 141–143
Вассенберг Ф. 12
Вахсман К. 27
Вебер О. 119
Вейлер Л. 49
Венкатеш С. 65, 272
Видал Г. 271
Вильянуэва К. Р. 36
Винер П.Л. 142
Вронская А. 12
Вуд Э. 43–44, 46
Вуд Э.Э. 49
Вудс Ш. 91
Вулф Т. 55–56
Вьейр-Барон Э. 12
Вэйл Л. 11, 65
- Г Гарнье Т. 21
Герман К. 277
Гибберд Ф. 29, 31
Гидион З. 144–145
Гидион К. 144
Гинзбург М. 28, 197
Гири С. 276
Гишар О. 94, 275
Глендиннинг М. 12
Говард Э. 173
Годар Ж.-Л. 83
Горовиц М. 157
Гравье Ж. 274
Гропиус В. 26, 27, 102, 106–107, 269
Груэ А.А. (аббат Пьер) 74, 77
- Д Делакура А. 83, 87, 90
Демэ Ж. 29, 71
- Деннис Р. 12
Дешпанде Л. 267
Дзеви Б. 144
Ди Ван 12
Ди Мейра Пенна Х.-О. 144
Джекобс Дж. 56, 109
Джексон М. 64
Дженкс Ч. 37
Джоши П. 267, 281
Дорфлес Дж. 144
Доусон 52
Дэн Сяопин 235
Дюбрей А. 71
Дюпон Ж. 84, 92, 93
Дюттман В. 102, 105
- Е Е Ан 12, 268
- З Зелинский З. 185–186
Зидлер В.Й. 109–113
Зиттман Т. 104
Зюсснер К. 11
- И Ину Чжоу 12
- Й Йосич А. 91
- К Кайзер Э. 44
Камело Р. 85
Кандела Р. 59
Кандилис Ж. 91, 275
Каро Л. 274
Кассовиц М. 98
Кингсбери Сим-хович М. 49
Клодюз-Пети Э. 73, 80, 84
- Контрактор Х. 178–179, 267, 282
Коста Л. 132, 134–136, 138, 144–145, 152, 155–157
Котловиц А. 55
Коутс У. 29
Кофаль К. 12
Коэн Ж.-Л. 12, 157
Кубичек Ж. 36, 132, 133, 144–145, 279
Куран П. 80
Курокава К. 33
Кэрролл Х. 12
- Л Ла Гуардия Ф. 59
Лабурдетт Ж.-А. 82, 84–85
Лабуш К. 12
Лагутенко В. 198–200, 215
Ладовский Н. 29
Лаутер Б. 105
Ле Корбюзье 26, 28–30, 33, 45, 59, 81, 93, 134, 148, 191, 232
Ле Пен Ж.-М. 97
Лемэр М. 74
Лефевр А. 90, 94
Ли Пэн 234
Ли Сюфэн 224
Ли Чжэнъюй 267, 285, 286
Ливетт Р. 29
Линч К. 118
Лодс М. 29, 89, 93, 95, 96, 275–276
Любеткин Б. 29
- М Май Э. 27, 31, 104, 107
Майи Ж. де 89

Майнхоф У. 114		Перри К. 135		Стоскопф Ш.-Г. 85		Церфусс Б. 83, 85,
Мальдонадо Т. 144		Персиц А. 85, 89–		Стотсбери С. 44		86, 89, 275
Мальро А. 146		90, 274, 275		Стронг Дж. 50		Цзинь Цзинчан
Мамфорд Л. 49		Пирсон К. 157		Судро П. 73, 84, 88,		226, 227
Маннони Э. 273		Пол А. 267, 281		92, 273–275		Цзян Цзян 267
Манохар П. 267		Праху Ч. 270, 281				Цилле Г. 112
Мао Цзэдун 222,		Пруве Ж. 144, 275	Т	Тамбуте К. 83, 87,		Циммерман Г. 119
233, 236		Пуйон Ф. 276		90		
Маркс Л. 279		Пхатак В. 267, 280,		Таут Б. 22, 27, 173	Ч	Чжан Лисинь 268,
Махаджан С. 267,		281–282		Тафури М. 149		286
280, 282				Тейлор Р. 46		Чжоу Эньлай 224
Мейер Х. 22, 26	Р	Райт Г. 135		Тейлор Ф.У. 23–24,		Чжэн Найгуй 232
Мейнар С. 98		Райф Х. 11		275		Чжэн Шилин 246,
Меллер Г. 145		Райхов Г.Б. 31, 104,		Тейшейра К. М.		268, 286
Мехротра Р. 267		106, 276		157		
Миллер Х. 50		Рао Н. 12		Тернер Дж. 189,	Ш	Шапиро М. 144
Милютин Н. 21		Рейди А.Э. 143		281		Шареф М. 98
Мис ван дер Роэ		Рейес Д. 270, 272		Торау Д. 11		Швагеншайдт
Л. 26–27, 38, 40		Рибейру Г.Л. 155		Тролицш Г. 278		В. 104
Митшерлих А. 110,		Риис Я. 48–49		Тун Ен Линь 44		Швайри С. 12
112–113, 117		Рик Х. 277				Швегеманн М. 12
Михан Ю. 66		Римершмид Р. 22	У	Уиллис Б. 58		Шведерер А. 12
Могел Л. 12		Рокфеллер Дж.Д.		Уилсон Дж. Л. 59,		Швендлер Р. 113
Мойя И. 31		(мл.) 60		272		Шетти П. 268
Монье Ж. 24		Росси А. 118		Уильямс Р. 12, 157,		Шиллинг О. 22
Моргенрот С. 12		Рот Дж. 12		280		Шмидт К. 12
Мур Д. 58		Рот-Белкова А. 12		Ульбрихт В. 115		Шмидт О. 11
Мутезиус Г. 22		Ротиваль М. 71–72		Уэйкман Р. 12, 270,		Шмиттенер П.
Мюллер Г. 102, 105		Роу К. 118		274		25–26
		Роуэлл С. 12				Шоай Ф. 144
Н		Рошфор К. 87	Ф	Фельдман Р. 38,		Шомбар де Лов
Надим А. 192		Рузвельт Ф.Д. 29,		268, 270, 272		П.А. 90
Неру Дж. 34, 170		50, 141–142, 261		Фельшеринов В.К.		Штемлер С. 11
Ниггемайер Э.		Рязанов Э. 195		120		Штойбли В. 145
109–111				Феррейра К. Ф. 143		Шюттауф Ш.
Нимейер О. 132,				Фесток Ж. 29, 71		128–129
134, 144–145, 147,	С	Сааринен Э. 144		Флирль Б. 117–118	Э	Эберле Т. 158, 280
149, 152, 279		Сабинова Г. 12		Форд Г. 23–24, 269		Эберт В. 106–107
Никсон Р. 56		Сабсович Л. 21		Фрейре Ж. 146		Эберштадт Р. 22
Ньюман О. 55, 65		Салливан Л. 38		Фрэмpton К. 149		Эбрамс Ч. 50
		Сартр Ж.-П. 146,				Эдисон Т. 24–25
О		147				Энгель Х. 127
Орику О. 145		Сассун В. 222	Х	Хайнрихс Г. 102,		Энгельс Ф. 205
Осман Ж.Э. 80, 101		Свидерская А. 12		105		Эннебик Ф. 24
Осман М. 12		Себаг Ж. 83, 86		Хант Б. 267, 272		Эрве Л. 145
Остерман Н. 201,		Сеннет Р. 56		Хермкес Б. 31		
202		Серт Ж.Л. 142		Хильберзаймер Л.		
Охитович М. 21		Си Цзинпин 246		27, 269		
		Сиснерос Г. 38		Холл П. 29, 50	Ю	Юммель Р. 71
П		Снайдер Д. 145		Холстон Дж. 146		
Павиани А. 155		Спилберг С. 58		Хонеккер Э. 116	Я	Ямасаки М. 37
Папон М. 79		Стайн Дж. 184		Хоффман Д. 58		Яржомбек М. 11
Пател Ш. 267,		Стайн К. 49, 135		Хрущев Н.С. 13,		Яхетте Л. 12
281–282		Сталин И.В. 29,		28, 32, 195, 197–198,		
Пауэлл Ф. 31		104, 197–198, 200,		200, 203–204, 206,		
Педроза М. 144		206, 209–210, 216,		209		
Пейре-Дортай М.		217, 224, 282		Хуан Ижу 267, 286		
29, 71		Стамп Л.Д.	Ц			
Перзике М.		148–149				
128–129						
Перре О. 24						

КНИГИ STRELKA PRESS

Скотт Маккуайр
ГЕОМЕДИА

Мы уже живем в городе будущего — в практически непрерывном медийном пространстве, с возможностью в любом месте и в любое время связаться с любым человеком и получить любой медиаконтент. Это не просто техническая революция — радикально изменилась сама наша повседневная жизнь, а вслед за ней — устройство экономики и общества. Что произошло и что будет завтра — на эти вопросы отвечает книга урбаниста и медиатеоретика, профессора Мельбурнского университета Скотта Маккуайра.

Майкл Сторпер
КЛЮЧИ ОТ ГОРОДА

Почему одни города богатеют и растут, а другие — пустеют и беднеют? У экономического развития есть конкретные географические координаты — в «Ключах от города» географ Майкл Сторпер рассказывает, как политика, экономика, устройство институтов и качество социального взаимодействия влияют на жизнь городов и городских агломераций.

КНИГИ STRELKA PRESS

Ричард Сеннет
МАСТЕР

Что объединяет древнеримские кирпичи и компьютерные программы? И то и другое сделал увлеченный человек, который использовал свой ум, навыки и опыт, чтобы создать что-то новое и изменить материальный мир вокруг себя. В эпоху окончательной автоматизации производства и стандартизации вещей и практик социолог и философ Ричард Сеннет напоминает о том, какую огромную роль и сегодня играет человеческое мастерство — его «Мастер» посвящен «связи руки с головой» в европейской культуре, взаимоотношению труда и творчества и взаимовлиянию социальной жизни и материальной цивилизации.

Майк Лайдон,
Энтони Гарсиа
ТАКТИЧЕСКИЙ
УРБАНИЗМ

Тактический урбанизм — это теория малых дел в сфере городского развития, и, судя по всему, в современном мире она намного эффективнее, чем проекты масштабных изменений, которые почти никогда не доходят до реализации. Описывая различные подходы к дизайну городской среды, американские архитекторы Майк Лайдон и Энтони Гарсиа доказывают: чтобы двигаться вперед, достаточно и небольших усилий.

Флориан Урбан
Башня и коробка
Краткая история массового жилья

Выпускающий редактор Татьяна Григорьева
Корректор Светлана Крючкова
Верстка Ильяс Лочинов
Производство Наталья Коваленская

Strelka Press
ЧУ ДПО Институт «Стрелка»
119072, Москва, Берсенеvская набережная, дом 14, строение 5а
Телефон: +7 (495) 268 06 19
e-mail: more@strelka.com
www.strelka.com

Подписано в печать 15 марта 2019 года
Формат 70×100/16. Гарнитура William Text Pro
Объем 9,76 усл. печ. л. Бумага офсетная. Печать офсетная
Заказ № 121052. Тираж 5000 экземпляров

Отпечатано SIA «PNB Print»
«Янсилы», Силакрогс, Ропажский район, Латвия, LV-2133
www.pnbprint.eu

